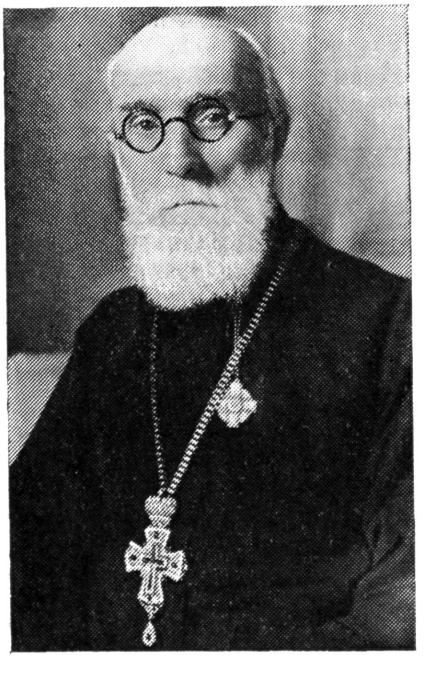
Протоиерей Александр ДЕРЖАВИН,
магистр богословия

ЧЕТИИ-МИНЕИ СВЯТИТЕЛЯ ДИМИТРИЯ, МИТРОПОЛИТА РОСТОВСКОГО, КАК ЦЕРКОВНОИСТОРИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПАМЯТНИК



«Вплести хотя малую веточку в тот венок Славы, каким увенчан Святитель Димитрий, прибавить новые черты к его привлекательному, с детства знакомому образу,— вот те внутренние побуждения, которые руководили мною во время работы».

Протоиерей Александр Державин
(1871—1963 гг.)

ОТ РЕДАКТОРА

Четии-Минеи Святителя Димитрия Ростовского, созданные им в конце XVII — начале XVIII века, являются памятником агиографической литературы, до настоящего времени не потерявшим своего значения. Переведенные с церковнославянского на русский язык, в течение XVIII и XIX веков они неоднократно переиздавались и являются любимым чтением русского православного народа.

Причиной популярности Четиих-Миней Святителя Димитрия является их полнота, обстоятельность изложения, теплота расказа и прекрасный слог, которым написаны жития. Поставив своей задачей писать так, чтобы «не солгати на святого», агиограф привлек к своей работе все источники, какие могли быть ему доступны в то время. В основу своего труда Святитель Димитрий положил «Великие Минеи-Четии», составленные в XVI веке при митрополите Макарии. Он

провел тщательную текстологическую работу, сопоставляя редакции рассказов о святых подвижниках и мучениках в греческих, латинских и славянских собраниях житий святых, устанавливая точные даты их жизни и смерти, проверяя достоверность сообщаемых сведений. Огромный труд, проделанный Святителем, делает его Четии-Минеи не просто полезной, занимательной и поучительной книгой, но и фундаментальным научным трудом.

Предлагаемая читателю работа протоиерея Александра Михайловича Державина о Четиих-Минеях Святителя Димитрия Ростовского является его магистерской диссертацией, высоко оцененной Ученым советом Московской духовной академии 4 марта 1954 года. Тема избрана автором не случайно: личность и труды Святителя Димитрия Ростовского заинтересовали отца Александра Державина еще в те далекие годы, когда молодым священником он служил в соборе города Ростова Ярославского. В 1909 году в Ростове широко отмечалось двухсотлетие со дня смерти Святителя. К этому юбилею в честь Святителя Димитрия А. М. Державиным была написана торжественная кантата, исполнявшаяся соборными певчими и учениками местного духовного училища.

Когда в 1910 году А. М. Державин поступил в Киевскую духовную академию и оказался таким образом на родине Святителя — Украине и в стенах той школы, которая воспитала будущего списателя житий святых, его интерес к жизни и трудам великого труженика вспыхнул с новой силой.

К работе над Четиими-Минеями Святителя Димитрия А. М. Державин приступил в 5-й год своего пребывания в стенах Академии, где он был оставлен на год стипендиатом. Его кандидатская работа оказалась тем зерном, из которого впоследствии выросло настоящее исследование великого труда Святителя Димитрия — его Четиих-Миней.

Над своей магистерской диссертацией протоиерей Александр Державин работал долгие годы, можно сказать, всю свою жизнь. Окончив Киевскую духовную академию в 1915 году, он переехал на жительство в Москву, где продолжал работу над темой в книгохранилищах Исторического и Румянцевского музеев. Окончательно завершить работу ему удалось лишь в начале 50-х годов, но зато, помимо обширного двухтомного исследования, она включила в себя три тома приложений, где подробно день за днем рассмотрены все жития, вошедшие в Четии-Минеи Святителя Димитрия Ростовского, проведен их подробный источниковедческий и текстологический анализ.

В слове перед защитой диссертации в Московской духовной академии 4 марта 1954 года автор поведал следующее: «...Я смотрел на работу по исследованию Четиих-Миней Святителя Димитрия как на дело, порученное мне воспитавшей меня академией, как на долг, который я должен был исполнить, в какие бы условия ни ставили меня житейские обстоятельства. Сознаю, что я сильно запоздал с выполнением этого долга; знаю, что и выполнил его не так, как требовали важность и значение исследованного мною великого творения Святителя Димитрия; но, дожив до нынешнего дня, не могу не воздать благодарности Тому, Кто, по молитвам Святителя, дал мне силы и возможность закончить свою работу...».

«Великое творение Святителя Димитрия,— отмечал в том же слове отец Александр,— было важным и необходимым пособием в той упорной борьбе, которую в XVII в. вел православный украинский народ против католического польского правительства, отстаивая свою веру и национальность. Украинский летописец, отмечая выход из печати 3-й части Четиих-Миней, указал, что эта новая часть радостью наполнила сердца всего украинского народа. Следовательно, Святи-

тель Димитрий, трудясь над Четиими-Минеями, выполнял народное патриотическое дело, и уже это одно придает важное историческое значение его труду».

К этому необходимо добавить еще и то, что наиболее значительную миссию Четии-Минеи Святителя Димитрия выполняли в течение всего XVIII столетия. Посредством странников *, несших Четии-Минеи в своих котомках из конца в конец Великой России, эта книга противоборствовала тем началам, которые разрушали русскую культуру в период немецкого и других засилий, и особенно в период «бироновщины» (30-е годы XVIII столетия).

Сопоставляя фраза за фразой текст житий, предлагаемый в Четиих-Минеях, с источниками, бывшими в руках Святителя, отец Александр Державин устанавливает, что́ и откуда заимствовал агиограф, дает параллельное сравнение текстов и таким образом вводит читателя в творческую лабораторию Святителя, вскрывает метод его работы.

Исследование протоиерея Александра Державина состоит из двух частей. В первой дается биография Святителя Димитрия, в миру Даниила Саввича Туптало, раскрывается историческая обстановка на Украине в середине XVII века, заставившая местных церковных деятелей предпринять труд создания русских Четиих-Миней, рассказывается история их написания иноком, а потом епископом Димитрием и события, связанные с их первым изданием. Попутно раскрывается отношение украинского духовенства к Москве, роль, которую играла Москва в ходе работы Святителя Димитрия, и трудности, которые возникали у него при этой работе. Вторая часть монографии посвящена изучению источников, положенных Святителем Димитрием в основу своего труда. На основании тщательного изучения содержания житий, отраженного в приложениях к монографии, протоиерей Александр Державин показывает, какая огромная текстологическая работа была проделана Святителем, и выясняет его отношение к использованным источникам, в частности, к Макариевским Четиим-Минеям и творениям греческого агиографа Симеона Метафраста, к которым он обращался чаще всего. Но в распоряжении Святителя были и такие труды, как собрание житий святых Сурия, «Acta Sanctorum» Болландистов и другие книги, написанные агиографами Римско-Католической Церкви. Обращение к этим источникам доказывает высокую образованность Святителя Димитрия и широту его кругозора. Широко владея современными ему западноевропейскими и славянскими агиографическими источниками, Святитель остался самостоятельным, истинно русским православным писателем, создавшим вместе с другими южнорусскими учеными свою национальную литературу.

Как показало исследование, в его Четиих-Минеях используются и местные сборники сказаний о святых. Так, в основу жития царевича Димитрия Угличского была положена присланная писателю друзьями «Угличская книжица».

Особое внимание уделено в монографии отношению Святителя Димитрия к собранию житий святых, написанному польским агиографом Петром Скаргой. Полемизируя с польским ученым профессором Пачовским, который считал, что книга Скарги была основным источником для Четиих-Миней Святителя Димитрия, протоиерей Александр Державин убедительно показывает оригинальность труда Святителя. Общие же места у того и другого писателя объясняются тем, что они обращались к одним и тем же источникам [1].

* Особый вид духовного подвига. Особенно был развит в России в XVIII в.

[1] О своей работе и о статье проф. Пачовского автор по предложению профессора Московского университета, члена Украинской Академии наук Н. К. Гудзия делал доклад в секции древней литературы при Институте мировой литературы им. А. М. Горького 6 мая 1947 года.

Работа протоиерея Александра Державина, особенно вторая ее часть и приложения к ней, предлагает читателю обширный материал для дальнейшего изучения великого двенадцатитомного труда Ростовского Святителя. Как справедливо указывает Высокопреосвященный Питирим, архиепископ Волоколамский, «фундаментальное исследование магистра богословия протоиерея Александра Державина «Четии-Минеи Святителя Димитрия Ростовского как церковноисторический и литературный памятник (МДА, 1953)» открывает много нового в ученой деятельности этого отца Русской Церкви» [2].

Монография протоиерея Александра Державина является пока единственным научным трудом, так глубоко и полно изучающим Четии-Минеи Святителя Димитрия.

Четии-Минеи, напечатанные в первый раз в конце XVII — начале XVIII века, сразу стали широко популярны. Их высоко ценили уже современники. Так, в школьной драме «Венец Димитрию», написанной в 1704 г. учителем Ростовской школы Евфимием Морогиным ко дню именин Святителя Димитрия [3] и исполненной перед ним ее учениками, в эпилоге говорится:

«Наипаче, о Владыко, от твоей святыни
Молим, да простиш нас своей благостыни,
Вем бо, яко лучши венцы соплетаеш,
Жития святых пишущ, всех святых венчаеш.
За то венец дадеся ти златокованны,
Архиерейский, им же еси увенчанны
Будешь потом увенчан венцем вечно властным,
Якоже и твой ангел, дванатцаточастным.
Трость пишуща то копье, а пот стóит крове,
Яже от пресвященна чела ти исплове.
Часть дванадесятую венца ти сплетаеш,
Егда дванадесятый месяц совершаеш.
Будеши венцем Неба за то увенчанный,
Святых возвеличивый, будеш величанный,
Его же ти по долгой зде жизни желаем,
Смирно твои питомцы главы преклоняем».

Известно также, что некоторые жития из Четиих-Миней Святителя Димитрия были инсценированы организаторами придворного театра царевны Наталии Алексеевны и поставлены на придворной сцене. Таковы жития Ксенофонта и Марии, великомученицы Екатерины и некоторые другие. Это ещё раз показывает, насколько популярна стала работа Святителя сразу же после ее появления и насколько это появление было своевременно.

Высокий художественный уровень, отличающий Четии-Минеи Святителя, объясняется тем, что их автор был выдающимся писателем-поэтом и драматургом своего времени: ему принадлежит ряд лирических произведений, проникнутых глубоким религиозным чувством, и несколько пьес, написанных для школьного театра. Наиболее известны пьесы «На Успение Пресвятой Богородицы» и «На Рождество Христово», а также не дошедшая до нас пьеса «Покаяние грешного человека». Эти пьесы обнаруживают незаурядный литературный талант автора, являясь новым этапом в развитии школьной драматургии конца XVII — начала XVIII в. [4], и широту его пастырских и богословских взглядов.

[2] «Журнал Московской Патриархии», 1975, № 1, с. 75.

[3] См. П. Н. Берков. Вероятный источник народной пьесы о царе Максимилиане и его непокорном сыне Адольфе. ТОДРЛ, т. XIII, М.—Л., 1957, с. 298–312; и он же — Школьная драма «Венец Димитрию». ТОДРЛ, т. XVI, Л., 1960, с. 323—357.

[4] См. «Ранняя русская драматургия XVII — первая половина XVIII в.». Вып. 2. Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. Изд. «Наука». М., 1972, с. 172—274.

Святитель Димитрий Ростовский

Икона XVIII века

ВВЕДЕНИЕ

Юго-западная русская литература XVII века дала нашему народу немало замечательных, выдающихся произведений. Одним из таких произведений являются и Четии-Минеи, составленные сначала скромным иеромонахом, а потом знаменитым Ростовским митрополитом Святителем Димитрием. Появившиеся в самом конце XVII и в начале XVIII века, Четии-Минеи по степени распространения и силе влияния на мировоззрение и духовный склад православного русского народа далеко превзошли другие подобные им юго-западные издания и заняли между ними первое место. Тотчас же после своего появления они сделались любимым чтением русских православных людей, в XVIII и XIX веках выдержали значительное количество изданий, в начале XX века переведены были с церковнославянского на русский язык и до сих пор не утратили своего значения. Мало того, они остались незаменимым и единственным произведением подобного рода, других, настолько же содержательных и любимых народом Четих-Миней русская богословская наука доселе не создала. Все составители после Святителя Димитрия пользовались его творением, и вышедшие в XIX и XX веках сборники житий святых в большинстве представляют переложение и сокращенное изложение его Четих-Миней. Вполне понятен поэтому интерес к Четим-Минеям, составленным Святителем Димитрием, изучение и исследование их с научной точки зрения (...).

Как сочинение, посвященное описанию жизни святых, прославляемых с первых веков христианства, Четии-Минеи имеют непосредственную связь не только с русской, но и со всей общехристианской агиологией. Последняя в своих памятниках сохранила громадное количество составленных в разное время житий святых, выработала для них различные литературные формы и заботливо передала все это богатство нашим предкам, когда они приняли христианскую веру. Как выдающееся событие в жизни юго-западной Православной Церкви и украинского народа, Четии-Минеи заняли важное место в их истории, и появление их обусловливалось тем состоянием, какое в XVII веке они переживали (...).

В русской церковноисторической литературе специального исследования о Четих-Минеях Святителя Димитрия нет, но их касаются и о них говорят все биографы Святителя и все историки Русской Церкви, а также литературы. До прославления Святителя в 1752 году не было написано его жития. Составители книги «Святитель Димитрий, митрополит Ростовский» (опубликованной в 1849 году) говорят, что они имели рукописное житие Святителя, но оно, как видно из его начала, составлено после 1752 года. Профессор И. А. Шляпкин в предисловии к своему сочинению «Святитель Димитрий Ростовский и его время» (1) указывает и еще несколько рукописных житий Святителя, но, по его мнению, они не заслуживают внимания; он придает значение только тому житию, которое в 1757 году написано было по поручению Синода Ростовским митрополитом Арсением Мацневичем и напечатано при первом томе творений Святителя Димитрия.

Житие преследует нравственно-назидательную цель и поэтому трудов Святителя, как писателя, почти не касается.

Вышедшее в 1849 году исследование «Святитель Димитрий, митрополит Ростовский», которое проф. И. А. Шляпкин называет «превосходным» и говорит, что оно редактировано А. В. Горским из двух сочинений студентов Московской духовной академии — Нечаева и Барского, представляет собой уже вполне научный, ценный труд, не утративший своего значения и в настоящее время. Это исследование распадается на две части: в первой описывается жизнь Святителя Димитрия от рождения до кончины, во второй рассматриваются все его творения, причем дается внимательная и

серьезная их характеристика. Четиим-Минеям посвящен здесь особый обширный отдел (с. 130—203), где после краткого замечания об источниках житий указывается, какую цель ставят себе составители исследования при их рассмотрении. Цель авторов книги, как они говорят, состояла в том, чтобы «раскрыть историческое достоинство житий святых», поэтому, пишут они, «мы намерены указать только те из них, для которых Святитель Димитрий имел сказания, составленные современниками святых или людьми, к ним близкими по времени». Из этих слов видно, что авторы сочинения вопроса о действительных источниках житий святых в Четиих-Минеях касались лишь косвенно, научно их они не выясняли, а искали в агиологических сборниках, которыми пользовался и не пользовался Святитель, только те свидетельства достоверности, которые их интересовали. Этому они посвятили много внимания и труда. В книге, в порядке месяцев года, рассмотрено около 200 житий, при этом сначала всегда указывается, на какие источники ссылается сам Святитель, а потом приводятся из разных книг свидетельства достоверности житий. Чаще всего они берутся из «Актов святых» Болландистов, и даже из тех томов, которых у Святителя Димитрия не было. Из сказанного ясно, что рассматриваемое нами сочинение вопроса об источниках житий в Четиих-Минеях не исчерпывает и дальнейшего изучения и определения их не исключает.

В 1891 году вышла докторская диссертация профессора Петербургского университета Ильи Александровича Шляпкина «Святитель Димитрий и его время» (...). Это исследование представляет собой научную, глубоко разработанную биографию Святителя Димитрия с характеристикой времени, в которое он жил и трудился. В сочинении много говорится и о Четиих-Минеях, собственно об их составлении и печатании, но как памятник литературный они не рассматриваются. Кроме того, все эти сведения излагаются в связи с разными фактами биографии Святителя, находятся в разных местах, и поэтому связной и полной истории составления и появления Четиих-Миней не дают (...).

Сочинение священника М. С. Попова «Святитель Димитрий, митрополит Ростовский, и его труды», вышедшее в 1910 году, посвящено также, главным образом, биографии Святителя и, после богатого содержанием и капитального труда профессора И. А. Шляпкина, каких-либо новых сведений из жизни Святителя Димитрия не сообщает. Во второй части своей книги священник М. С. Попов говорит о литературных трудах Святителя; здесь имеется особая глава и о Четиих-Минеях, но в ней идет речь, главным образом, о том, какие темы веро- и нравоучения составляют содержание житий, что интересно и важно скорее для богослова, чем для историка литературы.

Кроме этих основных трудов, в разное время во многих духовных и светских журналах напечатано было немало статей, посвященных Святителю Димитрию, но большая часть их самостоятельного значения не имеет и сообщает о Четиих-Минеях самые общие, поверхностные сведения. В сочинениях по истории русской литературы, в учебниках и книгах по истории Русской Церкви также говорится о Четиих-Минеях Святителя Димитрия, но подробно они здесь не рассматриваются и ничего нового после разобранных нами исследований не дают.

В 30-х годах текущего столетия во «Львовских университетских известиях» на польском языке напечатана была проф. Пачовским большая статья, посвященная специально Четиим-Минеям Святителя Димитрия, вышедшая потом и отдельным оттиском. Статья, озаглавленная «Четии-Минеи Димитрия Тупталенко Ростовского», состоит из пяти глав. В первой дается краткий очерк украинской агиографии до половины XVII века; во второй излагается история составления Димитрием Четиих-Миней; в третьей выясняются те иностранные и славянские источники, по которым излагал Димитрий жития святых, вошедшие в Четии-Минеи; в четвертой характеризуется работа Святителя Димитрия, как агиографа, и в пятой сообщается, как отразились Четии-Минеи в последующих сочинениях Святителя (...). В первой и второй главах своей статьи проф. Пачовский ничего нового и оригинального не сообщает. Большой интерес представляют последние главы, особенно третья, посвященная источникам Четиих-Миней, где автор стремится доказать зависимость Святителя Димитрия от польского агиографа П. Скарги. Точка зрения проф. Пачовского будет рассмотрена ниже, в соответствующей главе данной работы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Вышедшие в свет в конце XVII и начале XVIII века, Четии-Минеи Святителя Димитрия, митрополита Ростовского, завершили собой долгий период, пройденный до них русской агиографией (...). Русская агиография не была вполне самостоятельной. Литературные формы и приемы для описания жизни святых она заимствовала у греков в тех житиях и агиографических сказаниях, которые в славянских переводах принесены были на Русь из Болгарии и Сербии после принятия нами христианства. Чтобы определить эти литературные формы, мы должны дать некоторые сведения и из агиографии греческой.

Первыми основоположительными образцами греческой агиографии нужно считать евангельские рассказы о жизни Спасителя и его учеников. К Евангелию и вообще к Священному Писанию каждый агиограф должен был обращаться и потому, что жизнь святого всегда и везде была подражанием жизни Христа Спасителя. С этой стороны всю агиографическую литературу можно рассматривать как продолжение Евангельской истории, в живых примерах из жизни святых раскрывающее возвещенное Христом Спасителем учение о спасении. Святитель Димитрий, рассказывая в своих Четиих-Минеях о святых апостолах и других упоминаемых в Евангелиях святых, всегда тщательно выбирал отсюда все сведения о них. Евангельские рассказы просты и безыскусственны. Без сомнения, тот же характер носили и первые записи о подвигах святых. Так как первым и важнейшим подвигом христиан, последователей Христа Спасителя, было мужественное исповедание и смерть за Него, то рассказы об этом и были первыми агиографическими сочинениями. Одни из этих рассказов были кратки, другие — более подробны. Первым агиографом необходимо считать святого евангелиста Луку, который в книге Деяний святых апостолов описал подробно мученическую кончину архидиакона Стефана (6 и 7 гл.) и кратко сообщил о такой же смерти святого апостола Иакова Зеведеева (гл. 12).

Пример апостола Луки, может быть, не скоро нашел подражателей, но нельзя сомневаться в том, что первые христиане, исполняя заповедь апостола Павла (Евр. 13, 7), тщательно отмечали дни смерти святых мучеников, чтобы впоследствии проводить эти дни в молитвах и признательных воспоминаниях. Об этом свидетельствуют многие сохранившиеся памятники древнехристианской письменности. Так, например, в актах священномученика Игнатия Богоносца, епископа Антиохийского, составители их — спутники святого — говорят, что они заметили день и год его кончины, чтобы, собираясь в этот день, иметь общение с подвижником и доблестным мучеником Христовым (2). Подобные записи первые христиане сначала заносили в свои «диптихи» — дощечки для поминовения живых и умерших, а потом стали пользоваться для этого и римскими календарями. Записи здесь были, конечно, весьма кратки; кроме времени, отмечалось только имя святого и род его смерти. В Деяниях святых (3) напечатан такой календарь, принадлежащий некоему Дионисию Филокалу и известный под именем Бухерианского (4). Он относится к середине IV века и принадлежал Римской Церкви. Во второй его половине (в первой находится римский хронограф) перечисляются римские папы и затем отмечается праздник Рождества Христова — 25 декабря — и еще двадцать четыре дня, посвященные памяти святых апостолов и мучеников.

Впоследствии христианский календарь отделился от языческого и составил самостоятельное целое. К концу IV века, после эпохи великих гонений, этот календарь так уже был полон, что в нем не оставалось ни одного дня, свободного от памяти святых мучеников. Об этом сви-

детельствует Астерий, епископ Амасийский; в одном из слов он говорит: «Вот всю вселенную наполняет круг подвижников Христовых, нет места, ни времени года без памяти их» (5).

Такого полного христианского календаря до нашего времени не сохранилось. В древнейших, известных теперь, христианских календарях западного происхождения, которые получили там наименование martyrologium (мученикословие), Бухерианском, Готфском, Карфагенском и других — имеется очень немного памятей и далеко не на все числа года (6). В самом древнем восточном календаре, который называется μηνολόγιον (месяцеслов), написанном или, как говорит архиепископ Сергий (7), переписанном в 411—412 гг. в Сирии, больше памятей святых, но они также не заполняют всех дней года. Запись как в западных, так и в Сирском месяцеслове сопровождается сведениями о святых самого общего характера; указывается только имя святого и место его кончины; в числе святых именуются исключительно одни мученики.

В последующее время, с умножением подвигов служения Господу и развитием христианского богослужения, месяцесловы стали пополняться новыми святыми и новыми священными воспоминаниями. К именам мучеников были прибавлены ветхозаветные святые, преподобные, святители, а к праздникам Господским присоединились другие праздники — сначала Господские же, затем Богородичные и, конечно, те, с которыми связывались различные знаменательные церковноисторические события. Примером такого более развитого месяцеслова может служить римский мартиролог, носящий имя блаженного Иеронима. Сравнительно с Сирским месяцесловом в нем шесть ветхозаветных святых, десять двунадесятых праздников (нет Преображения и Введения во храм), упоминаются все апостолы (в Сирском только четыре) и некоторые преподобные (8). Сведения о святых здесь тоже очень кратки: указывается место подвигов святого, иногда отмечается, кто он был — епископ, диакон, монах, сообщается характер его кончины — страдание, успение — и точно обозначается месяц и день, когда должна совершаться его память.

Христиане, почитающие святых, конечно, не удовлетворялись такими краткими и скудными сведениями о них. Им хотелось знать все подробности тех страданий, которые мученики претерпели за Христа. Поэтому они всеми средствами старались достать и собрать эти сведения, прилежно записывали их и берегли, как святыню. О святых мучениках самые достоверные сведения находились в тех судебных протоколах, которые велись при допросе мучеников. В Римском государстве бо́льшая часть христиан, уличенных в принадлежности к христианской религии, предавалась мучениям после судебного разбирательства. А суд римский обычно происходил в присутствии «нотариев», т. е. особых писцов, которые знакомы были со стенографией и точно записывали как вопросы судей, так и ответы обвиняемых. После судопроизводства эти записи переписывались и хранились в архивах. Так как подобные записи давали наиболее верные сведения о мужестве и подвигах святых, то оставшиеся в живых христиане не щадили даже больших денег, чтобы приобрести или списать их. В актах святых мучеников Тараха, Прова и Андроника отмечено, что христиане заплатили за них римским властям 200 динариев.

По мнению ученых, эти судебные записи имели вид уголовного допроса или протокола. Сначала в них обозначалось имя проконсула, в области которого производился суд, затем — год, месяц и день, а иногда и время дня, когда происходило судоговорение; далее — имя и род судьи, область и место суда и, наконец, уже самый допрос, который представлял собой диалог между судьей, его служителями и обвиняемыми. По окончании допроса проконсул приказывал прочитать его

вслух, затем судья со своими асессорами выносил то или иное решение и читал приговор. Исполнение приговора производилось уже воинами в отсутствие судьи. Из этой схемы видно, что в подлинных судебных записях описывался только допрос мученика и сообщалось об его исповедании и мученической смерти; никаких других подробностей в них не должно было быть. В агиографии эти судебные записи о мучениках называются acta proconsularia (9). Из этих судебных записей впоследствии образовалась особая форма сказаний о святых мучениках, которая по-гречески называется μαρτύριον, а по-славянски — «страдание». После торжества христианства, когда архивы римских судов стали доступны для христиан, количество таких проконсульских актов значительно увеличилось, но потом бо́льшая часть их была подвергнута литературной переработке и претерпела столько изменений, что восстановить старинную стенографическую запись в сохранившихся сказаниях о святых мучениках — дело трудное, а порою и вовсе невозможное.

Так как проконсульские акты добывались с большим трудом, то в Древней Христианской Церкви очень рано практиковался и другой способ собирания сведений о святых мучениках — путем описания их подвигов сторонними наблюдателями. При важнейших Церквах для этого назначались даже особые лица. Есть известие, что папа Климент назначил на это служение семь диаконов, поручив каждому определенную часть города Рима (10). Эти записи очевидцев назывались passio (страдание); они во многом подобны актам, но имеют от них и отличие. Французский ученый Леклерк характеризует различие между этими формами агиографической литературы в таких словах: «Один вид произведений — акты — ставит целью дать копию стенографической записи, другой — passio — похвалу мученику, и оба достигают своей цели, которая для одного есть своего рода стенография, потому что все слова, все изречения здесь воспроизведены, а для другого — своего рода иносказательность, потому что фактическая верность здесь уже закрыта как бы покровом и ее надо находить» (11). Из passiones приблизительно в IV или V веке с развитием христианской литературы выработалась новая форма агиографии, получившая название «похвалы» (ἐγκώμιον), или «похвального слова». Здесь уже над фактами преобладает риторика, составитель похвалы не заботится о точной передаче событий, а старается пробудить сердце читателей, вызвать у них почитание подвига святого мученика (12).

Эпоха гонений, украсив Церковь множеством мучеников, дала немало и сказаний о них. После торжества христианства количество этих сказаний еще более увеличилось, потому что каждая Церковь стремилась иметь своих небесных покровителей и прилагала все усилия, чтобы добыть сведения о них. Побуждало к этому и то, что сказания о мучениках с первых времен пользовались глубочайшей любовью христиан, их читали, списывали и собирали в сборники; некоторые проникались к ним даже таким уважением, что никогда не расставались с ними, нося их постоянно при себе. Рано чтение сказаний о святых мучениках вошло и в церковное богослужение. Как можно предполагать по мученическим актам священномученика Игнатия Богоносца, чтение сказаний о мучениках за богослужением практиковалось уже во II веке. В житии святого мученика Евстратия и дружины его (13 декабря) временем для чтения страданий святых мучеников указана утреня, по пении псалмов. Святой Маруфа, епископ Месопотамский, читал акты персидских мучеников в церкви Великим постом. 50-м правилом Карфагенского собора 418 года повелевается читать мученические акты за богослужением в те дни, когда чтится Церковью память мученика (13). Для того, чтобы исполнить это требование Собора, нужно было иметь сборник сказаний о святых муче-

никах, расположенных в порядке дней и месяцев года. Такие сборники потом и получили наименование Четиих-Миней (14).

Рано ли начали составляться такие сборники — неизвестно. Архиепископ Сергий говорит, что в III веке собиранием сказаний о святых мучениках занимался святой Дионисий, епископ Александрийский. В IV веке о палестинских мучениках написал особую книгу Евсевий, епископ Кесарийский. Он же, пользуясь расположением к нему царя Константина, собрал из церквей и римских судебных учреждений записи и акты о святых мучениках и издал их в десяти, а по другим сведениям — в двадцати книгах, о чем сам неоднократно говорит в своей «Истории Церкви» (15). К сожалению, этот труд Евсевия Кесарийского в полном виде не сохранился до нашего времени, и поэтому мы не можем сказать, носил ли он характер Четиих-Миней, т. е. были ли сказания о святых мучениках расположены в нем по дням и месяцам года. Если судить по сборнику Евсевия о палестинских мучениках, то такого распределения не было; здесь сказания расположены по местам страданий и смерти святых мучеников. После епископа Евсевия сведения о персидских мучениках собрал святой Маруфа, епископ Месопотамский, но и его собрание не имеет характерной черты Четиих-Миней — распределения сказаний по месяцеслову. Поэтому ни Евсевия Кесарийского, ни святого Маруфу нельзя назвать первыми творцами Четиих-Миней, они были только собирателями актов и сказаний о святых мучениках, но собирателями замечательными, выдающимися.

Миланский эдикт императора Константина (313 г.), давший свободу христианской религии, повлек за собой крупные изменения и в греческой агиографии. С этого времени прекратились гонения на христиан и число мучеников за Христа значительно сократилось. Но взамен этих героев духа явились подвижники и исповедники иного рода, которые или на кафедрах святительских, или в глухих местах и пустынях боролись со злом и страстями, стараясь осуществить в своей жизни идеал христианского совершенства. Любовь современников не могла пройти мимо этих новых светочей христианства и, окружая их глубоким благоговением, старалась сохранить в памяти потомства их жизнь и подвиги. Так как эти подвиги имели свой особый характер и интерес представляла вся жизнь подвижника, то, конечно, и самый стиль рассказа о нем сравнительно со сказаниями о святых мучениках должен был измениться.

Описывая страдания и кончину мученика, агиограф не интересовался всей его жизнью; для него важно было передать верно и подробно его стойкость в вере и его терпение в страданиях. Предполагалось, что правдивый рассказ об этом поразит сердце читателя и назидательно воздействует на него. Поэтому агиограф мучеников редко вносил в свое повествование личные замечания или рассуждения. Агиограф нового времени должен был описать всю жизнь святого, от рождения до кончины, собрать сведения об его духовных подвигах и изложить все это так, чтобы рассказ был назидателен и вызывал у читателей благоговение к тому, о ком рассказывалось в повествовании. В результате этих требований появился (в Греции) новый тип агиографической литературы, который по-гречески называется βίος, по-славянски «житие». Историки литературы говорят (16), что христианские агиографы заимствовали этот тип у классической греческой литературы, в биографиях знаменитых людей древней Греции. Правда, некоторые христианские писатели, стремившиеся порвать всякую связь с язычеством, старались и для описания жизни святых создать свой самостоятельный стиль (17), но возобладало иное направление, которое, усвоив классическую форму, сделало в ней лишь необходимые, требуемые духом христианской религии изменения.

Житие обыкновенно начиналось предисловием, в котором автор говорил о своем недостоинстве и малой учености, приводил причины и поводы, которые заставили его взяться за труд, и, наконец, указывал те источники, из которых он собрал и получил сведения о святом. В главной части должна была быть описана вся жизнь подвижника от рождения до кончины. Здесь указывалось место, откуда происходил святой, кто были его родители, как он вел себя в юности, как учился, когда и под чьим влиянием решился вступить на путь подвига. Здесь же подробно описывались все аскетические упражнения святого, его борьба с диаволом, его отношение к ученикам и вообще к людям. В конце этой части приводились предсмертные наставления подвижника, передавались все обстоятельства его кончины и давались сведения о сотворенных им чудесах. Заканчивалось житие заключением, в котором воздавалась похвала святому, а иногда присоединялась даже молитва ему.

В первое время жития были действительными историческими рассказами о жизни и подвигах святых людей, особенно когда писали их лица, близкие к ним, их ученики и сподвижники (18). Но потом усвоенный греками взгляд, что читателей более, чем простой, безыскусственный рассказ, назидает красноречие и витийство, сделал то, что агиографы, отвечая вкусам публики, внесли риторику и в жития, и последние постепенно ослабили свой характер исторических памятников. Форма в них возобладала над содержанием, их стиль потерял простоту, он стал украшаться метафорами и сравнениями, в изложении появились длинные диалоги, лирические восклицания и рассуждения автора. После эпохи иконоборчества в Византии появились целые школы, в которых специально обучали составлению житий, где каждый ученик, оканчивающий школу, должен был непременно написать житие по данным ему образцам. Форма, конечно, много повредила исторической ценности житий, но нельзя думать, что она совершенно их обесценила. И в таких житиях все же можно найти богатый материал для знакомства с политической историей Византии, с ее социальными порядками и бытом народонаселения (19).

Когда жития стали, подобно мученическим актам, собираться в сборники — неизвестно. Период греческой агиографии от V до VIII века архиепископ Сергий называет «сокровенным», потому что от этого времени сохранилось очень мало агиологических памятников. Сборников полных житий среди них совсем нет. Между тем, в это именно время появился у греков новый вид агиографической литературы, получивший название «патерика», по-славянски «отечника». Такое название давалось сборникам, где собраны были небольшие рассказы и повести о подвижниках какой-либо одной местности и передавались из их жизни лишь некоторые отдельные события или назидательные наставления. Из патериков наиболее замечательными считаются: «Лимонарь», или «Луг духовный» Иоанна Моска, «Лавсаик» Палладия Еленопольского, «Беседы о жизни и чудесах италийских отцев» папы Григория Великого, «История боголюбцев» Феодорита, епископа Киррского, и другие. Все они написаны с назидательной целью, все дают разнообразный и богатый агиографический материал, но в расположении сказаний о святых не имеют никакого сходства с Четиими-Минеями. Свои рассказы и повести они распределяют не по месяцеслову, а по простой ассоциации идей или по отдельным группам.

Составление Четиих-Миней, вообще, надо признать делом сравнительно поздним. Для этого требовалось собрать огромный материал и приложить много труда в распределении его по дням и месяцам всего года. Поэтому можно предполагать, что ранее Четиих-Миней появились сборники не полных житий святых, а кратких сказаний о них, расположенных по месяцеслову (20). Сказания эти передают только

важнейшие факты из жизни святых, форма их проста и лишена какой-либо литературной обработки. На Западе такие сборники назывались, как и сборники памятей святых мучеников, «мартирологами», в Греции — «Синаксарями», у нас они именуются «Прологами». На Востоке самый древний из известных теперь Синаксарей был составлен в конце X или в начале XI века по приказанию императора Василия Болгаробойцы. Это — знаменитый «Минологий императора Василия», в котором вместе со сказаниями о святых имеются и изображения их. После этого первого Синаксаря появились у греков и другие, состав которых постепенно пополнялся рассказами, заимствованными из патериков, и статьями учительного характера. Это придало Синаксарям глубокий назидательный характер, и они стали любимыми и наиболее распространенными среди народа книгами.

Первое упоминание о существовании полных греческих Четиих-Миней относится к началу IX века. Оно находится в письме преподобного Феодора Студита к его духовному отцу Платону (21). А от конца того же века сохранились уже и самые списки Четиих-Миней. Архиепископ Сергий в своем исследовании подробно описывает их содержание. Из его слов видно, что в то время Четии-Минеи представляли уже довольно развитой вид подобного рода памятников. В них находятся сказания не только о мучениках, но и о других святых. Эти сказания заполняют почти все дни года, и расположены они в порядке, близко соответствующем ныне принятому месяцеслову. Наконец, по форме это не акты мучеников, а жития, уже переработанные по теории βίος и дополненные материалом дидактическим — словами и поучениями на праздники и в похвалу святым (22).

В конце X века важную работу внутри греческих Четиих-Миней (т. е. в самых житиях) произвел знаменитый логофет Византийского двора Симеон, получивший за свои труды название Метафраста. Первый биограф Метафраста Михаил Пселл, характеризуя состояние житийного материала до исправления его Симеоном Метафрастом, говорит: «Те, которые прежде описывали деяния святых Божиих, частью писали несправедливое, частью изображали доблести святых без силы и красоты, так как не имели особенного дара слова... Отселе происходило, что некоторые не хотели и читать писаного, а другие обращали даже в предмет насмешек и презрения чтение повествования о рабах Божиих» (23). Тогда, «по усердной просьбе всех верующих», Симеон Логофет в шестом году царствования Василия II Болгаробойцы (976—1025) принял на себя составление житий святых отцов, иерархов и мучеников. «Сей премудрый, уважив просьбу побуждавших его, ревностно взялся за дело, положил перед собою древние (акты) мучеников, называемые «Кимен», что значит лежащий, и переделал их в метафразы. Он прежде всего украсил слог, притом, так, что, удерживая смысл раньше написанного и не изменяя его, представил его яснее; вместе с этим он потрудился совершенно устранить слова, сомнительные и еретиками привнесенные. Таким образом, в описаниях мучений святых он сделал два улучшения: очистил пшеницу от плевел и некрасивое сделал красивым» (24). Метафраст, однако, не успел закончить переработку всех житий, входящих в круг Четиих-Миней. Ему помешал гнев императора Василия, приказавшего за неосторожную фразу (25) изъять из употребления переложения Метафраста и даже сжечь их. Это приостановило работу. Но после смерти Василия II метафразы Симеона, доселе скрываемые, появились снова на свет, быстро распространились и так всем понравились, что вскоре вытеснили ранее употребляемые жития святых. Кроме исправления житий, по мнению архиепископа Сергия, Метафраст дал им и более определенный и твердый порядок в распределении по месяцам и дням года (26).

Так как Минологий Метафраста не носил первоначально имени автора или собирателя, то неудивительно, что неопытные переписчики приписали Метафрасту столько житий и похвал, сколько он никогда не включал в свои книги. Ученые предприняли немало трудов, чтобы выделить из этого множества подлинные труды Метафраста, и в настоящее время считается почти общепризнанным, что в Минологий Симеона Логофета входило приблизительно 150 статей, причем большинство их падало на первые пять месяцев года (сентябрь—январь). Среди этих статей были жития, и не принадлежащие Метафрасту, но удовлетворившие его и принятые им в его кодекс; большинство, однако, состояло из переработок самого Метафраста (27).

Протоиерей Корнилий Кекелидзе в третьей книге I тома академического издания «Христианский Восток», вышедшей в январе 1913 года, напечатал статью «Иоанн Ксифилин, продолжатель Симеона Метафраста» (с. 325—347), в которой приводит из одного грузинского агиографического сборника документ, имеющий такой заголовок: «Премудрого философа Ксифилина, главнейшего среди дворцовых книжников, метафразировавшего, т. е. распространявшего и разукрасившего с древнего «Кимена», некоторыми называемого также Многоглавом, жития, деяния, мучения и подвиги святых, воспоминаемых в течение семи сих месяцев, как-то: февраля, марта, апреля, мая, июня, июля и августа, доклад великому царю Алексию». В этом докладе автор сообщает, что он «приступил к завершению того, что осталось недоконченным от мужа мудрого и божественного, впервые начавшего метафразировать и распространять памяти святых, воспоминаемых в зимние месяцы, т. е. Симеона Логофета». К этому делу, сообщает далее автор доклада, «побуждал его родственный завет святого и великого патриарха нашего Ксифилина». Из этих выдержек можно заключить, что в конце XI века, по поручению императора Алексия I Комнина (1081—1118), была составлена новая редакция Четиих-Миней.

Автор ее, образованный византиец Иоанн Ксифилин, составил жития святых за месяцы февраль — август и, таким образом, как бы дополнил работу Симеона Метафраста. В. В. Латышев изданную им «Византийскую царскую Минею» и считает трудом Иоанна Ксифилина, но полагает, что эта Минея составлена независимо от Метафрастовой и не с целью пополнения последней, а имеет самостоятельное определенное назначение (28).

Из сказанного видно, что к XI веку в области греческой агиографии собран был огромный материал и установилась определенная, всеми принятая литературная форма. Окончательного сформирования Четиих-Миней, однако, не было, так как Греческая Церковь не выработала еще одного твердого, всеми принятого Месяцеслова.

На Руси агиография не имела такой долгой и сложной истории, как в Греции, но всё же условия жизни и переживаемые народом политические и общественные события оказывали влияние и на агиографию и сообщали ей новые своеобразные черты. Однако, прежде всего, следует указать, что́ восприняли мы от греков.

Ко времени принятия христианства сложившееся еще в IX веке Русское государство с главным городом Киевом достигло уже высокой культуры и было хорошо известно и Византии, и многим странам Западной Европы. Поэтому, когда князь Владимир принял христианскую веру и объявил ее государственной религией в своей обширной стране, культурные связи русского народа с Грецией и западными странами еще более укрепились и расширились. С введением новой религии шла к нам и вся связанная с нею литература. Эта литература в первое время, благодаря родству языка, получалась нами, главным образом, из южнославянских стран — Болгарии и Сербии, ранее нас принявших

христианство, но шла и непосредственно из Византии. Вместе с книгами Священного Писания и богослужебными приходили к нам сочинения и агиографического содержания.

По сохранившимся до настоящего времени рукописным материалам трудно точно определить состав полученной нами в домонгольский период агиографической литературы, но можно с несомненностью утверждать, что уже в этот период мы имели полученные из Болгарии и Византии как отдельные жития святых, так и сборники их — Синаксари и Четии-Минеи (29). Шла к нам в то время агиографическая литература и с Запада, из Моравии и Сербии, где славянские племена соприкасались с культурой романо-германских стран, имевших тогда многочисленные агиографические сборники, переведенные с греческих рукописей на латинский язык (30). Наконец, существовали у нас в домонгольский период и жития славянского происхождения, наиболее важное из них — житие Вячеслава, князя Чешского. Смерть князя Вячеслава, убитого братом Болеславом, была описана в житийном стиле на чешском языке и уже в XI веке стала известна на Руси под названием «убиение Вячеслава князя Чешска» (31).

Старейший список Синаксаря, который получил у нас название Пролога (32), по мнению литературоведов, относится к последней трети XII века. Он сделан в Византии группой переводчиков — болгар и русских, о чем свидетельствует и язык перевода. В этом списке Пролога есть житие русского святого — Кирилла Туровского, умершего в конце XII века. Впоследствии в Пролог вносились жития и других русских святых (Бориса и Глеба, княгини Ольги, Леонтия, епископа Ростовского, и других), а его дидактический материал дополнялся новыми статьями назидательного характера, заимствованными из творений Иоанна Златоуста, Феодора Студита и других святых отцов. Вскоре Пролог стал одной из любимых книг русского народа и оказал большое влияние на труды наших древнейших агиографов. Не имея достаточных знаний и опыта, они, желая сохранить память о своих подвижниках, не решались писать житий в той сложной форме, которая утвердилась в греческой агиографии, а подражали большею частью простым и кратким рассказам Пролога.

Полных Четиих-Миней от домонгольского времени не сохранилось; имеется только часть их в двух списках различного письма. Это, во-первых, Супрасльская рукопись, найденная в Супрасльском униатском монастыре. Она содержит жития за месяц март, но не все: нет житий за первые три дня месяца (они утеряны) и за некоторые дальнейшие дни. После житий в сборнике помещены слова святых отцов на праздники. Рукопись относится к XI веку (33). Во-вторых, Успенский сборник XII века, содержащий жития святых за месяц май; в нем находится 18 житий, причем вместе с житиями греческими здесь помещены жития славянских и русских святых, а именно: житие Мефодия, епископа Моравского, житие Феодосия Печерского, сказание о Борисе и Глебе и др. (34). Были ли у нас в домонгольский период и другие месяцы Четиих-Миней — неизвестно. Историки Русской Церкви и литературы полагают, что были. Профессор Е. Е. Голубинский говорит, что «нельзя допустить, чтобы переведены были некоторые месяцы по выбору..., а не все вместе, и если мы имеем некоторые месяцы, то из сего необходимо следует, что переведены были и все» (35). То же утверждают и историки литературы (36).

Что же представляли собой эти Четии-Минеи? Это был уже довольно развитой тип подобных сборников. В них находились жития не только мучеников, но и других святых, имели они и церковно-учительный материал в виде слов и поучений, только он помещался не под числами месяца, а в конце книги, после житий святых. Памяти святых в них расположены по дням, согласно Студийскому уставу, который господ-

ствовал в Греции в XI и XII веках и которым руководствовалась в первое время и наша Церковь. Но собранные в этих сборниках жития не получили еще той обработки, какую дал им Симеон Метафраст. Это были Четии-Минеи более раннего времени, которыми Метафраст пользовался при своей работе. Среди обращающихся у нас в домонгольское время отдельных житий святых, вероятно, попадались и Метафрастовы, но, вообще, имя Симеона Метафраста не пользовалось в Древней Руси такою известностью, какую имело оно в то время в южнославянских странах и какую приобрело у нас значительно позже.

Существовали у нас в домонгольский период и патерики. Упоминание о них находим и у Нестора — в житии преподобного Феодосия Печерского (37), и в Печерском патерике. Сохранились до нашего времени и некоторые рукописи патериков. На основании этих рукописей Е. Е. Голубинский полагает, что в то время у нас были следующие патерики: Синайский, содержащий «Лимонарь», или «Луг духовный» Иоанна Мосха; Азбучный, называемый иногда и Скитским, содержащий беседы и повести о древних подвижниках, расположенные в алфавитном порядке их имен; Скитский, подобный Азбучному, но излагающий тот же материал систематически, и Египетский, в состав которого вошли «История египетских монахов» и «Лавсаик» Палладия Еленопольского (38). В «Истории русской литературы», кроме этих патериков, указаны еще «Беседы папы Григория Великого о жизни и чудесах Италийских отцев» и патерик Иерусалимский (39).

Читая Пролог, Четии-Минеи и патерики, русские грамотные люди знакомились и с теми типами агиографии, которые выработала за время своего многовекового существования греческая церковная литература. Они узнали и схему полного жития (βίος), и краткое его изложение в греческих Синаксарях, и отрывочные назидательные рассказы из жизни святых в патериках. Но вместе с этим ими воспринят был и греческий взгляд на житие не как на правдивое историческое повествование о жизни подвижника, а как на назидание, и притом написанное в искусственном, риторическом стиле. Это требование оказало сильное влияние на наших писателей-агиографов; оно, как увидим, довольно определенно сказалось и на труде Святителя Димитрия (...).

Важное влияние на судьбу нашей письменности оказал приехавший в Москву по вызову правительства в 1518 году афонский монах Максим Грек. Прекрасно образованный и хорошо знакомый не только с греческой, но и с западной литературой, он дал много переводов с греческого и латинского языков и, между прочим, старался распространить у нас жития святых в редакции Симеона Метафраста. Ранее мы говорили, что Симеоновы метафразы были мало известны на Руси. Максим Грек привез их с собою в Москву и сделал из них несколько переводов на славянский язык (40). Но главная его заслуга состояла в том, что он внушил своим ученикам и последователям глубокое уважение к Метафрасту, как достовернейшему списателю житий святых. Благодаря этому авторитет Метафраста среди наших грамотных людей постепенно возрастал, и мы увидим дальше, как стремились руководители Святителя Димитрия достать ему при составлении Четиих-Миней жития в обработке именно Симеона Метафраста. Вообще, в рассматриваемое нами время количество переводной литературы возросло у нас до громадных размеров; появилось много как отдельных житий, так и сборников, сохранилось от этого времени немало и Четиих-Миней (41).

Когда Москва подчинила все отдельные удельные княжества и объединила их в великое Московское государство, у русских книжников возникла мысль собрать и объединить и все «чтомые на Руси книги». Эту мысль осуществил Московский митрополит Макарий (1542—1563). Еще будучи Новгородским митрополитом, он решил составить такой сборник, в котором можно бы было поместить всю письменность, сохра-

нившуюся на Руси от начала христианства до его времени. С этой целью, «не щадя сребра и всяких почестей», он нанимал различных писарей и «писал святые великие книги, и собирал и в единое место их совокуплял дванадесят лет», как говорит об этом он сам. Плодом этих долгих усиленных трудов и были великие Макарьевские Четии-Минеи, которые, по словам литературоведов (42), явились «эпохой» в истории древнерусской агиографии. Постараемся выяснить их значение.

Древние списки Четиих-Миней (Супрасльский и Успенский) составлены были по Студийскому уставу, имели жития не на все числа месяца, и назидательный материал — слова и поучения — расположен был в них в конце, в виде приложения. Это были переводы Четии-Минеи, не получившей еще окончательного развития в греческом оригинале. Дальнейшее развитие Четиих-Миней как в Греции, так и у нас носило одинаковый характер. Новые составители старались заполнить житиями пустующие числа, вносили нравоучительный материал в самую Минею, в виде вторых статей на данный день, и приспосабливали расположение памятей святых к новому, Иерусалимскому уставу. Иерусалимский устав в нашей Церкви начал вводиться в половине XV века, и в XVI веке ему, в нашей именно Церкви, удается уничтожить «пестроту» и достигнуть сравнительного единства. Знакомясь с Четиими-Минеями домакарьевского времени, мы видим, что они далеко уже подвинули вперед это преобразование Четии-Минеи, но все-таки его не докончили: в них было еще немало дней с пропусками и в распределении житий наблюдалась путаница (43).

Митрополит Макарий прежде всего постарался заполнить все числа в Четиих-Минеях соответствующим материалом. Для этого он внес в свой сборник все переводы отдельных житий, которые существовали в нашей письменности, но почему-то не занесены были в Четии-Минеи. Широко воспользовался для той же цели митрополит Макарий и Прологами. В его время на Руси, кроме простого Пролога, составленного по Минологию императора Василия и дополненного, как мы говорили, на русской почве, существовал еще другой вид Пролога, называемого «стишным», где пред каждым сказанием о святом помещались в честь его краткие стихи и где житийный материал был представлен в значительно большем, нежели в простом Прологе, объеме. Пролог этот появился в Византии в XII или XIII в. и в XIV переведен был на славянский язык, причем у нас к нему сделаны были добавления из простого Пролога. Оба Пролога имели у нас одинаковое употребление. Ими-то и воспользовался митрополит Макарий для пополнения Четиих-Миней. Под каждым числом он поместил сначала Синаксари простого Пролога, затем собранные отовсюду полные жития святых и повествования о праздниках, а в конце дня — статьи из стишного Пролога. Таким способом митрополит Макарий объединил в своих Четиих-Минеях весь переводный житийный материал, существовавший на Руси в его время. Насколько успешно было выполнено митрополитом Макарием это дело, видно из того, что очень редко удается найти житие, написанное до Макария, не внесенным в его Четии-Минеи.

Кроме житий общехристианских святых, митрополит Макарий стремился собрать в своих Четиих-Минеях и жития всех святых, просиявших в Русской земле. Для этого он, когда избран был Московским митрополитом, созвал два Собора — в 1547 и 1549 гг., на которых было канонизовано значительное число русских подвижников благочестия, до этого времени почитавшихся местно. При этом канонизации удостаивались лишь те святые, которым составлена была служба и написаны жития в приличной, принятой у нас в XV веке форме (44). Эта сторона деятельности митрополита Макария послужила поводом к новому развитию нашей агиографии; вместе с этим она утвердила и узаконила ту литературную форму, которую ввели у нас митрополит Киприан и

монах Пахомий. Кратких сказаний о святых и простых записок о них митрополит Макарий в свои Четии-Минеи не принимал, а поручал переделывать их по правилам господствовавшей тогда и одобряемой им формы. Вообще, деятельность митрополита Макария в области агиографии касалась, главным образом, стиля житий, но и здесь его надзор едва ли простирался одинаково на весь состав огромного сборника. Во вкладной записи, помещенной в Успенском списке великих Четиих-Миней, митрополит сам говорит, что дело исправления житий далеко им не закончено: «иная же и до днесь в них неисправлена пребысть и сия оставихом по нас могущим с Божиею помощью исправити».

Наконец, благодаря митрополиту Макарию изменился и самый характер Четиих-Миней: из книги, передающей сказания о жизни святых угодников, они становятся сборниками всей святоотеческой и церковно-учительной литературы, и назидательный материал получает в них господство над историческим. Как известно, митрополит Макарий расположил в своих сборниках по руководству месяцеслова не только жития святых и различные слова и сказания о праздниках, но и все известные в его время произведения догматической, нравоучительной и даже легендарной христианской литературы. Принципом подбора служило имя святого; если он был и писателем, или если о нем известны были какие-либо сочинения, то весь этот материал (т. е. и все творения святого, и все посвященные ему сочинения) также помещался в Четиих-Минеях вслед за памятью и житием святого. Тот материал, который нельзя было разместить таким образом, присоединялся обыкновенно в конце месяца в виде особого приложения (45).

Труды митрополита Макария вызвали у нас оживленную агиографическую деятельность. По словам В. О. Ключевского, в это время написано было житий русских святых не меньше, чем в сто лет, следовавших за смертью Макария. Агиографическая работа шла и совершалась тогда не только в городах — центрах тогдашнего просвещения, но и в глухих, удаленных от городов обителях. Иноки и светские люди, взявшие на себя труд составления житий, ревностно перерабатывают старые сказания и записи о святых, придавая им новую, требуемую временем литературную форму; по кратким, написанным по памяти или рассказам современников, сведениям о святом составляют полное его житие, не заботясь о достоверности сообщаемых фактов; спокойно заимствуют и переносят из одних житий в другие целые отделы, начинают повествование иногда обширными предисловиями, заканчивают похвалой, молитвой и описанием чудес и сопровождают изложение разнообразными риторическими украшениями.

Впрочем, необходимо сказать, что после митрополита Макария в агиографии наблюдается стремление освободиться от требований установившейся формы и дать в житии более достоверные сведения о святом (...). В этом отношении интересно составленное в XVII в. Симоном Азарьиным житие архимандрита Троице-Сергиевой Лавры преподобного Дионисия. Симон здесь пишет: «Бог не хощет ложными словесы прославляем быти, и святым неугодно есть затейными чудесы похваляемыми быти» (46). Этим словам Симона Азарьина отвечают слова Святителя Димитрия, который в своей работе держался правила: «не буди ми еже лгати на святого». Из приведенных выражений видно, что агиограф северной Руси и писатель житий на Украине следуют в своих трудах одному и тому же правилу и таким образом разделенную историческими превратностями Русь сливают снова в этом отношении в одно целое.

Изменился после митрополита Макария и состав Четиих-Миней. Вместо собрания всей церковно-назидательной письменности они становятся сборником только житий святых, т. е. приобретают вид старых, домакарьевских Миней. Через сто лет после митрополита Макария в Троице-Сергиевой Лавре, по поручению архимандрита Дионисия, написаны

были Четии-Минеи рукою инока Германа Тулупова, а в 1646—1654 годах составил Четии-Минеи священник посадской церкви Иоанн Милютин со своими сыновьями. И Тулупов, и Милютин поместили в своих сборниках только жития и сказания, добавив к находящимся в Макарьевских Четиих-Минеях житиям русских святых много новых житий. Инок Герман помещал в свои книги всё, что находил, давая иногда разные редакции одного и того же жития; Милютин, по его словам, «писал с разумных списков, тщася обрести правая». Стараясь сокращать жития, он выпускал предисловия и похвальные слова, а иногда даже и переделывал памятник. Ниже мы увидим, что, не имея никаких сношений с Милютиным, Святитель Димитрий пошел по тому же пути и внес в свои жития еще больше самостоятельности и критического почина.

Такова история агиографии на северо-востоке России. Не то было на юго-западе, в русских областях, сначала разоренных татарами, а потом подпавших под власть Литвы и Польши. Здесь и жизнь, и литература, а следовательно, и агиография сложились и развивались при совершенно иных условиях.

После татарского погрома русское население, жившее в областях старого Киевского княжества, уже значительно ослабленное отливом лучших сил на северо-восток, еще более поредело, но не вымерло, не уничтожилось. Оно сгруппировалось в наиболее безопасных местах, подвинувшись немного вверх по течению Днепра. Значение Киева, пошатнувшееся уже и ранее, теперь совершенно пало, и вместо него центром русской жизни на юго-западе стал сначала Галич, а потом Львов, находившиеся под управлением даровитых князей Галицких. Но в XIV веке эти области были уже покорены поляками, и часть русского населения, убегая от католической пропаганды, переселилась оттуда в Киевские пределы, где и смешалась со старым киевским населением. В результате этой ассимиляции получилась новая, украинская народность с особенным говором, отличным от старого, киевского. В XIV же веке все юго-западные русские области подпадают под власть Литвы, и центр политической жизни переносится на север, в города Новогрудок и Вильно, столицы Литовского княжества. Объединив Юго-Западную Русь и усвоив ее культуру и религию, Литва ставит себе ту же цель, к которой стремилась и Москва, — собрание под своим господством всего русского народа. На этой почве между Литвой и Москвой возникает борьба, которая и тянется в продолжение всего XIV и XV веков. Литовские князья стараются совершенно обособить свои русские владения от влияния Москвы. В XV веке, после некоторых колебаний, им удается отделить Юго-Западную Русскую Церковь от Московской и дать первой самостоятельного митрополита. Вследствие этого связь между обеими областями слабеет еще более и сношения между ними возобновляются только тогда, когда православный народ на юго-западе начинает борьбу с католичеством.

Пропаганду католичества на юго-западе вела Польша. Покорив Галич и Волынь, она, чтобы расширить свои владения, стремится подчинить своему влиянию и другие юго-западные русские области. Однако Литовское государство сначала оказывает ей в этом довольно сильное сопротивление, и Польша, потеряв надежду завоевать его силой, переходит на новый путь — объединяется с Литвой под властью Ягайло, вступившего в брак с польской королевой Ядвигой в 1386 г. Это событие было первым шагом, повлекшим за собою подчинение русских областей Литовского княжества Польше в области языка, религии и культуры. Объединившись с Литвой, поляки не оставили своих исконных намерений и, думая, что главным препятствием к ассимиляции с ними русского народа служит преданность его православной вере, все свои

усилия направили на то, чтобы поколебать эту преданность и обратить православных в католичество. Общественная и политическая борьба, таким образом, вылилась в форму борьбы чисто религиозной. Главными этапами этой борьбы со стороны поляков были: Городнальский сейм (1413), Люблинская уния (1569) и, наконец, уния Брестская (1596). Убедившись в том, что грубою силою и притеснениями нельзя заставить православное населения переменить свою веру, поляки прибегли к хитрости: они провозгласили унию, т. е. объединение Православной и Католической Церквей под главенством римского первосвященника, но с сохранением всех употреблявшихся в Православной Церкви обрядов. Главными агитаторами этого объединения были иезуиты, появившиеся в Литве вскоре после Люблинской унии. Правда, их деятельность сначала направлена была против протестантизма, сделавшего в Литве и Польше большие успехи в правление Сигизмунда II Августа (1548—1572), но вскоре, справившись с этим врагом, иезуиты всё свое внимание обратили на православных и стали применять в борьбе с ними совершенно иные, чем было ранее, средства.

Явившись в Литву, они тотчас же начали заводить здесь училища, не только низшие, но и высшие — коллегиумы и академии, где обучали и воспитывали всех желающих. Блестящие успехи учеников иезуитских школ в латинском языке, который считался тогда в Польше и Литве, как и в Западной Европе, необходимым признаком образованности; публично исполняемые учащимися театральные представления; различные религиозные процессии, где воспитанники иезуитов, одетые в соответствующие костюмы, изображали апостолов, пророков и ангелов, — всё это одинаково восхищало как детей, так и их родителей, и иезуитские школы стали быстро наполняться учениками. Увлекая юношество путем школы, на взрослое население иезуиты старались действовать публичными диспутами и внешней пышностью богослужения. Особенное внимание обратили они на проповедь. Она произносилась в их костелах ежедневно, утром и вечером, причем в роли проповедников выступали весьма часто такие знаменитые ораторы, как Станислав Варшевицкий и Петр Скарга. Последний прибыл в Вильно в 1573 году и быстро приобрел известность своим необыкновенным красноречием. Литература тоже служила в руках иезуитов одним из средств борьбы с Православием. Пользуясь хорошо знакомым многим из русских польским языком, они составляли, печатали и распространяли среди православных книги и брошюры, в которых или прямо нападали на Русскую Церковь, или старались показать мнимые преимущества католичества. Особенно оживленный характер литературная деятельность иезуитов приобрела в эпоху Брестской унии. В это время вышли знаменитые книги П. Скарги: «О единстве Церкви Божией» (1577 и 1590) и «Брестский собор и его оборона» (1596), в которых были указаны и развиты все главные пункты полемики с православными.

Народ не хотел подчиниться всем этим намерениям Польши и вел с нею борьбу за свою национальную и религиозную самостоятельность. На первых порах, когда поляки, пропагандируя католичество, употребляли чисто внешние приемы — гонения и притеснения, он отвечал на них бунтами и восстаниями казаков, и это имело свое действие. Но с середины XVI века, когда борьба развернулась, главным образом, в сфере просвещения и культуры, такие меры оказались недейственными, и успех сразу перешел на сторону католиков. Главной причиной этого было то, что у православных не было средств для такой борьбы. Образование стояло тогда среди населения на самой низкой ступени развития; простой народ, по всей вероятности, был сплошь безграмотен; среднее сословие и горожане обладали грамотностью, но самою элементарною, потому что до 70-х годов XVI столетия не только высших, подобных католическим коллегиям и акаде-

миям, но и средних училищ у православных не было. Грамоте обучали частные лица, так называемые «мастера», которыми по большей части были пономари, дьячки и другие духовные лица, сами, кроме грамоты, весьма мало знающие. Кто искал большего образования, поневоле должен был идти в католические или протестантские школы, но оттуда редко выходил не потерявшим свою веру. Не имея хороших школ, православные не имели и людей, способных защищать свое вероисповедание от нападок католичества. Недостаток в ученых людях остро чувствовался православными не только до Брестской унии, но и значительно позже. «Из духовных ученых русской веры,— говорит один католический писатель того времени,— не нашел бы и десятка по всей Руси, чтобы умели объяснить, что такое таинство, чистилище, папская власть» (47). На крайнее невежество русских указывал и Скарга в своем сочинении «О единстве Церкви Божией». Но об этом же свидетельствуют и сами русские. Князь А. М. Курбский в предисловии к «Новому Маргариту» пишет: «...Исках мужей словенским языком книжным добре умеющих и не возмогох обрести» (48). Князь К. К. Острожский в письме к Львовскому братству, написанном в 1592 году, жалуется на нехватку в своей школе учителей и на великий, вследствие этого, научный голод. Об этом же пишут во Львов в 1592 году члены Перемышльского братства, а в 1617 — члены Виленского братства (49) и т. д. Наконец, Южно-Русская Церковь и вообще в это время находилась в тяжелом, бедственном положении. Православные храмы были бедны; богослужение отправлялось без должного благоления и торжественности; не слышно было живой проповеди; недоставало книг не только для духовного просвещения, но и богослужебных; в ряды высшего духовенства, вследствие злоупотреблений правом патронатства, попадали часто люди недостойные; из представителей русской аристократии весьма многие, соблазняемые правами и привилегированным положением католиков, изменили своей вере и перешли в лагерь ее противников; за ними, привлекаемые тем же преимущественным правовым положением, окатоличивалось и среднее дворянство, так называемая шляхта. Если ко всему этому прибавить измену Православию на Брестском соборе почти всех высших представителей церковной иерархии и то расстройство, какое внесла эта измена в церковную жизнь, то для нас станет ясно, в каком тяжелом положении находилась тогда Православная Церковь на юго-западе и как трудно ей было бороться со своими врагами.

Несмотря на это, у гонимой, обездоленной и лишившейся прямых руководителей Церкви Православной нашлись поборники и защитники, которые не побоялись ничего и решились выступить на ее защиту. Явившись на Брестский собор, эти представители православного населения, когда увидели, что ни митрополит, ни изменившие Православию епископы не желают вступать с ними в общение, составили свой Собор и постановили: «не слушать этих, осужденных соборным приговором, митрополита и владык, не повиноваться им, не допускать их до власти, напротив, сколько возможно, противиться их действиям, определениям и распоряжениям и стоять твердо в своей вере...» «Мы,— говорили далее православные участники Брестского собора,— протестуем против всех этих лиц и их несправедливого деяния и обещаемся не только не подчиняться, но с Божией помощью всеми силами сопротивляться им, а наше постановление, сделанное против них, будем подкреплять и утверждать всеми возможными средствами» (50). Это были не пустые слова, это была искренняя, горячая клятва, которую давали поборники Православия за себя и за своих потомков и которая надолго определила ход церковной жизни среди православных на юго-западе России. Великое значение имела эта клятва потому, что вслед за православными участниками Брестского собора ее принял и

повторил весь русский народ, еще не потерявший преданности своей вере. Брестская уния была для него как бы набатом, который разбудил и поднял даже глубоко спящих. Первым следствием этого пробуждения было стремление сплотиться, объединиться против врага в целях самозащиты. Это объединение выразилось в развитии и новой организации церковных братств, издавна существовавших на юго-западе. Теперь они широкой сетью покрывают русские и литовские области Польского государства, и в них сосредоточиваются все средства борьбы с пропагандой унии и католичества. Деятельность братств, состоявшая прежде в поддержании храмов, обеспечении духовенства и взаимопомощи, теперь значительно расширяется. У своих противников они научились, какими средствами надо бороться с католиками. Подобно иезуитам, братства главное внимание обратили на поднятие в народе образования и для этого начали открывать школы, заводить типографии, содержать при храмах особых проповедников и способным молодым людям давать средства для завершения своего образования за границей. В них закипела ни на минуту не ослабевающая разносторонняя деятельность, привлекая и объединяя всех лучших православных людей того времени.

Одним из результатов этой широкой просветительной деятельности братств было возрождение и расцвет православной юго-западной литературы. Литература на юго-западе России существовала и ранее, но была слаба и малозначительна. В темную эпоху татарщины и почти до конца XVI века она, хотя и не порывала связи с древней киевской литературой, но не дала ничего самостоятельного и более или менее выдающегося. Деятельность южнорусских книжников в эту пору сосредоточивалась, главным образом, на том, чтобы сохранить старые памятники письменности и передать их потомкам. Но и это не всегда удавалось. Бурная политическая жизнь, частые войны и вторжения неприятелей, а потом пропаганда католичества мешали книжным занятиям, и древние памятники письменности оставались сохранными и переписывались лишь в некоторых старинных монастырях. Первые признаки литературного оживления наблюдаются на юго-западе только с конца XV века, когда для православных стала ясна опасность, грозившая их вере и их национальной самостоятельности. Наиболее чуткие из них уже тогда поняли, как трудно будет им устоять против врагов, если Православная Церковь не будет снабжена необходимыми для борьбы средствами. Воспользовавшись уже проникшим тогда на юго-запад книгопечатанием, эти ревнители Православия начали издавать и распространять богослужебные и другие нужные для Церкви книги. Чтобы сделать свои издания более понятными для читателей, они пользовались при этом не только церковнославянским, но и местным, народным языком. Последнее нововведение допущено было потому, что народ на юго-западе в XV и XVI веках говорил уже на особых — белорусском и украинском — наречиях, обильно насыщенных полонизмами, и древнеславянский язык был ему малопонятен. Между этими первыми поборниками Православия, стремившимися использовать для борьбы с католичеством литературу, особенно замечательны: князь К. К. Острожский и московский беглец — князь А. М. Курбский. Первому юго-западная Церковь обязана таким необходимейшим памятником христианского вероучения, как Библия, изданная в Остроге в 80-х годах XVI столетия. Второй много потрудился над распространением в юго-западном крае святоотеческих творений в переводах, сделанных Максимом Греком, самим Курбским и его литературным кружком. По инициативе этих же лиц возникли на юго-западе и первые полемические сочинения против католиков.

Но деятельность всех этих защитников Православия носила разрозненный характер и не имела под собой твердой почвы и основа-

ния. Их дали литературе братства, которые повсеместным открытием типографий упрочили на юго-западе дело книгопечатания, а из своих школ выпустили много энергичных работников, которые отдали свои силы литературе. Прогресс особенно заметно сказался на литературе полемической: вместо робких, большею частью слабых и несамостоятельных брошюр и книжек раннейшего периода теперь православные начинают издавать целые научные трактаты, ничем не уступающие полемическим сочинениям католиков. Авторы их пользуются теми же методами и заимствуют материал из тех же источников, что и их враги. Но деятельность братств оказала благотворное влияние и на литературу основоположительного характера. Из основанных братствами типографий в XVI и XVII веках выпущено было множество книг духовной литературы самого разнообразного содержания. Здесь были, кроме богослужебных, книги Священного Писания, творения святых отцов и учителей Церкви, сочинения нравоучительного характера, учебники и первые опыты катехизического богословия, церковной и гражданской истории и канонического права. Особо почетное место принадлежит в этом отношении Киеву, который с начала XVII века опять делается центром просвещения и берет на себя руководящую роль в борьбе с католичеством. Здесь, в Киеве, около основанной митрополитом Петром Могилою высшей духовной школы группируются все выдающиеся литературные деятели, а в Лаврской типографии печатаются наиболее замечательные и важные издания. Здесь же впервые возникает мысль и об издании полных Четиих-Миней.

Возникла она, с одной стороны, благодаря общему направлению литературы, поставившей для себя целью — снабдить Православную Церковь всеми главнейшими источниками христианского веро- и нравоучения, с другой, — под влиянием условий времени. Мы уже говорили, что иезуиты в своих нападках на Православие пользовались и литературой. С их стороны особенно много появлялось тогда сочинений нравоучительного характера, где описывалась жизнь святых или прославлялись католические святыни. Для подобного рода сочинений католики располагали богатыми источниками. В то время (в XVI и XVII веках) на западе Европы существовало уже много агиографических сборников, содержащих в латинском переводе мученические акты и жития святых. Между этими сборниками особенно замечательны: «Vitae Sanctorum» Моисея Липомана, вышедшие в 1551—1560 годах в 8-ми томах и содержащие жития римских и восточных святых, последние — преимущественно в редакции Метафраста; «Vitae Sanctorum orientis et accidentis» Лаврентия Сурия, первое издание которых вышло в 1569—1575 годах, а четвертое, исправленное и дополненное,— в 1618 г.; «Annales Ecclesiastici» Барония и его же «Martyrologium Romanum», изданные в конце XVI века и содержащие богатейший материал по истории Христианской Церкви и жизни святых; «Vitae patrum» Г. Росвейда, в 10 книгах, где были собраны все древние патерики и многие жития святых; наконец, «Acta Sanctorum» Болландистов, начавшие выходить с 1643 года, и многие другие. По руководству этих-то сочинений католические писатели и составляли свои книги, где вместе с житиями общехристианских подвижников описывали деяния и римских святых. Между подобного рода книгами особенно замечателен труд П. Скарги «Żywoty Swętych», составленный по латинским источникам и в кратких рассказах, по порядку месяцеслова, передающий жизнь восточных и западных святых. Написанная прекрасным польским языком и согретая искренним религиозным чувством, эта книга быстро завоевала общие симпатии и имела широкое распространение не только у католиков, но и среди православных.

Последнее объяснялось тем, что собственная агиографическая литература у православных была очень бедна. Если Киевская Русь и пере-

дала юго-западной какие-либо сборники и отдельно жития святых, а, может быть, и полные Четии-Минеи, то эти агиографические памятники письменности в тяжелую эпоху татарщины и в последующий, далеко не спокойный для юго-запада период времени были утрачены. Супрасльская рукопись может считаться единственным памятником этого рода литературы, сохраненным до нас юго-западным краем от старого Киевского периода. Немного дало таких памятников и последующее время. Полных Четиих-Миней между ними мы уже не находим совсем, очень мало и отдельных частей их. В различных книгохранилищах можно указать только небольшие сборники да отдельные жития, которые по своему происхождению и письму относятся к юго-западу. Не удивительно поэтому, что к XVI веку, когда началась борьба с католичеством, Православная юго-западная Церковь была крайне бедна житиями святых и, вообще, агиографической литературой. Ее можно было найти только в старинных монастырях и церквах, но и там она представлена была далеко не в полном составе. Об этом ясно свидетельствуют сохранившиеся до нас от того времени описи книг в некоторых юго-западных монастырях (...).

Между тем, любовь к чтению житийной литературы в православном народе не умирала и на юго-западе. Здесь так же, как и в Москве, искали эти книги и ценили их. Святитель Димитрий в предисловии к своему Мученикословию, которое он задумал было составить в 1700 году, когда был настоятелем Спасского монастыря в Новгороде-Северском, говорит: «Видех не единого богобоязненного, ово от духовного, ово от мирского чина мужа, таковое усердие к святым Божиим угодником имеющего, яко коегождо дне почитаемого вонь коегождо святого, обыкл есть особним поклоном почитати, глаголющи: святый (имя рек), моли Бога о мне грешном, и поклоняется до земля» (51). Если такая была любовь к святым, то, без сомнения, был и интерес к их жизни и подвигам. Кроме этого, не вывелся еще тогда и обычай чтения житий святых на утреннем богослужении. Не находя соответствующего материала в своей Церкви, православное население поневоле должно было обращаться к книгам латинским и польским. Дело дошло даже до того, что «мнози и от священников на праздники святых Божиих не имуще, откуду прочести в церкви пред народом житие коего от святых, обыкоша то от книг польских, Церкви Православной не прислушающих и много оной противящихся, читати», правда, «прелагающе словесно на русскую речь», но «не без многого прегрешения» (52). Поляки искусно пользовались этим и в своих сборниках, вместе с общехристианскими святыми, прославляли святых католических, а русских хулили и осмеивали. Ревнители Православия видели ненормальность такого положения и довольно рано начали принимать меры к тому, чтобы дать русскому народу свою, в православном духе составленную агиографическую литературу (...).

В печати агиографический материал впервые стал появляться на юго-западе при богослужебных книгах. Здесь, кроме месяцесловов, помещались иногда как краткие, так и полные жития святых (...).

Со второй четверти XVII века стали выходить на юго-западе и отдельные издания житий святых, бо́льшая часть их была напечатана в Киеве. Так, среди изданных здесь в 1626 и 1627 годах народных листков есть один, содержащий краткие сказания о преподобном Памве и мученице Акилине (53); в 1628 году, при митрополите Иове Борецком, в типографии Спиридона Соболя был напечатан «Лимонарь», выдержавший, по мнению профессора С. Т. Голубева (54), два издания,— это перевод на славянский язык известного труда патриарха Софрония и Иоанна Моска. Издатели напечатали его с «предмовой до ласкавого читателя», где говорят о достоверности книги (лл. 1—4), а в конце присоединили «реестр особ», т. е. святых, по алфавиту. В 1635 году, по

инициативе Петра Могилы, Сильвестром Коссовым, епископом Мстиславским и Могилевским, составлен был и издан на польском языке Печерский Патерик. По мнению Д. И. Абрамовича (55), в основу этого издания положена так называемая Кассиановская редакция Патерика (56), которую Сильвестр Коссов дополнил примечаниями, заимствованными у разных польских летописцев и историков. Так как цель издания Патерика была не только дидактическая, но и полемическая — опровергнуть несправедливые, кощунственные истории, распространяемые католиками о подвижниках печерских, то в начале его помещено особое предисловие, где опровергаются эти истории и доказывается достоверность передаваемых в Патерике сказаний о святых. Это издание Патерика скоро вышло из обращения, потому что оно было выпущено в незначительном количестве экземпляров, а иезуиты, кроме того, постарались скупить его и уничтожить.

В 1637 году в Кутейне напечатано было на западнорусском наречии «Житие Варлаама и Иоасафа»; в 1638 году в Киеве, при службе Святителю Николаю Мирликийскому, напечатано и житие его (57). В том же, 1638 году в Киеве на польском языке вышла «Тератургима», составленная монахом Афанасием Кальнофойским и содержащая описание чудес, совершившихся как в самом Печерском монастыре, так и в его пещерах; книга издана по инициативе того же Петра Могилы и служит дополнением к Печерскому Патерику (58). В 1638 же году издано Иларионом Денисовичем на польском языке «Описание чудес от Купятицкой иконы Божией Матери», направленное, вероятно, в противовес тем католическим изданиям о чудесах Богоматери, которые во множестве выходили в то время. В 1655 году в Киеве было издано «Сказание о церкви Печерской». В 1660 году при втором издании книги Иоанникия Голятовского «Ключ разумения» в конце (лл. 134—449) приложены «чудеса Пресвятыя Богородицы некоторыа». В 1661 году при архимандрите Печерской Лавры Иннокентии Гизеле вышло первое издание Печерского Патерика на славянском языке, подготовленное, по мнению Д. И. Абрамовича (59), еще при предшественнике Гизеля — Иосифе Тризне. Издание предваряется двумя предисловиями, из которых второе, взятое у Сильвестра Коссова, в вопросах и ответах опровергает те хуления, которые возводили на печерских святых католики; в самом Патерике издатели допустили, сравнительно с рукописными редакциями, много изменений: иное исключили, другое изложили в новой форме, перенесли сведения одного повествования в другое, присоединили к житиям свои вступления и заключения, подновили язык и т. п., в конце приложили особое повествование о мироточивых главах и оглавление. В 1678 году Патерик был издан вторично; это издание послужило источником для Четиих-Миней Святителя Димитрия. В 1661 году в Киеве издано было «Повествование о Успении Богоматери». В 1665 году во Львове вышла составленная Иоанникием Голятовским книга «Небо новое», содержащая краткие рассказы о чудесах Пресвятой Богородицы, заимствованные из различных, большею частью западных, источников. В 1668 году в Киеве, вместе с «выкладом», вышло житие святого князя Владимира (60). В 1671 году в Киеве при службе напечатано житие святого Иоанна Рыльского. В 1676 году в Новгороде-Северском издана составленная Иоанникием Голятовским «Скарбница потребная», содержащая описание чудес от Елецкой иконы Божией Матери. В 1677 году в том же Новгороде-Северском изданы «Чудеса Пресвятой Девы Марии»; в 1680 году в Чернигове напечатана книга Святителя Димитрия «Руно орошенное», где описываются чудеса от иконы Богоматери, находящейся в Черниговском Ильинском монастыре. Остальных, более поздних изданий не указываем (61).

Хотя все эти издания и давали довольно значительный агиографический материал, но заменить Четии-Минеи они не могли. И для цер-

ковного употребления, и для народа требовалась книга, которая бы давала описание жизни святых на каждый день года, а этому-то как раз и не могли удовлетворить вышеупомянутые издания. Поэтому мысль об издании полных Четиих-Миней довольно рано появилась на юго-западе и рано стали делаться попытки к ее осуществлению. Имеющиеся в наших руках источники относят возникновение этой мысли ко времени митрополита Петра Могилы и ему именно приписывают первые шаги к ее осуществлению. Мы прежде всего можем указать, что во время Петра Могилы нужда в издании полных Четиих-Миней была уже осознана на всем юго-западе. В Львовском издании Цветной Триоди, вышедшей из типографии М. Слиозки в 1639 году, во второй «предмове» сказано, что «много еще есть книг, которых жаждет наш народ христианский, что не менее жаждет и духовенство книг учительных, как-то: правил и соборов святых богоносных отец и житий святых Божиих». Так как первая «предмова» к книге посвящена Петру Могиле, то можно думать, что о намерении его — издать полные Четии-Минеи — тогда известно было уже и во Львове. Более определенные сведения о сем находятся в письме Варлаама Ясинского к Московскому патриарху Иоакиму, написанном в 1689 году по поводу недоразумений, возникших после издания первой, составленной Святителем Димитрием книги Четиих-Миней (62), и в «предисловии к читателю благочестивому», помещенном при этой книге. Здесь говорится, что Петр Могила, уже будучи митрополитом, желал «славяноруссийским языком православно и достоверно исправити и типом издати» жития святых и начал прилагать к этому «прилежное попечение». Ради этого он искал на юго-западе книг, составленных «достовернейшим списателем житий святых Симеоном Метафрастом», и, не найдя их здесь, «посылаше до святой горы Афонской и оттуду испросил бе рукописные греческим диалектом таковые книги». Получив Четии-Минеи Метафраста, Петр Могила «усердствоваше» перевести их и издать, «но в томь богоугодном намерении кончина живота его временного препятие ему сотворила есть».

Варлаам Ясинский, принимавший, как увидим впоследствии, самое деятельное и горячее участие в издании Четиих-Миней, без сомнения, хорошо знал и историю возникновения первой мысли о них; поэтому отрицать сообщаемые им сведения мы не имеем никакого основания. Правда, немного странным кажется то, что о выписанных Петром Могилою рукописных Четиих-Минеях Симеона Метафраста не упоминается более нигде, и Иннокентий Гизель, по словам Варлаама Ясинского в том же письме, находил препятствие к изданию Четиих-Миней, между прочим, и «в скудости книг, содержащих в себе описание пространное и совершенное житий святых». Если бы рукописи Метафрастовых житий тогда существовали, то такой скудости не должно было бы быть. Но можно предположить одно из двух: или Иннокентий Гизель не нашел людей, способных перевести эти рукописи на славянский язык, или к его времени они были уже утрачены. Последнее предполагает и проф. И. А. Шляпкин, который говорит, что все собранные Петром Могилою материалы по изданию Четиих-Миней сгорели во время пожара, бывшего в Лавре в 1685 году (63).

Приписывать идею об издании полных Четиих-Миней митрополиту Петру Могиле прилично еще и потому, что с этим согласуется вся его литературная деятельность. Он, как известно, стремился дать Православной юго-западной Церкви наиболее нужные для нее книги основоположительного характера. В 1629 году, еще будучи архимандритом Киево-Печерской Лавры, он издал «Служебник», получивший широкое распространение на юго-западе, и «Номоканон»; в 1639 году, уже митрополит, Петр Могила выпустил новое издание «Служебника», исправленное, как говорится в предисловии, «с тексту грецкого старожитных наших

русских и московских служебников»; в 1645 году на польском и русском языках издан «Малый Катехизис», или «Собрание науки об артикулах веры», составленный Исаией Трофимовичем Козловским при живом участии Петра Могилы с целью «зажать рот бесстыдным неприятелям восточного Православия». Этот Катехизис является сокращением «Православного исповедания Кафолической и Апостольской Церкви Восточной» — более полного вероучительного труда Петра Могилы, напечатанного уже после его кончины. В 1646 году, за год до смерти знаменитого митрополита, вышел его «Евхологион», или Требник, громадная, в 1400 страниц, книга, и доселе пользующаяся глубоким вниманием церковных людей. Вполне естественно, что вместе с этими изданиями Петр Могила намеревался напечатать и Четии-Минеи — эту основную нравоучительную книгу христианской религии, пользовавшуюся притом горячей любовью всех русских православных людей на юго-западе. Нет ничего неестественного и в обращении Петра Могилы за источниками для Четиих-Миней на Афон. С Афоном и Грецией у юго-запада были тогда самые оживленные сношения: на Афоне жил умерший в 20-х годах XVII века один из оригинальных юго-западных писателей Иоанн Вишенский, все время поддерживавший прочную связь с родиной; Константинопольские патриархи считались главными начальниками южнорусской Православной Церкви, и Киевские митрополиты часто сносились с ними; деятельную связь с Грецией поддерживал и Петр Могила, причем он обращался туда с запросами не только административного, но и литературного характера. Можно думать, что мысль об издании Четиих-Миней возникла у Петра Могилы довольно рано, но Афонские рукописи, как видно из письма Варлаама Ясинского, он получил уже при конце своей жизни, и вскоре (1 января 1647 г.) последовавшая смерть помешала ему осуществить свое намерение.

Преемники Петра Могилы по Киевской митрополии не продолжили начатое им дело по изданию Четиих-Миней, и мысль об этом в Киеве была надолго оставлена, но, вызываемая народной нуждой, она не умирала в народе, и поэтому по разным местам предпринимались попытки осуществить ее. Об этом мы можем догадываться по тем рукописным сборникам житий святых, которые сохранились до нас от того времени. Так, в Киевской семинарии хранился список Четьей-Миней за месяц май начала XVII века, поступивший сюда из Межигорского монастыря (64). «Межигорскою Четьей» пользовался, как видно из черновых записей (65), и Святитель Димитрий. Значит, в этом монастыре были люди, которые трудились над составлением Четиих-Миней. В Виленской библиотеке находилось несколько экземпляров Четиих-Миней, относимых также к XVII веку; одна из них, написанная полууставом и содержащая жития святых за месяцы декабрь, январь и февраль, поступила из Супрасльского монастыря; две другие написаны скорописью на белорусском наречии, причем одна обнимает все месяцы, кроме августа, но содержит жития лишь избранных святых и далеко не на каждый день, другая написана в 1669 году в Кутейнском монастыре, при игумене Иове Молочке, что видно из надписи, и содержит жития на некоторые дни за первую половину года (с сентября по февраль) (66). В Киево-Печерской Лавре хранился также список житий святых на южнорусском языке, писанный сначала уставом, потом скорописью и содержащий жития за месяцы март — август. Между житиями попадаются жизнеописания римских пап (например, Венедикта, 14 марта, Александра, 22 марта, блаженного Иеронима, 15 июня), и Н. И. Петров полагает, что этот сборник переведен с польского, именно с книги Петра Скарги и, по всей вероятности, представляет труд Иоанникия Голятовского (67). Кроме упомянутых, можно указать и другие более мелкие сборники агиографического содержания, написанные на юго-за-

паде и хранящиеся в различных библиотеках (68). Все эти частные начинания не доведены были до конца и не имели успеха, но они ясно показывают, что нужда в Четиих-Минеях была неотложная и ее необходимо было удовлетворить.

Серьезную попытку в этом отношении сделал воспитанник Петра Могилы, архимандрит Киево-Печерской Лавры Иннокентий Гизель. Назначенный в 1656 году, после ректорства в Киевской академии, архимандритом Лавры, он пробыл в этой должности 27 лет, до самой своей смерти (в 1683 году) и заявил себя энергичною издательскою деятельностью. Как мы уже говорили, при нем в 1661 году напечатан был на славянском языке Печерский Патерик; в 1674 году Иннокентий Гизель издал Синопсис, составление которого многими приписывается самому Гизелю, он же, по словам Варлаама Ясинского в вышеуказанном письме к патриарху Иоакиму, «*по вся лета своя промышляше, как бы богоугодное намерение могилянское совершити и книгу житий святых, достодолжным исправлением сочиненную, изобразити типом*». Для этого он «много труждашеся о списании совершенном житий святых и различных на сие списателей употребляше» (69). «Егда же услыша от их царского величества бояр, воевод Киевских, обретатися в царствующем великом граде Москве таковые книги, Великие Минеи-Четьи, в них же пространно и совершенно жития святых суть написана, посылаше тамо из Лавры сея Киево-Печерстии мене же недостойного послушника, с другим иеромонахом Паисием, наместником ныне Киево-Печерским, в лето 7188, с челобитьем к блаженные памяти великому государю, царю и великому князю Федору Алексеевичу... и к самому вашему святейшему и всеблаженнейшему архипастырству при иных делах и нуждах монастырских нарочито, прося на время о книги тыя Минеи-Четьи, на потребу к исправлению новые в типографию нуждные книги житей святых. Тогда убо ваше святейшество, похваляя и благословляя блаженные памяти отцу нашему архимандриту таковое намерение и о том деле попечение и трудолюбие, изволил бе чрез нас зде прислати первее меншие те книги Минеи-Четьи, скорописные, с печатного тамошнего двора, на вся дванадесять месяцы, которые книги за трудность скорописного читания егда уже древле отданы суть» (70).

Судя по приведенным данным, деятельность Иннокентия Гизеля состояла, главным образом, в собрании материалов для Четиих-Миней. Он заботился о «списании житий святых», употребляя для этого различных списателей, и попытался получить из Москвы великие Макарьевские Четии-Минеи. Последняя попытка была неудачна: патриарх Иоаким с Варлаамом Ясинским выслал Иннокентию не Макарьевские, а, по всей вероятности, Милютинские Четии-Минеи, которые пришлось послать обратно, так как скоропись, какою они написаны, для южнорусских ученых была неудобочитаема. Но и в первом отношении деятельность Иннокентия Гизеля едва ли была богата результатами: собирать и списывать жития святых ему мешали «всегдашние брани и скудость книг».

В то время как Иннокентий Гизель собирал в Киеве материалы для Четиих-Миней, в Чернигове архиепископ Лазарь Баранович составил книгу житий святых и выпустил ее в свет в 1670 году. Но так как она написана была польскими стихами, то удовлетворить народную нужду, конечно, не могла. Не претендовал на это и сам составитель, изложивший жития очень кратко и притом в такой неудобной, особенно для церковного употребления, форме, как польские силлабические стихи. Книга предназначалась для образованного русского общества, хорошо знакомого с польскою литературною речью. Лазарь Баранович, вероятно, надеялся удержать своим трудом это общество от чтения польской и латинской агиологической литературы. Недаром католические писатели встретили его книгу такими яростными насмешками (71).

После Иннокентия Гизеля об издании полных Четиих-Миней хлопо-

тал преемник его по архимандритству в Лавре, уже не раз нами упомянутый Варлаам Ясинский. Но он повел дело иначе, чем его предшественник на этом пути. Сознавая, что при многосложных обязанностях по управлению Лаврой и ее имениями самому ему будет некогда заниматься литературным трудом, Варлаам Ясинский, тотчас же по избрании в архимандриты (в 1684 г.), начал искать между южнорусскими православными учеными человека, которому бы можно было поручить составление Четих-Миней. Его поиски оказались удачными, нужный человек вскоре нашелся. Это был молодой, 32-летний иеромонах Черниговского Батуринского монастыря Димитрий, впоследствии знаменитый Святитель Ростовский.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Чтобы написать Четии-Минеи — этот громадный четырехтомный труд,— составителю их необходимо было иметь соответствующую нравственную и умственную подготовку. Без глубокой любви к святым, без душевного сродства с ними едва ли можно было составлению их жизнеописаний посвятить целых двадцать лет усердной, денно-нощной работы, как сделал Святитель Димитрий. С другой стороны, без достаточных знаний и умственного развития нельзя было и браться за такой важный, ответственный труд, особенно в то время, когда нужда в нем осознана была на юго-западе. Ввиду этого, вопрос о том, какое Святитель Димитрий получил нравственное воспитание и умственное развитие, очень важен для нас и, прежде чем излагать историю составления Четих-Миней, мы должны хотя кратко остановиться на нем.

Святитель Димитрий, в мире Даниил Саввич Туптало, родился в декабре 1651 года в местечке Макарово, находящемся, по словам самого Святителя (72), «в семи милях» от Киева. Родители его — сотник украинского войска Савва Григорьевич и жена его Мария Михайловна — были людьми искренне преданными Православной Церкви и глубоко религиозными. Савва Григорьевич, как воин, всегда числился в рядах защитников Православия, а после оставления службы весь конец своей долгой жизни отдал на служение Церкви, приняв звание ктитора Киевского Кирилловского монастыря. О благочестии матери свидетельствует сам Святитель. Сообщив в своем дневнике, или «дарии», под 28-м марта 1688 года, о кончине матери, он говорит: «Да сподобит ее Господь доброго ответа на Страшном Своем суде, хотя я и не сомневаюсь в Божием милосердии, а в ее спасении, ведая постоянную добродетельную и набожную ее жизнь» (73).

Благочестивая жизнь родителей, особенно же пример «набожной и добродетельной» матери, без сомнения, оказали благотворное влияние на душу будущего «списателя житий святых» и заронили в нее первые семена благочестия и любви к святым.

Святыни старого Киева, куда переселились родители Даниила в 1660 году и где прожил он почти безвыездно до 1675 года, еще более сроднили Святителя с подвижниками благочестия и, углубив полученные в родной семье впечатления, сделали привитые там влечения и навыки правилами и интересами всей будущей жизни. О любви Святителя Димитрия к Киеву свидетельствуют многие факты его жизни и многие страницы его великого двадцатилетнего труда. Печерская Лавра была для него как бы второю матерью: она напечатала громадный труд Святителя «без всякой его издержки» (74) и послужила той колыбелью, где написаны были первые страницы этого труда. Недаром Святитель не пропустил ни одного из почивающих в Лавре угодников и о каждом из них дал в своих Четих-Минеях отдельное и самостоятельное житие. Особенно же благоговейным почитанием из почивающих в Киеве святых пользовалась у Святителя святая великомученица Варвара. Может

быть, это чувство глубокого почтения к святой внушено было Святителю еще в детстве его благочестивою матерью. С тех пор он считал великомученицу своею «благодетельницею» (75) и всегда стремился оказать ей особенное почитание и любовь. Кто знает, может быть, в этом благоговейном преклонении пред мученическим подвигом святой великомученицы Варвары и надо искать то первое зерно, из которого впоследствии выросла поразительная любовь Святителя Димитрия к святым, нашедшая выражение в двадцатилетнем усердном труде над его Четиими-Минеями.

Обучение Святителя Димитрия грамоте, начатое, по словам его биографов, в доме отца, продолжалось в Киево-Могилянской коллегии, куда Даниил отдан был в 1662 году, спустя два года после переселения в Киев. Киево-Могилянская коллегия, основанная в начале XVII столетия, получила такое название после реформы Петра Могилы, принявшего в свое заведование старую братскую школу в 1631 году. Историки Коллегии с достаточною полнотою выяснили нам, что́ представляла собой в то время эта Коллегия; мы поэтому ограничимся только краткими сведениями о ней. После реформы Коллегия имела шесть классов: три грамматических, два гуманитарных и один философский. Богословского класса сначала не было: открыть его не дозволяло польское правительство, и он устроен был уже после 1686 года, когда Киев окончательно перешел к Москве (76). Преподавание велось по схоластическому методу: у учеников развивалась, главным образом, способность формального мышления, и все усилия преподавателей направлялись на то, чтобы сделать из своих питомцев искусных борцов с пропагандистами унии и католичества. Господствующее положение в школе занимал язык латинский, как литературный язык всей Западной Европы; на нем в Коллегии и писали, и уроки преподавали. Что касается греческого языка, то он поставлен был значительно слабее латинского.

Некоторые исследователи в этом умалении греческого языка перед латинским видят даже главную особенность реформы митрополита Петра Могилы. По их мнению, в старых братских школах оба языка — и латинский, и греческий — пользовались одинаковым вниманием. Петр Могила своей реформой на первое место поставил латинский язык, а уроки греческого языка сократил, а может быть, и совсем исключил из программы преподавания (77). Это, по-видимому, подтверждается и тем недовольством, какое вызвала на первых порах реформа Петра Могилы среди низшего киевского духовенства и казаков. «На што латинское и польское училище заводите, чего у нас дотуду не бывало?» — кричали недовольные (78). Профессор Могилянской коллегии Сильвестр Коссов по поводу этих упреков написал особую брошюру, в которой, защищая Коллегию, доказывал, почему латинский язык занимает в ней первенствующее положение (79). Однако противополагать Киево-Могилянскую коллегию как школу латинскую старым братским школам как греческим едва ли возможно. Братские школы устраивались по образцу католических, иезуитских школ, а в этих последних латинский язык всегда занимал первенствующее положение. Петр Могила, по всей вероятности, только поставил преподавание латинского языка на отвечающую потребностям времени высоту, придал ему то же значение, какое он имел в высших иезуитских школах, а слепые ревнители Православия увидели в этом измену родной вере и подняли возмущение. С другой стороны, есть факты, которые свидетельствуют, что основатель Киевской коллегии заботился о преподавании в ней и греческого языка. Для этого он старался удержать в Киеве архимандрита Константинопольской Церкви Венедикта, который, впрочем, не согласился на предложение Могилы (80). Апологет Киевской коллегии Сильвестр Коссов в своем «сказании, или отчете» о ней пишет, что он и другие преподаватели Коллегии постараются о том, что грецизм у них будет ad chorum, а латынь

ad forum (81). Исполнил ли Коссов свое обещание — не знаем; не знаем и того, удалось ли Петру Могиле найти преподавателя грека, но во всяком случае эти факты свидетельствуют, что принципиального пренебрежения к греческому языку у основателя и наставников Киевской коллегии не было, и если этот язык поставлен был в Коллегии слабо, то зависело это от трудности найти способных и хорошо подготовленных учителей.

Сообщаемые историками Русской Церкви и литературы факты показывают, что и после Петра Могилы затруднения с греческим языком не были устранены и как преподаватели Коллегии, так и их воспитанники знали этот язык очень слабо. Приезжавший в Киев в 1649 году Иерусалимский патриарх Паисий в своей грамоте, выданной на имя Коллегии, замечает, что учителя киево-братские знают греческий язык только «отчасти» (82). В 1673 году, когда киевским ученым потребовалось для полемики с католиками воспользоваться трудом грека Георгия Колезия, они не могли сами перевести его на славянский язык, а попросили сделать это прибывшего к ним тогда Паисия Лигарида (83). Епифаний Славинецкий в споре с Симеоном Полоцким о времени пресуществления Святых Даров, укоряя киевских ученых, говорил: «Наши киевляне училися и учатся точию по-латине и чтут книги токмо латинские, а оттуду тако мудрствуют, а гречески не училися и книг греческих не чтут, и того ради о сем истины не ведают, и вельми в сем согрешают» (84). Несмотря на все эти свидетельства, мы всё же думаем, что при благоприятных условиях, когда находились знающие учителя, воспитанники Киевской коллегии обучались и греческому языку, только курс его носил элементарный характер.

Давая общую оценку учебного и воспитательного дела в Киевской коллегии, историки Русской Церкви и литературы высказываются неодинаково. Одни, как, например, митрополит Макарий (Булгаков), с великою похвалою отзываются о ее научном достоинстве и в доказательство перечисляют тех знаменитых пастырей и ученых деятелей, которые, выйдя из Коллегии, «подобно светилам просияли на тверди Русской Православной Церкви и русского просвещения» (85). Другие, напротив, дают о ней самый неодобрительный отзыв и стараются доказать, что «все коллегиумное образование клонилось к тому, чтобы приготовить искусных льстецов и умелых полемистов. В частности, преподавание богословия не столько утверждало учеников в истине христианства, сколько приучало их к религиозному ханжеству и внешней обрядности, укрепляло их в предрассудках и суевериях. Преподавание пиитики и риторики развивало в учениках наклонность к составлению панегириков, которые вредно действовали и на хвалителей и на хвалимых: первых приучали к постыдному ласкательству, во вторых развивали неумеренное самомнение и гордость. Воспитание обращалось в дисциплину, которая вместо нравственного развития имела своей задачей лишь водворение внешнего порядка, благопристойности и субординации» (86). Оба эти отзыва страдают односторонностью. Митрополит Макарий говорит только о положительных качествах Киевской коллегии, профессор Сумцов отмечает лишь отрицательные стороны ее учебного и воспитательного дела. Конечно, схоластика не могла не оказывать тлетворного влияния на умственное и нравственное развитие учеников, но, скажем словами Порфирьева, «такая формальная наука всего более отвечала тем насущным потребностям, ради которых русские стали знакомиться с образованием и которые состояли не в том, чтобы приобрести какие-нибудь новые идеи и знания,— в них еще не чувствовалось никакой нужды,— но в том, чтобы защищать от латинства древние истины православного учения. Коллегия давала лучшие средства для борьбы с врагами, те научные пособия, которых недоставало России» (87). Эта практическая польза искупала недостатки схоластического метода, а та го-

рячая любовь к Православию, которую едва ли кто решится отрицать у основателей и учителей Киево-Могилянской коллегии, являлась тем наилучшим воспитательным средством, которое, при всей суровости дисциплины, ту же любовь зажигало и в сердце учеников, заставляя их все силы отдавать на защиту родного Православия.

Святитель Димитрий поступил в Киево-Могилянскую коллегию в 1662 году, когда ректором ее был знаменитый автор «Науки албо способа о сложении казаний» Иоанникий Голятовский. Он только что обновил Коллегию после пожара 1658 года, уничтожившего почти совсем Братский монастырь и школьные здания. О годах учения Святителя Димитрия не сохранилось никаких документальных сведений; мы не знаем даже, сколько времени обучался он в школе. Бо́льшая часть исследователей, рассматривавших этот вопрос, полагают, что Святитель пробыл в Коллегии не более трех лет, так как в 1665 году, во время нашествия на Киев гетмана Дорошенко, Братская коллегия была будто бы разрушена и учение в ней прекратилось на целых четыре года (88). В недавнее время это мнение признано, однако, ошибочным. Исследователь истории юго-западной России Эйнгорн утверждает, что в 1665 году никакого нашествия на Киев гетмана Дорошенко не было, а следовательно, и Коллегия в этом году разрушена быть не могла (89). Ссылаясь затем на показание киевского воеводы Шереметева, который в мае 1666 года говорил дьяку Евстафию Фролову, что «в Киеве школа заведена до приезду его, боярина и воеводы, при прежних воеводах, и в той школе ныне учатца Киевские жители, всяких чинов люди» (90), Эйнгорн полагает, что в 1665 и 1666 годах ученье в Киевской коллегии не прекращалось и, следовательно, Даниил Саввич Туптало мог закончить в ней свое образование. Более вероятным признаёт последнее мнение и профессор-протоиерей Ф. И. Титов, указывающий на то, что сочинения Святителя Димитрия, не исключая и самых ранних по времени написания, являют в нем человека вполне научно образованного (91).

Если справедливо, что Святитель Димитрий обучался в Киевской коллегии более трех лет, а по всей вероятности, окончил и полный курс ее, то, следовательно, Коллегия могла дать ему всё, что давала она своим воспитанникам в то время. Он мог вынести оттуда прекрасное знание латинского языка, которое давало ему возможность не только свободно читать любую латинскую книгу, но и писать по-латыни. Это неоспоримо доказывается и оставшимися после Святителя рукописями и письмами: в них славянская и малороссийская речь часто перемешивается с польской и латинской, причем чувствуется, что последнею автор владеет так же легко и свободно, как и своею родной. Знал Святитель и греческий язык. Об этом можно догадываться по тем же рукописям: в них иногда встречаются греческие слова и выдержки. Например, в рукописи, носящей заглавие «Рассмотрение избрания святых седмидесяти апостол..., написанного под именем святого священномученика Дорофея, епископа Тирского», говоря о святом апостоле Криспе, Святитель пишет: «Ин бо есть Криспъ, а ни Крискентъ, якоже с греческого переводу яве показуется. О Криспе пишется в Деяниях Апостольских в главе осмонадесят сице: versum 8: Κρίσπος δὲ ὁ ἀρχισυναγώγος ἐπίστευσε τῷ Κυρίῳ, си есть: Криспъ же начальникъ собору верова Господеви, а о Крискенте в послании втором к Тимофею, в главе четвертой, сице глаголет: Κρίσκης εἰς Γαλατίαν, си есть: Криспъ в Галатию» (92). В другой рукописи, в статье, посвященной «исследованию лет», объясняя латинское слово «календы», Святитель замечает: «Calendae primus dies mensis ἀ καλέω=voco» и далее по-гречески же пишет: «νῶναι, ὄϑοι.» (93). В своем Прологе, под 28 декабря, отмечая память святого Иоанна Колова, Святитель на отдельной бумажке пишет: «Колов id est nanus brevis... с грецкого тое слово Колов — Κόλοβος — короткий» (94). Вот и все те греческие выписки, которые удалось нам найти в оставшихся после

Святителя и рассмотренных нами рукописях. Полагаем, что эти выписки, указывая на знание Святителем Димитрием греческого языка, вместе с тем говорят и о том, что этот язык усвоен был им далеко не так хорошо, как язык латинский. Кроме языков, Святитель изучил в Коллегии пиитику и риторику и «явися», по словам списателя его жития, «довольно искусен в стихотворстве и витийстве и знающ добре все тое, чему учим бысть» (95). Надо, впрочем, заметить, что годы обучения Святителя Димитрия были годами упадка Киевской коллегии. Этот упадок зависел от тех тревожных политических событий, которые переживали тогда Киев и Украина. Он начался приблизительно через четыре с половиной года после смерти Петра Могилы. Историки Киевской коллегии сообщают, что в это время в ней сократилось число учеников, курс обучения оканчивался риторикой, наставники нередко покидали училище и обучение прекращалось. Если и при таких условиях Святитель Димитрий мог вынести из школы довольно богатый запас знаний и достаточное развитие, то мы должны приписать это или его выдающимся способностям и усердию, или таланту его наставников и руководителей. Последними, кроме Иоанникия Голятовского, который вскоре после 1662 года покинул Киев и ушел в Литву, были: Мелетий Дзик, по мнению некоторых, заведовавший всеми делами Коллегии после удаления из нее Иоанникия Голятовского, и Варлаам Ясинский. Ясинский, как думает Н. И. Петров (96), еще в 1661 году поступил в наставники Коллегии, а в 1665 году был уже избран ее ректором и игуменом Братского монастыря. О Мелетии Дзике сохранилось мало сведений, и что́ он представлял собой как преподаватель — мы не знаем; Варлаам Ясинский слыл за «ученейшего человека» своего времени и мог поэтому оказать наиболее сильное влияние на развитие умственных способностей своего ученика. Впоследствии мы увидим, как дорожил Святитель Димитрий советами Варлаама Ясинского и как глубоко уважал его. Может быть, авторитет и уважение Варлаам Ясинский приобрел в глазах Святителя Димитрия еще в школе. Как бы то ни было, но на первых порах вся жизнь Святителя складывалась по совету и указаниям этих двух его школьных наставников.

Так, в 1668 году, 9 июля, Мелетий Дзик постригает Даниила в иноки. Что побудило последнего отречься от мира, мы не знаем. Но, несомненно, склонность к уединению и глубокая религиозность были природными чертами Святителя Димитрия, и они-то прежде всего увлекли его в монастырь. Влияние благочестивой матери, тревожные политические события и народные бедствия, переживаемые тогда Украиной, а также пример и советы уважаемых учителей могли только способствовать этому. Даниил сначала мирским человеком переселился в Киевский Кирилловский монастырь, где Мелетий Дзик был тогда игуменом, а потом и совсем отрекся от мира. Влияние на него монахов-наставников с этого момента должно было еще более увеличиться. В монастыре Димитрий прожил до весны 1675 года, следовательно, почти семь лет, и все это время, по словам списателя его жития, поучался «смирению, послушанию и братолюбию... всякое монастырское и церковное послушание исполняя с прилежанием». Но кроме этих, чисто иноческих трудов, Святитель Димитрий не оставлял в монастыре и научных занятий. По словам того же списателя, он «в келии... писаше и сочиняше повеленная от игумена и от других высших начальников; прилежаше к чтению книг душеполезных» (97). Последнее сообщение весьма важно: из него мы узнаём, что Святитель Димитрий первые годы иноческой жизни употребил на самообразование, на чтение книг и составление разных сочинений под руководством Мелетия Дзика и других «высших начальников», может быть, того же Варлаама Ясинского и его помощников по Киевской коллегии. Так как в 1675 году Лазарь Баранович оставляет Димитрия в Чернигове в качестве проповедника, то значит проповедниче

ский талант сказался у Святителя еще ранее, т. е. в том же Кирилловском монастыре. Проповедь, согласно гомилетическим требованиям того времени, кроме уменья владеть словом, требовала и большой начитанности. Можно поэтому предполагать, что Святитель Димитрий уже в Кирилловском монастыре положил начало тому богатому знакомству с латинской и южнославянской церковной и исторической литературой, о котором свидетельствуют его позднейшие писательские труды. Наставники и руководители Димитрия видели его способности и прилежание и спешили выдвинуть талантливого инока из среды монастырской братии. В 1669 году, 25 марта, т. е. менее, чем через год после принятия иночества, Димитрий в Каневе был посвящен в иеродиакона Киевским митрополитом Иосифом Тукальским, а в 1675-м, 23 мая, от Черниговского архиепископа Лазаря Барановича принял рукоположение в иеромонаха.

Лазарь Баранович не отпустил Димитрия обратно в Киев, а оставил его при себе и назначил проповедником. Димитрий жил в Чернигове более двух лет и, кроме проповедания в соборном храме и других церквах епархии, занимался трудом литературным. По настоянию Лазаря Барановича, человека весьма деятельного, побуждавшего к литературной работе и других, Димитрий составил здесь книгу «Руно орошенное» — сборник сказаний о чудесах Богоматери от чудотворного Ее образа в Троице-Ильинском Черниговском монастыре. Мы рассматривали второе издание этого труда Святителя Димитрия, вышедшее в 1683 году в Чернигове. Книжка начинается посвящением Лазарю Барановичу и двумя «предословиями», из них одно — «к читателю», другое — «на книжку». В предисловии к читателю сказано, что во втором издании книжка вышла с исправлением — против первого — нравоучений и приложением кратких бесед духовных. «Придаша же ся зде по коемждо нравоучении и приклады от житий святых в пользу твою (читатель)». Эти слова указывают и на состав книжки. В ней собраны сказания о чудесах с прибавлением к каждому бесед, нравоучений и «прикладов». Беседы и нравоучения составлены самим Святителем Димитрием, а «приклады» собраны из разных источников, на что указывает и сам составитель, говоря в предисловии: «И то не от себе, но что инде читал и аки пчела от различных зел мед в един сот собра». Для нас интересно то, что большая часть этих «прикладов» заимствована из житий святых; следовательно, Святитель Димитрий уже в это время интересовался житийной литературой и внимательно читал ее. Назидательный характер книжки и тот метод, каким пользовался Святитель Димитрий при ее составлении, также заслуживают внимания. Они указывают, куда склонялись намерения Святителя Димитрия как писателя и какой прием работы наиболее сроден был его душе. Это был метод собирания, сводки в одно целое сведений, находящихся в различных источниках. Его же применил Святитель и при составлении Четих-Миней, главная цель которых так же, как и «Руна орошенного», состояла в назидании читателей.

Из Чернигова в июле 1677 года Святитель Димитрий ездил в Литву, и эта поездка была новым важным фактом в его духовном развитии. За рубежом Московского государства, в юго-западных областях, подчиненных Польше, Святитель познакомился с теми притеснениями, какие терпел тогда народ за свою верность Православию. Очевидно, ни казацкие восстания, ни совершившееся в 1654 году присоединение Украины к России не образумили поляков. В лице своего правительства и шляхты они еще настойчивее проводили теперь свою политику окатоличения подчиненного им православного народа и для достижения этой цели не останавливались ни перед чем. Для православных наступили тяжелые, по-видимому, последние времена; всё вооружилось против них. Преемники снисходительного к православным Владислава IV, польские короли Ян Казимир, Михаил Вишневецкий и Ян Собеский только и думали о том, как бы стеснить православных и заставить их, хотя бы против

воли, подчиниться Римскому первосвященнику. Не сдерживаемая королями, своевольная польская шляхта и католическое духовенство издевались над православными, как хотели, и причиняли им всевозможные насилия. Без всякого повода у православных отбирались церкви, монастыри и имущество; православное духовенство, даже в лице высших своих представителей — митрополитов и епископов, подвергалось несправедливым притеснениям и обидам; на сеймах то и дело принимались постановления, направленные против Православия и русской народности. В 1676 году король Ян Собесский поднял руку даже на братства — этот вернейший оплот Православной Церкви на юго-западе и провел через сейм закон, сильно стеснивший их деятельность. Усилилась в то время и литературная борьба с Православием: католическое духовенство и иезуиты снова начали издавать сочинения, в которых возводили на Православную Церковь ложные изветы и обвинения. Кроме этих преследований от католиков, русский народ юго-западного края переживал в то время эпоху «руины», или разорения, когда «красная и всякими благами изобилующая» Украина превратилась в «пустыню, Богом оставленную». Ее области то и дело подвергались опустошениям со стороны татар и поляков; в народе не было единения и согласия, представители местной власти, так назыв. гетманы, часто менялись или вели между собою борьбу; высшее духовенство через меру увлекалось политикой и потеряло связь с народом; в его среде снова появились личности, задумавшие повторить попытку Кирилла Терлецкого и Ипатия Поцея и склонить весь православный народ юго-западного края к унии. То были Иосиф Шумлянский, епископ Львовский, и Иннокентий Винницкий, епископ Перемышльский, которые начали свою преступную, предательскую деятельность как раз в то время, когда Святитель Димитрий прибыл в Литву.

Святитель ехал в Литву ненадолго, но здесь его не захотели скоро отпустить, и он прожил в пределах Польского государства почти два года, состоя народным проповедником при Слуцком церковном братстве. За это время Святитель Димитрий мог прекрасно изучить польский язык, известный ему и ранее, и ознакомиться с польской литературой. Хорошо узнал он, конечно, и те невзгоды, которые терпел тогда русский народ. Это знакомство должно было произвести сильное впечатление на Святителя Димитрия. Живя до 1677 года в восточных областях Украины, уже перешедших под власть царя Московского, он только по слухам мог знать о бедствиях своих единоверцев за Днепром. Теперь эти бедствия и притеснения были у него перед глазами. Можно ли сомневаться, что в сердце молодого, горячо преданного своей вере инока под влиянием этих впечатлений загорелось желание послужить всеми гонимому родному народу и родной Церкви? Общение с такими поборниками Православия, как Феодосий Василевич, епископ Белорусский, и настоятель Виленского Свято-Духова монастыря Клементий Тризна, могло только усилить это желание. Поэтому, может быть, Святитель Димитрий так охотно и согласился остаться в Слуцке, чтобы исполнять там обязанности народного проповедника.

Но одна устная проповедь не могла удовлетворить Святителя Димитрия. Он уже искусился в литературном труде и невольно чувствовал к нему влечение. Недаром впоследствии он писал из Ростова Феодору Поликарпову: «Моему сану надлежит слово Божие проповедать не только языком, но и пишущею рукою» (98), а, начиная «Розыск» против раскольников, другу своему, московскому иноку Феологу сообщал: «Понеже словеса из уст болей идут на ветер, нежели в сердце слушающих, яхся писать особую книжицу» (99). Может быть, те же чувства Святитель переживал и теперь. Ему хотелось написать для православного народа «книжицу», слова которой шли бы в самое сердце слушателей; он чувствовал в себе силы и способности к этому, но куда, на

какой предмет направить их — еще не знал. За него об этом подумали его старые наставники и руководители.

В то время, когда Димитрий был в Слуцке, учитель его Варлаам Ясинский, оставив Братский монастырь, переселился в Киево-Печерскую Лавру и принял на себя обязанности проповедника и заведующего типографским делом. Вскоре он стал деятельным помощником и как бы правою рукою престарелого архимандрита Лавры Иннокентия Гизеля и получил высокое звание «наместника». Варлаам уже в это время заботился об издании полных Четиих-Миней. В 1680 году, явившись в Москву послом от Лавры (100), он ходатайствовал перед патриархом Иоакимом о выдаче ему великих Макарьевских Четиих-Миней для составления по руководству их новых Четиих-Миней, об издании которых давно думали в Киеве. Варлааму Ясинскому, как мы говорили, выданы были Минеи Милютинские. Он привез их в Киев и, может быть, в это уже время, в поисках человека, которому было бы можно поручить составление житий, остановил свое внимание на Святителе Димитрии. Однако сначала невозможность — вследствие неразборчивости скорописного письма — воспользоваться привезенными из Москвы Минеями, а потом переселение в Никольский пустынский монастырь, куда Варлаама назначили игуменом, помешали его намерению, и дело об издании Четиих-Миней было на время отложено.

Между тем Святитель Димитрий, возвратившийся из Польши в феврале 1679 года, сначала занимал должность проповедника в Батуринском Никольском монастыре, затем около полугода состоял игуменом Максаковской обители. Отсюда он снова переехал в Батурин и принял игуменство в Никольском монастыре после ушедшего в Киев Феодосия Гугуревича. Впрочем, эти довольно успешные продвижения по службе не занимали Святителя Димитрия. Он тяготился хлопотливой и ответственной должностью настоятеля монастыря и, вероятно по собственному желанию, 26 октября 1683 года сложил с себя игуменство и возвратился к состоянию простого инока. Вскоре после этого, именно 18 ноября того же года, скончался архимандрит Киево-Печерской Лавры Иннокентий Гизель. На его место избран был игумен Никольского пустынского монастыря Варлаам Ясинский. Последний, как только переехал в Лавру, тотчас же возобновил свои хлопоты об издании Четиих-Миней и предложил Святителю Димитрию взять на себя труд составления их, для чего переселиться из Батурина в Лавру. 23 апреля 1684 года переселение состоялось и, по словам старого списателя жития Святителя Димитрия, «составило эпоху в его жизни»: оно было выражением принятого Димитрием решения взять на себя великое дело составления Четиих-Миней.

К этому решению Святитель Димитрий пришел не без колебаний. Он понимал, какого великого труда и знаний потребует от него составление полных Четиих-Миней, и поэтому, при свойственном ему смирении, сначала ответил на предложение Варлаама Ясинского отказом (101).

Однако, с одной стороны, советы и увещания уважаемого учителя, с другой,— влечение собственного сердца и привычка к послушанию пересилили это первоначальное опасение, и, «возложивши надежду на помощь Господа и на молитвы пречистые Живота Матере и на всех святых» (102), Святитель дал свое согласие. Только после этого переехал он в Киевскую Лавру. Здесь, через несколько дней после переселения, именно 6 мая 1684 года, состоялся под председательством Варлаама Ясинского собор старцев и лаврской братии, на котором составление житий «вручено» было Димитрию как особое «послушание», и вместе с тем он назначен был «казнодеем» Печерским (103).

Святитель Димитрий принялся за порученное ему дело «с великим тщанием» (104). В душе своей он решил посвятить ему все свои силы и, конечно, поэтому переселился в Лавру. Здесь было самое удобное

место для работы. Кроме монастырской тишины и покоя, здесь находилась обильная книгами библиотека; здесь жил такой опытный и преданный делу руководитель, как Варлаам Ясинский; здесь, наконец, можно было не опасаться внешних бедствий и нападений врагов, так как Киев и Лавра охранялись московскими воеводами. Затворившись в отведенной ему келье, Святитель Димитрий в первое время отрывался от занятий только для посещения богослужения. В великой Печерской церкви прежде указывали тот уголок, где стоял смиренный «списатель житий святых», отдаваясь тихой и усердной молитве. В Лавре Димитрию отведена была особая келья, в которой мало-помалу совершался его труд, где самоотверженный подвижник, «предпочитая дело Божие своему упокоению», нередко проживал за работой всю ночь, до благовеста к утрени, или от утомления ложился в постель «не раздеваясь» (105).

Первые месяцы, впрочем, ушли на занятия подготовительные. Прежде чем приступить к составлению житий, нужно было выработать месяцеслов, выбрать святых, жития которых помещать в Четиих-Минеях, и найти нужные для работы источники. Подобные изыскания требовали значительного времени, поэтому не удивительно, если Святитель Димитрий, получив в мае от печерских старцев послушание писать жития, только в июне принялся настоящим образом за это дело. Так, по нашему мнению, следует понимать разноречивые на первый взгляд показания двух диариев: одного, помещенного при исследовании И. А. Шляпкина и отмечающего: «6 мая вручено мне послушание писати жития святых» (106), и другого, находящегося при сочинениях Святителя, где под июнем-месяцем отмечено: «Того же месяца начал с Божиею помощью из послушания писати жития святых» (107). Если Святитель Димитрий только в июне начал писать жития, то, следовательно, до этого времени он занят был работой подготовительной.

Заметка в Диарии о начале работы над Четиими-Минеями оканчивается молитвенным воззванием: «Дай, Боже, совершити». Это призывание имени Божия и молитва к Нему о помощи будут, как увидим, не один раз повторяться Святителем Димитрием даже в Диарии и в письмах, когда он говорит в них о своих занятиях над Четиими-Минеями, а после окончания великого труда выльются в радостный гимн хвалы и благодарения. Очевидно, сознание своей немощи и твердая надежда на помощь Божию не оставляли Святителя Димитрия во все время работы. Он смотрел на нее с благоговением, не как на тяжелую обязанность, а как на спасительный подвиг, который он будет в силах совершить только по непзреченной милости Божией (108). Вскоре предмет работы захватил всё его внимание. Начатое из послушания, после долгих отказов, описание житий святых так увлекло Святителя Димитрия, что он, и отрываясь от работы, продолжал жить навеянными ею впечатлениями (...).

Всё это происходило, когда Святитель Димитрий жил в монастыре Печерском. Это была, кажется, самая лучшая, самая плодотворная пора его работы, когда, ничем не волнуемый и не отвлекаемый, он всей душой отдавался своему делу и встречал со стороны окружающих одно только сочувствие и одобрение. Как видно из письма Святителя Димитрия к патриарху Иоакиму (109), он всё, что успевал написать, посил на просмотр Варлааму Ясинскому и с ним советовался во всех затруднениях. А затруднения были, и касались они, главным образом, тех источников, которыми приходилось пользоваться. В первой главе нашего исследования мы говорили, как скудна была в XVII веке Православная юго-западная Церковь собственными агиографическими сборниками и изданиями. Чтобы восполнить эту скудость, поневоле приходилось обращаться к источникам иностранным — латинским и польским, но пользование ими представлялось небезопасным, так как они не чужды были идей католических. Необходимо было ввиду этого достать такой

сборник житий святых, по которому бы можно было проверять и исправлять полученные у иностранных агиографов сведения.

Таким сборником в Киеве считали Великие Четии-Минеи Московского митрополита Макария, и поэтому получение их становится для киевских ученых самою первою и необходимейшею потребностью. Варлаам Ясинский, как нам известно, еще при Иннокентии Гизеле хлопотал в Москве о высылке в Киев Великих Четих-Миней, но эти хлопоты его не имели успеха. Теперь можно бы было повторить попытку и снова похлопотать о том же, но Ясинский на это не решался. Ему мешали те недоброжелательные отношения, которые у него тогда были с патриархом Иоакимом и виновником которых был сам Варлаам. Он, во-первых, несмотря на желание патриарха лично рукоположить его в архимандриты, уклонился от поездки в Москву и принял посвящение в Чернигове от Лазаря Барановича; во-вторых, на Киевском соборе 29 июня 1685 года, выбиравшем митрополита для Киева, Варлаам Ясинский энергичнее всех протестовал против выставленного Москвой кандидата — Гедеона, князя Святополка-Четвертинского, и вооружался против подчинения Киевской митрополии Москве. Это, конечно, было известно патриарху Иоакиму, и он был недоволен Варлаамом Ясинским.

Между тем делу помогло как раз то самое обстоятельство, против которого ратовал Ясинский, именно — избрание на Киевскую митрополию князя Святополка-Четвертинского. Приняв посвящение в Москве от патриарха Иоакима и дав перед этим клятвенное обещание во всем повиноваться патриарху, митрополит Гедеон разрешил давно уже тянувшееся, трудное дело подчинения Киевской митрополии Московскому патриарху. За это Москва благоволила к Гедеону и на первых порах оказывала ему почет и внимание. Варлаам Ясинский знал об этом и решил воспользоваться удобным случаем, испросить через нового митрополита у патриарха Иоакима Макарьевские Четии-Минеи. Встретив вместе с Святителем Димитрием возвращающегося из Москвы митрополита Гедеона в Нежине и проводив его до Батурина, Варлаам Ясинский и Святитель Димитрий сообщили здесь новому митрополиту свою нужду и просили его похлопотать перед патриархом о высылке в Киев Четих-Миней митрополита Макария. Изложили свою просьбу они и гетману Ивану Самойло́вичу, убеждая и его повлиять на патриарха через Московское правительство, у которого Самойлович пользовался в это время большим расположением. Просьба Варлаама Ясинского и Святителя Димитрия принята была благосклонно. И митрополит, и гетман обещали написать в Москву, но вместе с этим предложили Димитрию снова занять игуменство в Никольском Батуринском монастыре. Инициатором такого предложения, вероятно, был гетман Самойлович, давно расположенный к Святителю Димитрию и жалевший об его уходе из Батурина. Предложение властей было весьма лестным, но Святителя Димитрия оно едва ли обрадовало. Возвращение в Батурин и игуменство не только отрывали его от Лавры, где так спокойно и хорошо он работал, но могли помешать и самой работе. Поэтому Святитель Димитрий сначала отказывался и дал свое согласие, по всей вероятности, только тогда, когда митрополит и гетман обещали оказать свое содействие его занятиям. «Я убежден был,— пишет Святитель в своем Дневнике под 15 января 1686 года,— ясновельможным господином Иоанном Самойловичем, гетманом, и снятельнейшим князем Гедеоном-Святополком, митрополитом Киевским, снова принять на себя игуменство монастыря Батуринского» (110). Из этой истории мы видим, как высоко ценил Святитель Димитрий дело составления Четих-Миней; оно в его глазах было выше всех личных выгод и продвижений по службе.

Исполнил ли митрополит Гедеон просьбу Варлаама Ясинского и Святителя Димитрия — мы не знаем. По-видимому, сам он лично не писал патриарху, а предоставил всё дело гетману Самойловичу. По крайней

мере, в письме своем к Варлааму Ясинскому, писанном в 1689 году, патриарх говорит, что о высылке в Киев Великих Четиих-Миней просил его только «гетман Иоанн Самойлович и преподобие ваше» (111), т. е. Варлаам Ясинский. Может быть, последний и писал от имени митрополита. Гетман Самойлович, напротив, проявил горячее участие к этому делу: он не только сам написал патриарху Иоакиму, но обратился с письмом и к князю В. В. Голицыну, прося его повлиять на патриарха и побудить его выслать в Киев Макарьевские Четии-Минеи. В этом послании к Голицыну, которое одно только и сохранилось из этой переписки, гетман извещает князя, что некоторые «певныи тут в Малороссии духовныи особы, о своем и о людцком спасении добре прилежащии, зачали себе дело списовати книгу животы святых, од века Богу благоугодивших, и якому своему зачалу потребуют книги Миней Четеих для лучшого и всем исследовании, яких нет, точию обретаются у святейшаго и всеблаженнейшаго кир Иоакима, патриарха Московскаго и всея России и северных стран, при церкви престольной Успения Пресвятыя Богородицы. Теды я по прошению тых духовных особ согласуючися преосвященным митрополитом пишу до святейшаго и всеблаженнейшаго патриарха, просячи отческаго изволения, абы тых книг духовных нашим особам на вычитане выжичено, если не всех на целый год, то принамнее (по крайней мере) на четыре месяце: септеврии, октоврии, ноеврии и декемврии, а я обещаю тыи книги, на свои взявши руки, досмотритися, абы по вычитаню в целости были опять к его патриаршему достоинству отосланы; яко про то есть тое дело Богу на хвалу и христианом православным ку спасению, так прошу и вашой княжои вельможности, изволь своим высоким предстательством з докладом их царским пресветлым величествам помочти нашому прошению, дабы святейший тых книг на время нам дати не отмолвил; още и повторе вашу княжу вельможность просячи, оддаю мене милостивому вашей княжой вельможности благодетельству. Дан з Батурина, марта 4, року 1686-го» (112).

В. В. Голицын был приятелем гетмана Самойловича и, несомненно, исполнил его просьбу. Благодаря вмешательству такого влиятельного лица, а, может быть, и из расположения к гетману, который так много хлопотал о подчинении Киевской митрополии Москве, патриарх Иоаким исполнил просьбу киевлян и выслал на имя Варлаама Ясинского Четии-Минеи митрополита Макария в Киев. Дал ли патриарх вместе с этим какое-либо предписание относительно пользования книгами — неизвестно. Впоследствии, получив первую книгу Четиих-Миней, он укорял Варлаама, почему он прежде печатания не прислал ее вместе с Макарьевскими Минеями в Москву для сличения и просмотра. «А списав, — говорил патриарх, — было бы вам прислати к нам и наши книги и ваше с них преписание, и нам было бы то ваше преписание в царствующем граде Москве соборне свидетельствовав, исправити, аще что где достойная исправления обрящется и тогда по рассмотрению и суждению соборному, дати нам и благословение, иже и типографским тиснением издати» (113). Может быть, эти требования были поставлены патриархом Иоакимом еще при высылке книг.

Какой же список Великих Четиих-Миней митрополита Макария был выслан в Киев патриархом и за какие месяцы? Украинские ученые, как мы видели, добивались Четиих-Миней, хранившихся у патриарха «в великой Успенской церкви». Там находился так называемый «Успенский» их список, оконченный митрополитом Макарием в 1552 году и представляющий редакцию более полную в сравнении с первым списком, написанным для Новгородского Софийского собора. Этим именно списком и пользовался Святитель Димитрий. Подтверждается это, во-первых, свидетельством самого Святителя Димитрия в письме другу своему, иноку Феологу, написанном из Ростова: он говорит, что у него имеются Макарьевские Четии-Минеи за месяцы июнь, июль и август, «яже из со-

борной Московской патриаршей церкви взяты суть с росписко́ю. А взяли их печерские старцы, когда третью нашу книгу в Москву привезли» (114). В другом письме к тому же Феологу Святитель пишет, что ему вновь понадобились Макарьевские Минеи за месяц июнь и он послал племянника своего — иеромонаха Михаила к Преосвященному Рязанскому «просити, чтобы повелел из великаго Успенскаго собора дать мне на мал час книгу Великую Минею-Четью». Просит Святитель и Феолога похлопотать о том же: «Честность же твоя, будели вам время, изволь сам пойти в собор, в книгохранительницу, в ней же великия Минеи-Четьи почивают, и пособити молю» (115). Во-вторых, те ссылки на Четии-Минеи, которые иногда встречаются в черновых рукописях Святителя и указывают листы Миней, вполне согласуются с тем счетом листов, который произведен был в Успенском списке монахом Евфимием и означен славянскими буквами (116). В-третьих, наконец, просматривая Успенский список Макарьевских Четиих-Миней, мы нашли в нем кое-где отметки, которые, по нашему мнению, сделаны рукою Святителя Димитрия (117). Правда, эти отметки находятся лишь в последних месяцах Миней, но можно с уверенностью предполагать, что и первые их месяцы получены были Святителем в том же списке и из того же хранилища, т. е. Успенского собора.

Труднее решить вторую половину вопроса: за какие месяцы высланы были Святителю Димитрию Макарьевские Четии-Минеи в этот раз? Биографы Святителя отвечают на это неодинаково. И. А. Шляпкин говорит, что гетман Самойлович просил о высылке не Макарьевских, а Милютинских Миней (118), и, прибавляя, что книги были высланы, не указывает, сколько и за какие месяцы. Священник М. С. Попов пишет, что высланы были «четыре книги» (119). Дело затемняется еще больше тем, что сам Святитель Димитрий в письме к патриарху Иоакиму от 15 марта 1688 года сообщает, что им отсылаются патриарху три книги за месяцы декабрь, январь и февраль, «их же Святительство ваше на моление бывшаго гетмана преподал был еси» (120). Исходя из этого сообщения, приходится предполагать, что патриарх Иоаким выслал Четии-Минеи не с сентября, а с декабря, т. е. не с начала года. Но такому предположению решительно противоречит приведенное нами письмо гетмана Самойловича к В. В. Голицыну. В нем гетман ходатайствует о высылке киевским ученым Макарьевских Четиих-Миней «на вычитане выжичено, если не всех на целый год, то принамнее на четыре месяце: септеврии, октоврии, ноеврии и декемврии». Анализ Димитриевских Четиих-Миней за первые три месяца также показывает, что Макарьевские Минеи были в руках Святителя при составлении им первой книги Четиих-Миней, потому что многие жития святых здесь по этим Минеям исправлены и дополнены, а некоторые и целиком взяты из них. Наконец, в письме патриарха Иоакима к Варлааму Ясинскому, написанном в 1689 году, сказано, что по просьбе гетмана Самойловича патриарх дал киевлянам книги и они должны бы были, переписав их, прислать в Москву: «и наши книги и ваше с них преписание» (121). Так как это письмо вызвано было выходом в свет первой четверти Миней за месяцы сентябрь, октябрь и ноябрь, то, следовательно, за эти же месяцы высланы были из Москвы и Макарьевские Четии-Минеи. Мы поэтому думаем, что патриарх на просьбу гетмана и митрополита Гедеона прислал в Киев не три, а шесть месячных книг Четиих-Миней, с сентября по февраль. Это подтверждается и письмом, написанным Варлаамом Ясинским патриарху Иоакиму в 1689 году, когда Лавра посылала в Москву первую напечатанную книгу житий святых. Варлаам Ясинский здесь говорит, что патриарх «по челобитью о том умоленнаго от нас и бывшаго гетмана, изволи прислати и иныя большия книги, уставом писанныя, от святыя великия своея церкве Минеи-Четьи на месяцей шесть» и что по этим книгам исправлены вновь составленные жития святых «во первых на три

месяцы первые — септемврий, октоврий и ноемврий» (122). Что же касается того, почему Святитель Димитрий в письме к патриарху Иоакиму пишет только о трех месяцах — декабре, январе и феврале, то, по всей вероятности, в это время (март 1688 г.) первые три месяца житий святых были им уже исправлены, и, не нуждаясь более в Макарьевских Четиих-Минеях за эти месяцы, Святитель отослал их в Лавру, откуда они и посланы были патриарху.

Письмо гетмана Ивана Самойловича князю Голицыну написано 4 марта 1686 года, следовательно, Макарьевские Минеи высланы были патриархом в Киев не ранее апреля того же года. Только с этого времени Святитель Димитрий и получил возможность поставить свою работу так, как хотелось ему и его руководителю Варлааму Ясинскому. В чем же могло сказаться влияние Четиих-Миней митрополита Макария на первой части труда Святителя Димитрия? Как мы указывали, составление житий святых Святитель начал в июне 1684 года. С этого времени до получения Макарьевских Четиих-Миней прошло почти два полных года. За это время Святитель Димитрий при его усердии, без сомнения, успел далеко двинуть вперед свою работу.

Из Диария мы видим, что в Филиппов пост 1685 года Святитель писал уже ноябрь. К апрелю следующего, 1686 года он мог закончить этот месяц, а следовательно, и первую свою книгу. Поэтому с полной уверенностью можно думать, что первая часть труда Святителя Димитрия написана была до получения Макарьевских Миней, и они поэтому могли оказать на нее лишь косвенное влияние. Святитель, с одной стороны, мог дополнить из нового источника свои Четии-Минеи тем материалом, которого в других источниках ему не удалось найти, с другой — сделать по Макарьевским Минеям в написанных уже житиях исправления и поправки. Эта работа должна была отнять у Святителя Димитрия немало времени: приходилось не только знакомиться с тем обширным материалом, какой давали Макарьевские Минеи за три первые месяца, но и сравнивать его с своей работой.

Знакомство с Макарьевскими Минеями заставило Святителя Димитрия вновь внимательно пересмотреть и принятый им месяцеслов святых. Так как месяцеслов Макарьевских Четиих-Миней во многом разнился от проложного месяцеслова, которым Святитель руководствовался, то, чтобы не перепутать памяти и жития святых, Святитель Димитрий составил «Ономастикон», т. е. именной список святых, выбранных из Пролога и расположенных в алфавитном порядке. Этот список, где отмечены виды подвижничества святых и дни их памяти по месяцам, давал возможность лучше ориентироваться в огромной массе памятей и не смешивать одноименных святых. Святитель сам отметил пользу «Ономастикона», написав на передней его странице: «bene hoc» (123). Временем составления «Ономастикона» был сентябрь 1687 года.

Кроме затруднений с месяцесловом, успешному ходу работ мешали и некоторые внешние обстоятельства: приходилось уделять время монастырским делам, исполнять поручения властей и неоднократно отлучаться из Батурина. При таких условиях полное окончание первой книги житий святых едва ли последовало ранее конца 1687 года или начала 1688 года. Таким образом, эта книга потребовала от Святителя около трех с половиною лет усердного труда. Внешние обстоятельства и условия жизни, особенно в первое время, когда Святитель Димитрий находился в Лавре, вполне благоприятствовали работе, но зато ощущался недостаток в источниках, который устранен был только после получения Макарьевских Четиих-Миней. Но и эти книги едва ли дали Святителю Димитрию полное удовлетворение. И он, и Варлаам Ясинский старались поставить дело составления житий святых самым серьезным образом. Для этого они разыскивали и собирали все лучшие пособия

по агиологии, которые можно было тогда найти не только в Москве и на юго-западе, но и за границами России, в землях Европы. Поэтому, может быть, в это же время ими начаты хлопоты о высылке в Лавру знаменитого издания Болландистов «Acta Sanctorum», которое уже тогда пользовалось известностью и авторитетом в ученом мире Западной Европы.

Составленная Святителем Димитрием первая книга житий святых еще в рукописи была прочитана не только Варлаамом Ясинским, но и митрополитом Гедеоном и Лазарем Барановичем и «многими» другими «благоразумными властями» (124). Эти лица одобрили труд Святителя, нашли его благопотребным для Церкви, и поэтому всем хотелось скорее увидеть его в печати. Особенно желал этого Варлаам Ясинский, и ранее «частыми письмами» побуждавший Святителя Димитрия скорее оканчивать свою работу (125).

Печатать Четии-Минеи должна была Лавра, и в прежнее время это не представляло никаких затруднений. Находясь под властью Константинопольского патриарха, Лавра могла печатать в своей типографии всё, что считала необходимым и полезным. Теперь, с подчинением Киевской митрополии Московскому патриарху, обстоятельства изменились. Патриарх Иоаким лишил Печерскую Лавру ставропигии, подчинил ее во всем Киевскому митрополиту, но и последнему в настольной грамоте не дал права свободно заводить типографии и печатать книги (126). После падения друга и покровителя митрополита Гедеона — гетмана Самойловича (в июне 1687 года) Варлаам Ясинский попытался восстановить утерянные Лаврой привилегии: 18 января 1688 года он послал об этом челобитную в Москву. Там, хотя и решили удовлетворить это ходатайство, но с ответом не торопились (127).

Причиною этой медлительности, вероятно, были те сомнения в православии украинского духовенства, которые в это время возникли в Москве. Поводом к ним послужил спор между греческими учеными, братьями Лихудами, с одной стороны, и русским иноком Сильвестром Медведевым, с другой, о времени пресуществления хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы в таинстве Евхаристии. Братья Лихуды, на стороне которых стоял и патриарх Иоаким, держались по этому вопросу мнения, принятого теперь Православною Церковью. Сильвестр Медведев, напротив, защищал мысль о пресуществлении Святых Даров словами Спасителя: «Примите, ядите...» и «Пийте от нея вси...» Эту мысль Медведев воспринял от своего наставника Симеона Полоцкого, который впервые высказал ее еще в 1666 году в своем сочинении «Жезл правления» (128). Мнение Полоцкого уже тогда встретило возражения со стороны представителей так называемого в Москве «греческого учения», иноков Чудовского монастыря Епифания Славинецкого и ученика его Евфимия, которые говорили, что это мнение Полоцкий заимствовал у католиков. В 1673 году в Крестовой палате у патриарха Питирима происходило даже прение между Симеоном Полоцким и Епифанием Славинецким по вопросу о пресуществлении, причем Епифаний, указывая, откуда произошло мнение Симеона Полоцкого, дал уже приведенный нами неодобрительный отзыв о киевских ученых (129). В то время, однако, спор этот не принял больших размеров и скоро затих, но скрытое недоброжелательство между двумя московскими школами — Чудовской «греческой» и Заиконоспасской «латинской» продолжало существовать и в начале 80-х годов XVII столетия, после приезда в Москву братьев Лихудов, разгорелось в ожесточенную борьбу. Вопрос о пресуществлении поднят был снова, и Сильвестр Медведев, защищавший латинское мнение, объявлен был еретиком. Но так как в своих сочинениях, написанных во время этой борьбы, Сильвестр Медведев старался подтвердить свое мнение ссылками на разные книги, изданные киевскими учеными, особенно на сочинение Феодосия Сафоновича «Выклад

о Церкви», то подозрение в неправославии пало на всех вообще киевских ученых, и в Москве перестали доверять им. Эти подозрения были не безосновательны: в юго-западную Русь, долго находившуюся под властью Польши и тесно с нею соприкасавшуюся, действительно, проникло немало латинских обрядов и обычаев, немало и католических взглядов усвоено было юго-западными учеными (130). В частности, и по вопросу о пресуществлении Святых Даров в Киеве господствовало латинское мнение, и поэтому, когда украинские ученые в начале 1688 года познакомились с происходящим в Москве спором, то все до одного встали на сторону Сильвестра Медведева. Интересовался этим спором и Святитель Димитрий: в его черновых бумагах есть выписки из «Манны» Сильвестра Медведева и «Врачевания противополагаемого» братьев Лихудов (131). А один из близких знакомых Святителя Димитрия, игумен Кирилловского монастыря Иннокентий Монастырский, написал даже книгу в защиту Медведева и в обличение Лихудов.

Это настроение киевских ученых не могло остаться неизвестным Московскому патриарху Иоакиму, со всею силою своей власти вооружившемуся против Сильвестра Медведева. Давно подозрительно смотревший на киевлян, Иоаким решил проверить их религиозные убеждения, но вместе не стал скрывать и своего нерасположения к ним. К сожалению, эта патриаршая немилость прежде всего коснулась Святителя Димитрия и принятого им на себя труда.

Не объясняя причин, патриарх в начале марта 1688 года потребовал от Варлаама Ясинского возвращения в Москву высланных в Киев Четиих-Миней митрополита Макария. То же требование повторено было затем и митрополиту Гедеону. В Киеве не возражали и поспешили исполнить приказание патриарха. Но так как часть присланных Четиих-Миней, именно — месяцы декабрь, январь и февраль, находилась у Святителя Димитрия в Батуринском монастыре, то приказание патриарха немедленно сообщено было и ему. Димитрий в это время едва ли еще и начинал проверять свои жития по этим книгам, они были ему поэтому крайне нужны, но воле патриарха противиться было нельзя, и Святитель Димитрий отправил книги в Москву. Вместе с книгами он послал патриарху письмо (...).

Из содержания письма видно, что Святитель Димитрий воспользовался этим первым своим сношением с патриархом для того, чтобы получить от него благословение на напечатание первой части Четиих-Миней. Без сомнения, эта просьба направлена была в Москву с согласия киевских властей, особенно Варлаама Ясинского, который ждал в это время ответа на свое ходатайство о возвращении Лавре привилегий. Но патриарх Иоаким, питая к киевлянам недоверие, не торопился удовлетворить просьбу Варлаама. Не в добрый час пришло к нему и письмо Святителя Димитрия. В это как раз время патриарх решил проверить религиозные убеждения киевских ученых и 29 марта послал на Украину две грамоты: одну — митрополиту Гедеону, другую — Лазарю Барановичу, спрашивая их, как мыслят они о Флорентийском соборе. В Киеве этим вопросом патриарха были крайне удивлены. Митрополит Гедеон собрал у себя совет из духовных лиц, и на нем «все единодушно согласились отвечать отрицательно, что того сборища Восточная Церковь Православная совершенно не приняла и за собор не почитает» (132).

Между тем, пока шли эти сношения с Москвой, Варлаам Ясинский решил помимо патриарха осуществить древние привилегии Лавры и, напечатав в Лаврской типографии небольшую книжку «Венец Христов», послал ее в Москву для подношения царевне Софье и В. В. Голицыну. Вместе с книгой отправлено было письмо, в котором Варлаам просил не винить его за самовольное напечатание книги и ссылался на государеву грамоту, дававшую Лавре право на открытие типогра-

фии. Книга «Венец Христов» послана была в Москву в мае. Когда до июля-месяца не последовало никакого выговора и замечания, Варлаам Ясинский решил приступить к печатанию и первой части Четиих-Миней. Для этого он вызвал Святителя Димитрия из Батурина в Киев. «1688 года июля второго,— заносит Святитель в свой второй Диарий,— почалися друковати жития святых, первая часть, три месяца септеврии, октоврии, ноеврии» (133). Печатание шло очень медленно. До января 1689 года набран и отпечатан был только один месяц сентябрь. Это замедление вызвано было, может быть, теми предварительными статьями, которые приложены к первой книге и которые нужно было составить, а всего вероятнее, причиной его были обострившиеся отношения киевлян к патриарху. Получив из Киева ответ на свой запрос о Флорентийском соборе и не найдя в грамоте киевлян никакого упоминания о времени пресуществления Святых Даров, патриарх Иоаким увидел в этом подтверждение своих подозрений и в сентябре отправил в Киев новую грамоту, где уже прямо настаивал, чтобы украинские ученые изложили ему свое мнение о времени пресуществления Святых Даров. Зная, какого мнения держится по этому вопросу сам патриарх, киевляне не торопились посылать ему ответ, так как их мнение всецело согласовалось с взглядами Сильвестра Медведева. Эта медлительность киевлян волновала и сердила патриарха Иоакима; он искал повода дать им урок, и опять, по какой-то несчастной случайности, таким поводом послужила первая книга Четиих-Миней Святителя Димитрия.

Книга эта, хотя и медленно, продолжала печататься в Лавре. Святитель Димитрий, проведший осень и начало зимы в Батурине, в январе 1689 года снова приехал в Киев и «начал», как сам отмечает в Диарии, «с помощью Божиею печатать жития святых за месяц октябрь» (134). В этот раз дело подвигалось вперед гораздо быстрее, и «12-го индикта», как значится на выходном листе, первая четверть Четиих-Миней за месяцы сентябрь, октябрь и ноябрь была окончена печатанием и вышла в свет. По-видимому, для Святителя Димитрия теперь должны были кончиться все тревоги и хлопоты, которые связаны были с этой книгой, но на самом деле они только еще начинались.

Вновь отпечатанную книгу решено было отправить в Москву правителям и патриарху. Зная, какие чувства питает патриарх к киевлянам, и желая предупредить его гнев за самовольное напечатание книги, Варлаам Ясинский отправил ее в Москву с нарочитым посольством, причем написал Иоакиму пространное извинительное письмо. Изложив, как и когда возникла в Киеве мысль об издании житий святых и как, наконец, она осуществилась благодаря трудолюбию и разуму Святителя Димитрия, Варлаам Ясинский в этом письме говорил, что он и братия Киево-Печерской Лавры три первые месяца житий святых, после тщательного рассмотрения и исправления по Минеям Макарьевским, напечатали, основываясь на благословении патриарха, некогда данном архимандриту Лавры Иннокентию, и теперь «вашему святейшему архипастырству при нижайшем нашем поклонении дерзаем обявляти и приносити, всесмиренно просяще о милостивое приятие и о благословение архипастырское на обявление ея и принос самому пресветлейшему монаршему маестату, а потом и всем Церкве Святыя Православныя сыном на душеполезное употребление, прочее же и на уготовление нам к типографскому изданию и прочих житий святых на прочия вся месяцы, ради коего крайняго исправления и совершения и прочиих великия книги Миней Четьи зело нам суть благопотребны» (135).

Но ни это полное смирения послание, ни нарочитое посольство, поднесшее патриарху первую книгу Четиих-Миней, не умилостивили Иоакима. Он не оценил того громадного труда, который положен был Святителем Димитрием на составление книги, и, воспользовавшись удобным случаем, решил сосчитаться теперь с непокорными ему киев

скими учеными и сделать им строгий выговор за своеволие. На письмо Варлаама он ответил обширным и суровым посланием, в котором, упомянув, что подчиненные всегда должны соблюдать строгое повиновение начальствующим, и напомнив те условия, на которых высланы были из Москвы в Киев Макарьевские Четии-Минеи, между прочим, обращаясь к Варлааму Ясинскому, говорил: «И мы вам, яко искренним сыновом, в том уверихом, книги вам давше, ожидахом от вас премногое время преписания онаго вашего на прочитание и суждение. Ваше же преподобие сотвористе не по своему обещанию, пренебрегше архипастырское наше повеление, списавше книги, сами типом издасте без досмотрения и благословения нашего архипастырского; и сие ваша велия неправда» (136).

Из послания патриарха видно, что главная вина киевлян заключалась не в Четиих-Минеях Святителя Димитрия и не в тех погрешностях, которые были усмотрены там патриархом. Не было большого преступления даже и в том, что Лавра решилась самостоятельно напечатать Четии-Минеи. Патриарх, как видно из его грамоты на Лаврскую ставропигию, еще 18 апреля 1688 года предоставил Лавре право издавать по своему разуму книги в типографии (137). Вся вина киевлян состояла в том, что они не дождались этого разрешения и поступили самовольно. Это-то своеволие, пренебрежение к патриаршей власти всего более и оскорбило Иоакима. Его суровое послание поразило, главным образом, Святителя Димитрия. Смиренный списатель житий святых не мог не сознавать, что поводом для грозных прещений патриарха послужил все-таки он, его Четии-Минеи и те погрешности, которые там найдены были патриархом. Правда, из тех двух ошибок, на которые указывал Иоаким, вторая была, как говорится, «придиркой к слову». Называя Иеронима «православным», Святитель Димитрий вовсе не думал выделять его из ряда других святых отцов, как наиболее правильно мыслящего. Он хотел только показать, что хотя Иероним и латинский писатель, но он чужд ошибок католичества, и поэтому православные не должны смущаться, если в Четиих-Минеях встретятся жития, написанные этим учителем Церкви.

Москва, как известно, считала латинян самыми страшными еретиками и всего более опасалась их. В то время, когда писалась первая книга Четиих-Миней, это опасение латинства было особенно сильно. Патриарх Иоаким и партия ученых греков, как мы уже говорили, преследовали латинскую партию и подозревали в латинстве всех киевлян. Варлаам Ясинский и те люди, которые просматривали Четии-Минеи до их напечатания, хорошо знали эти опасения и подозрения Москвы. Поэтому они, как увидим после, тщательно избегали всего, что могло напомнить о католичестве и, вообще, о западной науке. Если же ими оставлен был в списке источников Иероним, то только потому, что он и в книгах московской печати именовался святым. Прибавляя к Иерониму эпитет «православный», Святитель Димитрий, следовательно, как раз и хотел успокоить эту подозрительность Москвы, не дать ей повода обличить его книгу в латинстве. Но Москва, как оказалось, была подозрительнее, чем думали в Киеве.

Важнее была первая погрешность — учение о непорочном зачатии Пресвятой Богородицы. Но это был один из тех немалочисленных грехов латинства, которые незаметно проникли в юго-западную Русь во время господства над нею Польши и усвоены были киевскими учеными. Здесь патриарх, действительно, поступал, как строгий охранитель чистоты Православия, и его указание для юго-западных ученых было весьма полезно. Полезно оно было и для Святителя Димитрия, который, как киевлянин, тоже не чужд был некоторых латинских мнений, но он скоро совсем освободился от них.

Профессор И. А. Шляпкин, впрочем, говорит, что, получив послание патриарха Иоакима, Святитель Димитрий «намеревался отвечать на него и собирал материалы для поддержки своих мнений» (138). Но это предположение почтенного ученого едва ли справедливо. Святитель Димитрий был чужд всякого ученого самомнения; несмотря на свои великие заслуги в Православной Русской Церкви и духовной литературе, он до конца дней своих сохранял удивительную скромность и не переставал советоваться и посылать свои труды для проверки таким лицам, которые были моложе его и стояли ниже на служебном поприще. Он никогда не отстаивал тех мнений, в которых сам был не совсем уверен. В таких случаях он обыкновенно высказывался предположительно или прямо оставлял вопрос открытым. Если же в его черновых тетрадях и находятся выписки из разных книг — о времени пресуществления Святых Даров, о непорочном зачатии Девы Марии, об Иерониме и Августине (139), то эти выписки — не материал для ответа противнику, не средство для борьбы, а работа пытливого ума, который для себя ищет истины и внимательно изучает всё, что может дать ее. Так поступил Святитель Димитрий и теперь. Он тщательно выписывал в свои черновые тетради всё, что встречалось ему в книгах о пресуществлении Святых Даров, о непорочном зачатии Пресвятой Богородицы, но на своем мнении не настаивал и смиренно, как сейчас увидим, отказался от него, раз оно показалось соблазнительным для православно верующих.

Произошло это при личном свидании Святителя Димитрия с патриархом Иоакимом, которое состоялось в августе и сентябре того же 1689 года. К этому времени с Украины в Москву отправлялся гетман И. Мазепа; он ехал к благоволившим к нему В. В. Голицыну и царевне Софье. Духовные власти Киева воспользовались этим случаем и решили послать в Москву своих уполномоченных, которые должны были явиться к царям и патриарху и лично переговорить с последним о всех недоразумениях. Так как дело касалось вопроса о пресуществлении и об издании Четиих-Миней, то уполномоченными от Киева поехали Иннокентий Монастырский, написавший целое сочинение о пресуществлении Святых Даров, и Святитель Димитрий.

«Въехали мы в царствующий град Москву,— пишет Святитель Димитрий в своем Диарии,— августа 10-го, в день памяти св. мученика Лаврентия, в субботу, а 11-го, в день воскресный, были у ручки благочестивейшего царя Иоанна Алексеевича и благочестивейшей царевны Софии Алексеевны; а благочестивейшего царя Петра Алексеевича не было дома: был негде в походе. В тот же день были мы у ручки у святейшего патриарха Иоакима» (140). Святитель не сообщает, как принял их патриарх. Но в этот раз прием у него носил, кажется, чисто официальный характер, и киевлянам не удалось поговорить о своих делах. Патриарху было не до них. Москва в то время переживала смутное, переходное время. Петр был не в походе, как пишет Святитель Димитрий, а в Троице-Сергиевой Лавре, куда он убежал, окончательно рассорившись с сестрой Софьей Алексеевной. В народе начинались волнения, всем предстояло решить вопрос, на чью сторону встать в ссоре сестры и брата. Через два дня после приезда украинцев к Троице уехал и патриарх. Принятые Софьей меры к примирению не привели ни к чему; Петр чувствовал под собою силу и требовал выдачи приверженцев царевны. Положение украинского посольства было крайне неловким: вызванное соправителями Софьи, оно не знало, как ему поступить. В таком неопределенном положении прошел почти месяц. Наконец, Мазепа увидел, что ему нечего надеяться на прежних благодетелей, и поехал к Троице. Здесь приняли его с честью. Вместе с Мазепой прибыли и другие члены посольства. «Сентября в 10 день,— пишет Святитель Димитрий,— были мы с ясновельможным гетманом у ручки

благочестивейшего царя Петра Алексеевича в монастыре Троицком, обители Сергия Радонежского чудотворца. В том же монастыре был и патриарх, коего посещали мы часто» (141).

Вот во время этих-то неоднократных посещений украинцы и переговорили с патриархом о всех тех делах, которые волновали их и патриарха. Иннокентий Монастырский давал объяснения по вопросу о времени пресуществления Святых Даров, а Святитель Димитрий смиренно вел речь о своих погрешностях в Четиих-Минеях. Замечательны результаты этих переговоров. В то время как Иннокентий, изъявивший готовность «стоять и умереть» за латинское мнение, от которого тогда отказались уже все киевляне (142), заслужил гнев и проклятие патриарха, Святителя Димитрия Иоаким благословил продолжать писание житий святых и дал ему при прощании образ Пресвятой Богородицы в окладе. Чем же достиг Святитель Димитрий такого успеха? Без сомнения, своим смирением и готовностью исправить то, в чем сам он не был убежден твердо. Впоследствии, по желанию патриарха, Димитрий письменно изложил свои объяснения. Здесь он говорит, что Иеронимом пользовался и упомянул о нем в своих Четиих-Минеях потому, что этот учитель Церкви называется святым в Триоди постной, в службе сырной субботы, на утрени, в песни 9-й, в уставах древних Виленском и Львовском и в книге «Жезл», л. 50 об. О непорочном же зачатии Пресвятой Богородицы упоминается в той же книге, л. 5, и в 6-й песни Рождеству Богородицы. «О сем стязании,— пишет далее Святитель Димитрий,— во училища отсылаем богословския на соборное определение... но еще тогда нам не было запрещения так глаголати и печатати: ныне же без всякаго прекословия повинуемся и не будем того воспоминать, избравше удобне нам о том молчати, а не испытовати о том, пленяюще всяк разум» (143). Несомненно, тот же характер носили и личные объяснения Святителя Димитрия. Патриарх вполне удовлетворился ими и с миром отпустил Димитрия, преподав ему свое благословение. Правда, он не дал Святителю Макарьевских Четиих-Миней, но, быть может, это произошло оттого, что патриарх был у Троицы, а не в Москве, где хранились Четии-Минеи. Украинцы не долго пробыли у Троицы; 13 сентября они снова представлялись царю Петру «на отпуске, пред отъездом», а «сентября 22-го, в день воскресный,— пишет в Дневнике Святитель Димитрий,— собираемся мы с Божиим благословением из царствующего града Москвы в путь, в дом свой. Господи, поспеши». «10-го октября,— заносит он далее,— приехал я домой с Божией помощью» (144).

Живя в Москве, Святитель Димитрий познакомился со справщиками печатного двора. Некоторые из них так заинтересовались личностью смиренного списателя житий святых, что не прерывали с ним сношений и после отъезда его на родину, на Украину. Особенного внимания заслуживает между ними инок Чудова монастыря Феолог, который потом стал ближайшим другом Димитрия и поддерживал с ним оживленную переписку до самой смерти. Мы думаем, что новые знакомые по достоинству оценили труд Святителя, и в беседах с ними, более чем в объяснениях с патриархом, нашел он ту нравственную поддержку, в которой так нуждался. Во всяком случае Святитель Димитрий возвратился домой ободренным и успокоенным. Перенесенные им волнения и тревоги показали ему, что никакое, даже богоугодное и для всех полезное дело не может быть совершено без испытаний, и поэтому, возложив всю надежду на Бога, он с новым рвением принялся за продолжение своего великого писательского подвига. В каком же положении находилась теперь — осенью 1689 года — его работа?

В письме к патриарху Иоакиму, написанном еще 15 марта 1688 года, Святитель Димитрий говорил, что «написал жития святых месяцей шесть, начав от сентября первого числа до февраля последнего чис-

ла». Но это сообщение едва ли соответствовало действительности. Сентябрьская четверть Четиих-Миней окончена была вчерне, как мы говорили, в начале 1686 года. Весной того же года Святитель Димитрий получил из Москвы Макарьевские Четии-Минеи и занялся исправлением и дополнением по ним написанной книги. Эта работа, по нашему мнению, продолжалась до конца 1687 года или начала 1688 года, когда первая часть Четиих-Миней была совершенно закончена и началось дело об ее печатании. Следовательно, до 1688 года Святителю Димитрию едва ли удалось и приступить к работе над второй книгой. Но и с этого времени различные обстоятельства не раз мешали и отвлекали его от труда. Целый месяц — июль 1688 года — Святитель жил в Киево-Печерской Лавре, наблюдая,— а может быть, и корректируя — печатание своей книги. Для той же цели приезжал он в Киев в январе 1689 года и прожил здесь, вероятно, немало времени, дожидаясь выхода книги в свет. В марте того же 1689 года пришлось ему снова приезжать в Киев из-за болезни матери, которая скончалась 28 марта и 3 апреля была похоронена Святителем в Кирилловском монастыре. Наконец, с 21 июля по 10 октября того же, 1689 года, т. е. более двух месяцев, Святитель Димитрий потратил на поездку в Москву. Принимая всё это во внимание, мы должны признать, что Святитель работал над второй частью Четиих-Миней только неполный 1688-й год и несколько, не более четырех, месяцев 1689 года. А так как Макарьевские Четии-Минеи взяты были у него патриархом Иоакимом в марте 1688 года, то, следовательно, с ними работа над второю книгою происходила не более двух или трех месяцев. Конечно, за такое короткое время Святитель не мог как следует использовать тот материал, который находился в Макарьевских Минеях. Об этом он сам впоследствии писал патриарху Адриану. Испрашивая у него в письме от 10 ноября 1690 года Макарьевские Великие Четии-Минеи за месяцы декабрь, январь и февраль, он говорит, что хотя эти книги и были у него, но он «не возмог в краткое время оных прочесть и что́ потребно оттуда изъять» (145). Если, таким образом, в марте 1688 года Святитель Димитрий почти еще и не приступал к чтению Макарьевских Четиих-Миней, то как же можно говорить о совершенном окончании им второй своей книги к этому времени? По нашему мнению, он тогда только еще начал писать ее. Что же касается фразы Святителя в письме к патриарху Иоакиму: «написах жития святых месяцей шесть», то она сказана была им, думается, просто из деликатности: Святитель Димитрий не хотел показать патриарху, как бестактно и нехорошо он делает, требуя книги тогда, когда они еще нужны были Святителю,— пусть патриарху думается, что свое требование он прислал не вполне своевременно.

Работа над второю книгою, таким образом, начата была и долгое время шла только с теми источниками, какие можно было найти в Лавре и на юго-западе. Далеко ли она подвинулась до осени 1689 года — неизвестно, но неимение руководящего источника, с одной стороны, а с другой,— пережитые волнения и тревоги, наверное, оказывали сильное неблагоприятное влияние на ее успешность и часто принуждали Святителя откладывать в сторону свой труд. Сознавая, что и теперь, после возвращения из Москвы, работа без Макарьевских Четиих-Миней не может идти успешно, Святитель старается получить их из Москвы. 13 февраля 1690 года к патриарху Иоакиму отправляется из Киева особый посланник, печерский казнодей Елисей Завадовский, с письмами от Лавры и от Святителя Димитрия. Последний излагал патриарху уже известные нам объяснения допущенных им в первой книге Четиих-Миней погрешностей, а Лавра извещала, что волю патриарха она исполнила: заменила в новоизданной книге новыми те листы, которые он приказал уничтожить, и просила благословения «впредь новые месяцы печатать, а те готовые продавать и до церквей даровать» (146).

По всей вероятности, Завадовскому поручено было переговорить с патриархом и о Макарьевских Четиих-Минеях. Но Завадовский, прибывший в Москву за три дня до смерти Иоакима (он умер 17 марта 1690 года), не успел передать ему киевских писем, и они остались нерассмотренными. Переданные в Монастырский приказ, письма лежали там до нового патриарха, а он избран и поставлен был только в августе 1690 года. До этого времени остался без движения и вопрос о Макарьевских Четиих-Минеях.

Условия работы, таким образом, опять складывались неблагоприятно для Святителя Димитрия. Он должен был дожидаться Великих Четиих-Миней и задерживать выход второй своей книги. В оставшихся после Святителя рукописных сборниках и тетрадях находится много статей самого разнообразного содержания. Есть между ними и такие, которые тесно связаны с Четиими-Минеями. Составляя жития святых, Святитель Димитрий поневоле должен был обратить внимание на библейскую и церковную историю и основательно изучить их. Изучение это велось по различным латинским и славянским книгам, которые далеки были от согласия и единства. Пытливый ум Святителя стремился примирить эти противоречия источников, найти между ними истину; в результате этих исканий написано было немало обширных статей и кратких заметок, которые и до сих пор остаются в рукописях. Большая часть этих трудов Святителя Димитрия не имеет хронологических дат, и время их составления можно определить только по догадкам. Но, без сомнения, Святитель занимался побочными работами лишь тогда, когда не был занят своим основным, обязательным трудом — Четиими-Минеями. Описываемый нами период жизни Святителя как раз был таким, когда работе над Четиими-Минеями мешал недостаток источников, когда смиренный труженик дожидался Макарьевских Миней из Москвы и книг Болланда с Запада. Поэтому, может быть, теперь если не написаны, то задуманы были им многие из тех статей, какие находим мы в оставшихся после Святителя сборниках.

Между тем, в церковной жизни Киева произошли важные и знаменательные события. «В апреле (1690 года) в пятую неделю святого Великого поста преставился преосвященный митрополит Киевский Гедеон Святополк», и на его место собором украинского духовенства избран был архимандрит Киево-Печерской Лавры Варлаам Ясинский. В конце июля Варлаам отправился в Москву и здесь 31 августа принял посвящение от вновь избранного и поставленного на Московское патриаршество митрополита Казанского Адриана. Святитель Димитрий отметил эти события в своем Диарии (147), и они, действительно, имели важное значение как для него самого, так и для его дела. Новый патриарх не был, подобно Иоакиму, ярым противником латинской партии; к киевским ученым, которые считались склонными к латинству, он не относился с недоверием. Вследствие этого можно было ожидать, что он примет более живое участие в труде Святителя Димитрия и, насколько возможно, поможет ему довести составление житий святых до конца. Что касается Варлаама Ясинского, то он, как мы знаем, и в сане архимандрита много заботился о написании и издании Четиих-Миней, а теперь, облеченный властью митрополита, мог, конечно, еще более помочь успешному окончанию этого святого дела.

И Варлаам Ясинский, действительно, поступил так. Находясь в Москве на посвящении, он познакомил патриарха Адриана с начатым в Киеве делом издания Четиих-Миней, с великой похвалой отозвался о трудолюбии Святителя Димитрия как списателя житий и просил патриарха с своей стороны оказать ему помощь и содействие. Патриарх отнесся к сообщению Варлаама Ясинского с полным вниманием. Он не только преподал Святителю Димитрию свое благословение на продолжение его труда, но убеждал и Варлаама Ясинского всеми мерами

содействовать скорейшему окончанию Четних-Миней, распорядившись, чтобы не было препятствий к этому и со стороны нового лаврского архимандрита. Это мы видим, во-первых, из грамоты патриарха Адриана, которую он 3 октября написал и послал с Варлаамом Ясинским Святителю Димитрию; во-вторых, из письма Варлаама Ясинского к Адриану, написанного в 1695 году, при посылке патриарху второй книги Четних-Миней. В этом письме Варлаам напоминает, как он «во время бытности» его в Москве «предлагал» патриарху «усердное трудолюбие пречестного отца Димитрия в писании житий святых» и как патриарх, «милостиво похваляя сие, изволил писати Димитрию благословительную свою грамоту, желая, чтобы он и впредь к тому же душеспасительному делу непременное имел усердие» (148).

Грамоту патриарха Святитель Димитрий получил 1 ноября в Батурине, где он встречал нового митрополита. Нечего и говорить о том, как обрадовала патриаршая милость скромного труженика, как приятны ему были внимание и заботливость, с какими отнесся Адриан к горячо любимому им делу. 10 ноября того же, 1690 года Святитель Димитрий пишет ответ на грамоту патриарха, где просит Адриана прислать ему Макарьевские Великие Четии-Минеи за месяцы декабрь, январь и февраль, объясняя, что хотя эти книги и были у него, но он не успел взять из них всё, что было нужно, так как, по приказанию патриарха Иоакима, они были у него скоро отобраны. «Ныне же,— пишет Святитель Димитрий,— аще бы изволил архипастырство ваше, согласия ради пишемых нами житий святых, тыя же святыя книги триех реченных месяцей, на время к моему недостоинству повелети прислать, потщался бых, помощью Божиею, приседя им нощеденственно, почерпсти многу пользу и ту в мир типом издати; а книги тыя паки Вашему Архипастырству с благодарением отосланы были бы. О них же ныне смиренно челом бия архипастырской милости, отеческому же благословению и благоприятным святительским молитвам вручаюся» (149).

Патриарх Адриан исполнил просьбу Святителя Димитрия и вскоре выслал ему Макарьевские Четии-Минеи. Между тем, у Святителя работа над составлением житий продолжалась, и его слова в письме к патриарху, что он готов трудиться «нощеденственно», не были простой фразой. Чтобы оградить себя от всяких помех, он еще 10 февраля того же, 1690 года оставил настоятельские покои в монастыре и «начал жить в скиту пустыни, возле церкви свят. Николая Крупицкого». «Господи, помоги!» — заканчивает Святитель заметку об этом в Диарии (150). В скиту он трудился более года, но, очевидно, и это место не давало ему полного покоя. Поэтому в октябре следующего, 1691 года Святитель Димитрий приказывает соорудить для себя в пустыни особую келью «для спокойнейшего», как сам говорит, «списания житий святых». Келья была окончена постройкою 15 октября, а 18-го освящена. Святитель тогда же «начал жить в ней во имя Господне», а в феврале 1692 года снова оставил игуменство в Батуринском монастыре, чтобы, не отвлекаясь ничем, продолжать взятое на себя дело (151).

Проработав с таким тщанием весь 1691 и 1692 годы, Святитель к началу 1693 года успел закончить вторую книгу Четних-Миней. Оставалось сделать в ней некоторые поправки и затем печатать, но в начале 1693 года случилось событие, которое помешало этому и на долгое время задержало выход в свет второй части Четних-Миней. «В Великом посту,— пишет Святитель Димитрий в Диарии,— привезены ко мне из Гданска книги Болланда о житиях святых» (152). Это было знаменитое Антверпенское издание ученых иезуитов, высланное в Киев в количестве 18 томов за первые, начиная с января, пять месяцев года. Богатство заключающегося в Актах агиологического материала, основательные к житиям святых введения и комментарии, широкая начи-

танность издателей и их свобода от узкой вероисповедной точки зрения не могли не привлечь внимания Святителя Димитрия. Хотя вторая книга житий святых, как мы уже сказали, была совсем готова к печати, однако Святитель не захотел теперь выпускать ее и решил сначала дополнить новым материалом из только что присланного источника. Поступить так заставило его еще и то, что в новом источнике были два из тех трех месяцев, которые он готовил к печати.

Биографы Святителя Димитрия, ссылаясь на «Полный месяцеслов Востока» архиепископа Сергия, говорят, что во второй книге Четиих-Миней из Acta Sanctorum заимствованы жития: Петра, епископа Севастийского, 9 января, и преподобного Дорофея, Христины и дружины их, 6 февраля (153). Но это, очевидно, недоразумение. Архиепископ Сергий, изучавший месяцеслов Четиих-Миней, указал лишь те памяти святых, которые Святитель внес во вторую свою книгу из Acta Sanctorum (154), а биографы Святителя Димитрия памяти сочли за жития, и у них получилось, что всё влияние издания Болландистов на вторую книгу Четиих-Миней ограничилось внесением в нее двух житий указанных святых (155). В действительности это влияние было значительно шире и важнее. Ниже мы подробно укажем, что́ именно внесено Святителем во вторую книгу из Acta Sanctorum и какое оказали они на нее влияние. Здесь же только заметим, что из трех входящих в состав второй книги Четиих-Миней месяцев декабрь написан по старым источникам, и в нем нам не удалось найти ничего, что указывало бы на влияние Acta Sanctorum; что же касается января и февраля, то в этих месяцах имеется целый ряд житий и много заметок в месяцеслове, которые заимствованы из издания Болландистов. Вообще, Святитель широко использовал новый источник для второй части Четиих-Миней; этим только и можно объяснить ту продолжительную задержку в ее печатании, о которой мы станем сейчас говорить. Если бы влияние Acta Sanctorum на вторую книгу ограничивалось внесением в нее лишь тех двух житий, о которых говорят биографы Святителя Димитрия, тогда эта задержка была бы совсем непонятна.

«В том же году (т. е. 1693-м),— пишет Святитель в Диарии,— по воскресении Христовом выбираюсь из пу́стыни в Киев, в типографию. Боже, помози!» (156). Заметка написана 1 мая. Очевидно, как ни хотелось Святителю Димитрию подольше поработать над второю книгою с новым, только что полученным источником, долг перед Лаврой и обществом, которые давно уже ждали выхода из печати второй книги, заставил его покинуть свою тихую келью и ехать в Киев. 9 мая Святитель прибыл туда и представил лаврским властям свою работу. Вероятно, тогда же он объяснил, что ему необходимо дополнить ее по новому источнику, и просил на это время. В Лавре решили так: печатать пока жития за месяц декабрь, которые не могли быть исправлены по Acta Sanctorum, а остальные два месяца — январь и февраль — сдать Святителю Димитрию для дополнения и исправления. Святитель остался в Лавре и здесь продолжал свою работу, а месяц декабрь отправлен был на просмотр Варлааму Ясинскому, которому это дело поручено было патриархом Адрианом. Участвовали ли в просмотре новый архимандрит Лавры Мелетий Вуяхович и старшая братия — неизвестно, упоминания об этом мы нигде не встречаем. О цензуре же Варлаама Ясинского свидетельствует и сам он — в грамоте патриарху Адриану (157) и в «извещении о исправлении книжном», напечатанном при второй книге Четиих-Миней, и Святитель Димитрий в письме к тому же патриарху от 4 марта 1695 года (158). В «извещении» Варлаам говорит, что как первую книгу он внимательно прочитал «прежде типографскаго изображения и нашел в ней вся богоугодна и душеполезна, непротивна самой истине», так и теперь «с соизволения нынешнего архимандрита Лавры кир Мелетия с превселенными отцами соборными сие

второкнижное исправление» тоже прочитал, хотя «местом и преселен из Лавры на Киевскую митрополию». Сообщая о том же и в письме к Адриану, Варлаам Ясинский прибавляет, что после прочтения второй книги Четиих-Миней он нашел «в ней ничтоже противно, но вся душеполезна».

Чтение Варлаамом Ясинским декабрьских житий святых и составление для второй книги предварительных статей заняло более месяца, так что Лаврская типография только с 10 июля могла приступить к ее набору и печатанию. «Июля 10-го,— отмечает Святитель в Диарии,— в день памяти Антония Печерского, начал печатать месяц декабрь» (159). Два другие месяца, очевидно, еще были у него на исправлении. Святитель не торопился отдавать их в типографию и, оставаясь в Лавре, продолжал дополнять и исправлять их по Acta Sanctorum. В этой работе прошел весь 1693 год. В начале следующего, 1694 года Святитель должен был на время оставить Четии-Минеи и выполнить поручение, данное ему патриархом Адрианом. Будучи еще митрополитом Казанским, Адриан, по поводу случившейся там повальной болезни, построил храм в честь девяти мучеников Кизических. Теперь он обратился к Святителю Димитрию с просьбой написать службу святым мученикам и составить их житие. Святитель исполнил желание патриарха и к марту месяцу 1694 года (160) составил и послал в Москву «Врачество безмездное святых девятичисленных, иже в Кизице, мученик». Это сочинение содержит: а) службу святым мученикам; б) описание страданий их; в) сказание о прославлении их в Казани и г) слово на день их памяти. Переписанная набело рукопись «Врачества» находилась в Московской Патриаршей библиотеке и имеет внизу надпись: «труды грешного иеромонаха Димитрия Савича животописателя». На полях ее немало ссылок на источники, и по ним мы можем судить, сколько труда и внимания уделил Святитель Димитрий этой работе (161). Впоследствии часть ее (житие мучеников) он внес в третью книгу своих Четиих-Миней под 29-м апреля.

Исполнив поручение патриарха, Святитель Димитрий опять занялся Четиими-Минеями. Окончательное исправление января и февраля завершено было им, вероятно, не ранее июня 1694 года. В этом месяце, именно «в Петров пост», он назначен был игуменом в Глуховский святых апостолов Петра и Павла монастырь и оставил Лавру. Таким образом, исправление и дополнение второй книги по Acta Sanctorum задержало окончание печатания книги почти на целый год. Оно началось, вероятно, вскоре после отъезда Святителя Димитрия в Глухов, а закончилось в начале 1695 года. «М-ца иануария,— пишет Святитель в Диарии,—совершися в типографии Печерской книга житий святых другая тримесячная: декеврии, иануарии и февруарии» (162). Итак, эта книга составлялась и печаталась в продолжение семи лет, на два года более первой книги. Причина этого лежала, однако, не в Святителе Димитрии; он и теперь работал с прежним усердием и самозабвением. Переселение в скит, затем в особую уединенную келью и, наконец, удаление от игуменства наглядно доказывают это. Задержали выход книги те неблагоприятные внешние обстоятельства, которые Святитель Димитрий пережил в начале работы над ней, да желание исправить и дополнить ее по новому источнику.

Тотчас же после выхода из типографии вторая книга Четиих-Миней послана была в Москву с нарочито отправленными туда печерскими иноками для подношения царям и патриарху Адриану. Кроме книги, лаврские иноки привезли патриарху письма от митрополита Варлаама Ясинского, от гетмана Ивана Мазепы и от архимандрита Лавры Мелетия Вуяховича с братиею. Все они, извещая о выходе книги, просили патриарха «милостивне, любовне и неотвратно» принять ее, «трудолюбивым исправлением и писанием пречестнаго отца Димитрия» состав-

ленную, благословить Лавру продавать ее, а «трудолюбивому отцу игумену Димитрию» преподать архипастырское благословение на продолжение труда и выслать ему «для вящшаго исправления» своих житий «на время три следующие книги Четиих-Миней блаженнаго митрополита Макария» (163).

Святитель Димитрий, как только получил вторую книгу Четиих-Миней из печати, тоже немедленно отправил ее, даже непереплетенную «за скорость времени», патриарху чрез «особыя своя посланники». В письме, которое приложено было к книге, замечательна просьба Святителя Димитрия о том, чтобы патриарх особой грамотой поручил Варлааму Ясинскому прочитывать и исправлять составленные Димитрием Четии-Минеи. Видно, это участие митрополита Варлаама было ценно и необходимо для скромного и неуверенного в себе списателя житий святых. Недаром же Святитель Димитрий называл его «своим о Дусе Святом отцом и учителем» и впоследствии, уже будучи архиереем Ростовским, писал о нем своему другу Стефану Яворскому так: «Мне преосвященство ваше один вместо тысячи. Так бывало и блаженные памяти преосвященнейший отец наш Варлаам,— что́ он прочитает и утвердит, то несумненно в печать издаваемо было» (164). Из этих слов ясно, что руководство делом составления житий святых и их последняя редакция принадлежала Варлааму Ясинскому. Он давал Святителю Димитрию советы, как надо вести это дело, и затем указывал, какие следует сделать поправки и исправления в том, что Святителем Димитрием было уже написано. Но помощь Варлаама Ясинского простиралась и дальше. Как человек прекрасно образованный и побывавший за границей, он был необходимым дополнением к трудолюбивому, но, конечно, не так начитанному и знакомому с иностранной литературой Димитрию. По всей вероятности, от Варлаама Ясинского узнал Святитель Димитрий те сочинения, которыми надо было пользоваться при составлении Четиих-Миней; может быть, по совету того же Ясинского выписаны были из Данцига и книги Болланда. Замечательно, что о близком участии Варлаама Ясинского в составлении Четиих-Миней говорят и все другие лица, причастные к этому делу (165). Недаром, конечно, и патриарх Адриан постоянно просил Варлаама Ясинского не оставлять своим руководством Святителя Димитрия, называя первого «любопремудрым мужем, имущим верна и благочестива долгая обучения» (166). Из всего сказанного ясно, что не только в издании Четиих-Миней (участие здесь Варлаама Ясинского, думается, достаточно нами выяснено и ранее), но и в самом их написании Варлааму Ясинскому принадлежит значительная доля участия. И Русская Православная Церковь после смиренного труженика Димитрия, взявшего на себя всю тяжесть труда по написанию Четиих-Миней, за это «бессмертное» и полезнейшее издание должна прежде всего благодарить «ученейшего» Киевского митрополита; без него Святитель Димитрий едва ли бы решился на этот подвиг и затем придал своей работе такую широкую постановку.

Но перейдем к дальнейшей истории Четиих-Миней.

Получив письма киевлян и вторую тримесячную книгу Четиих-Миней, патриарх Адриан весьма милостиво принял последнюю и ответил всем писавшим ему особыми посланиями (167). В этих посланиях он благодарил за подношение, высказывал радость по поводу выхода книги и, извещая о высылке Макарьевских Четиих-Макарий, выражал надежду, что начатое в Киеве полезное для Церкви и народа дело благополучно закончится. Варлааму Ясинскому, кроме того, приносилась благодарность за то, что он сам вновь напечатанную книгу «искусосмотрительством благотщательне» рассмотрел, и прибавлялась просьба — довести до конца сие дело, «умолив люботрудодельцев, их же Господь на то хотением избра, наипаче же особне... Петропавлов-

ского монастыря, иже в пределех града Глухова, игумена иеромонаха Димитрия, яко благ муж, исполнь разумения и люботрудия, в слове учения и делания киих Миней уже и за обычного ему потщательства» (168).

Внимание и доброжелательство патриарха, выразившиеся в присылке Святителю Димитрию не только благословения на продолжение дела, но и денежной награды за труд, без сомнения, сильно подняли дух смиренного «животописателя» и придали ему силы для работы. Способствовала этому и та общая любовь, какую видел Святитель Димитрий со стороны лиц, с которыми приходилось ему встречаться. Об этом свидетельствуют дневные записки самого Святителя (169). С годами развивавшаяся и под влиянием знакомства с житиями святых приобретавшая большую силу и глубину религиозность заставляла Святителя Димитрия смотреть на свой труд как на дело святое, как на средство к спасению и побуждала относиться к нему с особенным вниманием и любовью. При таких благоприятных внутренних переживаниях началась для Святителя Димитрия работа над третьей частью Четиих-Миней. При обилии материала она не представляла больших трудностей и скоро была бы окончена, если бы этому не помешали обстоятельства внешнего характера.

Мы уже говорили, что в июне 1694 года Святитель Димитрий назначен был игуменом в Глуховский Петропавловский монастырь. Дела по благоустройству монастыря требовали внимания и забот. Однако Святитель скоро привел всё в порядок и мог бы спокойно опять заняться своим трудом. Но не успел он привыкнуть к новому месту, как его переводят в Киевский Кирилловский монастырь, а потом — через пять месяцев — назначают настоятелем Елецкого Успенского монастыря в Чернигове и возводят в сан архимандрита. Управляя Елецким монастырем, Святитель Димитрий должен был заведовать и Глуховской обителью. Но и здесь прожил он недолго. Через два с небольшим года он переводится опять и получает в управление Спасский монастырь в Новгороде-Северском. Это последнее назначение состоялось 17 сентября 1699 года, и, следовательно, за пять лет Святитель Димитрий переменил четыре монастыря. Такие частые назначения и перемены места жительства, хотя и возвышали иерархическое положение Святителя Димитрия, но делу его оказывали немалую помеху и препятствие. Многоразличные, иногда связанные с неприятностями и волнениями хлопоты по монастырским делам, о чем подробно сообщают биографы Святителя Димитрия (170), еще более уменьшали продуктивность работы над Четиими-Минеями и замедляли выход третьей их части. Всё это не могло не беспокоить Святителя Димитрия. Повинуясь воле властей, он принимал назначения и не отказывался от них, но в душе считал себя недостойным повышений по службе и всё время думал о любимом, порученном ему деле. Всего лучше это видно из собственного письма Святителя Димитрия, которое он писал в Москву другу своему Феологу.

Как видно из письма, несмотря на все неблагоприятные внешние условия, Святитель Димитрий не оставлял работы и трудился над составлением третьей книги Четиих-Миней. В этом трудолюбии много помогали ему внимание и любовь патриарха Адриана. Последний помнил смиренного списателя житий святых и старался не только поддержать его, но и защищать от огорчений. Так, в начале 1696 года он, как бы в благодарность за присланную книгу Четиих-Миней, послал Димитрию в подарок отпечатанный в Москве «Катехизис» (171); 1 февраля того же года написал письмо начальнику Димитрия, Черниговскому епископу Иоанну Максимовичу, в котором говорил: «Известихомся, яко близь тебе ныне в Черниговском Елецком монастыре пречестный архимандрит Димитрий в церковном общеполезном книжном словоделии, жития святых пиша, труждается: просим твою любовь в потребах спомоществуй ему трудити о Господе рукою твоею и любовь сотворяй во

благодушество и пользу Церкве» (172). Тогда же писал патриарх и самому Димитрию, желая ему, как «рабу Господню и Церкве святыя труднику и послушнику», здравия, спасения и благополучного пребывания. Одновременно с этим письмом патриарх вновь послал Святителю Димитрию денежную награду — «двадесять червонных» (173).

Но не один патриарх интересовался тем, как идет работа у Святителя Димитрия над Четиими-Минеями, и ждал выхода третьей их книги. Вся грамотная юго-западная Русь следила за этим, и, когда в начале 1700 года в Киево-Печерской Лавре была отпечатана мартовская четверть Четиих-Миней, южнорусский летописец занес это событие в свою летопись. «Року 1700-го,— читаем мы там,— в месяце генварю третяя книга житий святых, трудами богодухновеннаго мужа, иеромонаха Димитрия Савича Тупталенка составленная, на свет вышла и любопытствующих человек книжных духовною радостию сердцá наполнила» (174). Эта духовная радость людей книжных объяснялась, конечно, тем, что они понимали, какое великое дело и для Церкви Православной и для всего народа совершает Святитель Димитрий. К сожалению, мы не имеем более подробных сведений о написании и печатании третьей книги Четиих-Миней. Если она вышла из типографии в январе 1700 года, то, значит, Святитель Димитрий закончил ее приблизительно в начале 1699 года. Можно также предполагать, что прежде печатания и эта книга подвергалась рассмотрению, хотя Варлаам Ясинский был уже стар и слаб здоровьем. Не находим мы и при самóй книге никаких указаний и подробностей об ее печатании: кроме выходного листа, составленного по обычному образцу и извещающего о том, что книга «совершися в лето от написания в книзе плоти Слова Животодавца 1700, индикта 8-го, в месяцу Иануарию», в ней нет никаких вступительных статей и предисловий. Может быть, за печатанием книги следил тогдашний архимандрит Лавры Иоасаф Краковский. Сам Святитель Димитрий, по-видимому, не приезжал для этого в Лавру: он в то время, когда книга печаталась, сдавал Елецкий монастырь и потом тотчас же переехал на новое место служения — в Спасский Новгород-Северский монастырь, где сразу и поселился.

После выхода из печати третья книга Четиих-Миней, подобно первой и второй, была отправлена в Москву для подношения царю и патриарху. Возили ее киево-печерские соборные старцы, которых посылал архимандрит Лавры Иоасаф Краковский. Они прибыли в Москву 1 марта, но как их там приняли и чем ответили царь и патриарх на подношение,— мы не знаем: никаких письменных документов об этом не имеется. Патриарх Адриан в это время уже страдал предсмертною болезнью (он скончался 1 октября 1700 г.) и, может быть, совсем не писал в Киев. Впрочем, из одного письма Святителя Димитрия видно, что патриарх дозволил старцам взять из библиотеки Успенского собора Макарьевские Четии-Минеи за месяцы: июнь, июль и август (175). Эти книги они привезли с собою в Киев и потом передали Святителю Димитрию. Но если нам неизвестно, как отозвался патриарх на выход третьей книги Четиих-Миней, зато мы знаем, чем в этот раз почтила Святителя Димитрия дорогая для него Киево-Печерская Лавра. В лице своего настоятеля, архимандрита Иоасафа Краковского, и старшей братии она в конце 1700 года прислала в Новгород-Северский монастырь образ Божией Матери как выражение своей глубокой благодарности и молитвенного памятования о Святителе Димитрии за его великие труды (176). Что касается самого Святителя, то об его чувствах и переживаниях после окончания третьей книги всего яснее говорит письмо, посланное в Москву к Феологу. Оно — как бы благодарственная молитва усердного труженика к Богу за совершение третьей части своего труда и теплый привет другу за его молитвенную помощь и братское сочувствие.

Окончив третью книгу Четиих-Миней и сдав ее в печать, Святитель Димитрий не сразу принялся за продолжение своего труда. Несмотря на то глубокое уважение, каким пользовались его Четии-Минеи среди ученых людей на юго-западе, Святитель понимал, что «послушание свое, врученное ему Малороссийской Церковью», он выполняет только отчасти. По его разумению, написанные им книги должны были быть народными книгами, т. е. их должен был ежедневно читать всякий желающий, не только свободный от тяжелого труда, но и занятый им, а этого-то как раз и не было. По своей обширности и дороговизне изданные Лаврой Четии-Минеи недоступны были для бедных поселян и неудобны для чтения людям, обремененным работою. Скорбя об этом и желая приблизить свой труд к простому народу, Святитель после окончания третьей части Четиих-Миней и задумал составить особую «книжицу, да и убогий удобнее может ю себе стяжати и житийскими попеченнями объятый без труда может коегождо дне настоящих святых прочести и уведати, которыми образы кий угодник Божий подвизался и благоугодил Господеви» (177). На эту мысль, вероятно, навело Святителя существование подобных кратких сборников житий святых у католиков. Один из них был и в библиотеке Святителя Димитрия (178). С другой стороны, побуждала к этому и та забота о духовном просвещении простого народа, которая так ярко сказалась впоследствии, в ростовский период жизни Святителя.

Новую работу Святитель Димитрий начал вскоре после переезда в Новгород-Северский монастырь. Она имеет такое заглавие: «Мартиролог, или мученикословие, жития святых по месяцех и числах вкратце собранныя в себе содержащее, во обители всемилостиваго Спаса Новгорода-Северскаго новонаписанное в лето 1700-е». Со второго листа рукописи начинается первое «предисловие», где Святитель говорит, как и кем составлялись в древности жития святых, и сообщает, что «и на славенский диалект от различных иазыков, а наипаче от греческаго тщанием древних благоверных князей Русских и преосвященных архиереев попечением немало бе переведено книг. Но многими временами и частыми браньми, а наипаче Батиевою браниою, иакоже Русскиа страны опустошишася, сице и книги оныа в языку словенском аще и невесма воничтожишася, обаче много умалишася». За первым предисловием следует второе, в котором Святитель объясняет, «чесо ради Христова Церковь узаконила есть коегождо дне почитание угодников Божиих... Да ово прославляем Бога в святых хвалимого, ово должную честь нашим к Богу ходатаем да воздаем, ово же да себе пользуем. В нашу бо пользу сиа напишася, во еже бы нам, почитающим святых памяти, воспоминати житиа их и ревновати добрым тех делом, ими же угодиша Богу, верующе в Него несумненно» (179). После предисловий в особой статье указываются причины, заставившие Святителя взяться за этот труд, а затем начинается уже и самое «Мученикословие» (180).

Святитель только начал новую работу: в рукописи имеются жития святых за один лишь месяц сентябрь. Продолжить и довести до конца «Мученикословие» Святитель Димитрий или не захотел, или не мог. Вероятнее — последнее, так как в жизни Святителя в скором времени произошли такие неожиданные и важные события, которые надолго отвлекли его не только от «Мученикословия», но и от всякой литературной работы. По указу царя Петра I Святитель Димитрий в 1701 году вызван был в Москву и 23 марта, в неделю Крестопоклонную, поставлен во архиереи в Сибирь (181). «Пресветлая звезда от Киева воссиявшая», по изволению Божию, потекла на Север, в великую Россию, чтобы засиять здесь светом новой плодотворнейшей деятельности. Но старое любимое дело списания житий святых не забыто было Святителем. Среди трудов архиерейского служения он закончил свои Четии-Минеи; эту историю их окончания мы и изложим в следующей главе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Профессор И. А. Шляпкин в своем исследовании о Святителе Димитрии говорит, что жизнь его распадается на два периода — малороссийский и великорусский, или ростовский. В первом периоде личность Святителя не выделяется ничем особенным из среды других ученых украинцев конца XVII века; в ней те же черты и те же характерные особенности, которые свойственны всем южнорусским образованным людям этого времени. Второй — великорусский — период носит, напротив, более резкий личный характер (182). Нам думается, что не только жизнь Святителя Димитрия, но и его литературную деятельность можно подвергнуть такому же разделению. На севере России, в Ростове, она носила во многом иной характер, нежели на юге, на Украине. Это справедливо даже по отношению к Четиим-Минеям: после переселения на север в работе над ними у Святителя замечаются новые черты, и самый взгляд на задачи и цель своего труда несколько меняется. Приступая к изложению истории составления четвертой книги Четиих-Миней, мы прежде всего постараемся отметить эти особенности и укажем те причины, которыми они были вызваны.

Посвященный в Сибирские митрополиты 23 марта 1701 года, Святитель Димитрий не мог тотчас же отправиться к месту своего нового служения. Стояла ранняя весна, дороги для поездки были трудны, и добраться по ним до далекой Сибири не было никакой возможности. Приходилось дожидаться более удобного времени, и Святитель Димитрий остался в Москве. Он жил в Чудовом монастыре, где находилось Сибирское подворье, и, совершая очередное служение, неутомимо поучал народ. В конце апреля дороги просохли, и можно бы было отправиться в путь, но царь Петр не дал разрешения на выезд и приказал Святителю дожидаться, пока он, царь, находившийся тогда в Воронеже, возвратится в Москву. Отъезд в Сибирь опять был отложен, а летом Святитель Димитрий захворал. Во время болезни за ним ухаживали его московские друзья и знакомые, но болезнь плохо поддавалась лечению и уходу. Физическое недомогание осложнялось душевными волнениями, которые обусловливались предстоящей поездкой в Сибирь. Но не местность и не те великие апостольские труды, на которые посылали в Сибирь Святителя, устрашали его; он болел сердцем о своих любимых литературных занятиях, о неоконченных Четиих-Минеях, опасаясь, что при новых условиях жизни ему не удастся закончить их и выполнить сыновний долг перед родною Украинскою Церковью.

Опасения Святителя были справедливы и основательны. Окончание Четиих-Миней требовало не только известного времени и труда, но и необходимых для работы пособий. Далекая, глухая Сибирь не могла дать в этом отношении ничего, везти все книги с собой не представлялось возможным, о живых сношениях и переписке с Москвой нечего было и думать; тысячеверстное расстояние и тогдашние средства сообщения полагали этому непреодолимые препятствия и затруднения. Отсутствие друзей и руководителей, невозможность в минуты сомнений спросить их совета, в чем так нуждался неуверенный в себе смиренный труженик, еще более осложняли неблагоприятные условия для работы в Сибири. Святитель все это ясно понимал и не мог не тревожиться за судьбу своего великого труда.

Болезнь затянулась до осени. О ней доведено было до сведения царя, и, по одним источникам, Петр сам посетил недомогающего архиерея и в беседе с ним узнал главную причину болезни (183), по другим, Святитель представил царю письменное объяснение, что по слабости здоровья едва ли он пригоден для Тобольской епархии, да и

встретит там затруднения к окончанию своих Четиих-Миней (184). В результате этих сношений с царем Святителю дозволено было остаться в Москве, и он освобожден был от Сибирской епархии. Туда послали другого воспитанника Киевской коллегии — Филофея Лещинского, а Святителя Димитрия перевели в Ростов, на место умершего Ростовского митрополита Иоасафа Лазаревича. Постановление об этом сделано было 4 января 1702 года (185), а 1 марта того же года, в воскресенье третьей недели Великого поста, митрополит Димитрий уже прибыл в Ростов на свою епархию.

Итак, в этот раз Святитель прожил в Москве с 9 февраля 1701 года до марта 1702 года, т. е. больше года. В Москве была совсем иная, чем в Киеве, жизнь, иные были и нравы. Святителю, выросшему и жившему до сих пор в другой среде, приходилось теперь приспособляться к новым условиям жизни, входить в общение с новыми людьми. Он особенно близко сошелся со старым своим знакомым, иеромонахом Чудова монастыря Феологом, с Карионом Истоминым и с Феодором Поликарповым. Живя в Ростове, Святитель поддерживал с Феологом оживленную переписку и при каждом удобном случае посылал своим новым знакомым самые дружеские приветствия. Что же за люди были эти новые знакомые Святителя Димитрия?

Благодаря трудам С. Н. Браиловского (186) личности Феодора Поликарпова и Кариона Истомина нам хорошо известны. Нет специального исследования об иеромонахе Феологе, но по кратким заметкам о нем в работах Браиловского и в статьях других авторов (187) можно с уверенностью сказать, что по своим убеждениям Феолог принадлежал к тому же кругу московских ученых людей XVII века, что и Феодор Поликарпов и Карион Истомин. Все они были искренними приверженцами просвещения, все горячо любили книжное дело и хорошо знали его положение в тогдашней Москве. Феодор Поликарпов состоял директором Московского печатного двора, Феолог и Карион Истомин исполняли там же обязанности справщиков. Образование все трое получили греческое, у братьев Лихудов, и в свое время считались знатоками не только греческого, но и латинского языка. По убеждениям они принадлежали к сторонникам «восточной» партии, но не совсем чистого вида. С. Н. Браиловский Феодора Поликарпова и Кариона Истомина относит к разряду «пестрых». Во всяком случае все они были стойкими защитниками православной греческой веры и не разделяли крайностей «западников», людей «латинской части». На этой-то ревности о Православии и любви к книжным занятиям, вероятно, и основано было дружеское общение их со Святителем Димитрием. Последний, как видно из писем к Феологу, глубоко уважал Феодора Поликарпова и Кариона Истомина. Несмотря на то, что они были моложе его, Святитель спрашивал у них совета в своих научных занятиях и посылал на просмотр им свои работы (188). Феолога, кроме того, он любил как близкого по душе и искреннего друга.

Продолжительное общение с этими людьми, выросшими в совсем иных условиях и прошедшими другую школу, оказало сильное влияние на смиренного и всегда внимательного к чужим мнениям Святителя Димитрия. В беседах с московскими друзьями он проверял свои прежние взгляды и убеждения, вырабатывал иной, более правильный взгляд на вещи и освобождался от той односторонности, какая привита была ему на Украине. Вскоре это обнаружилось как во взглядах, так и в работах Святителя. Отметим прежде всего новое отношение его к греческому языку.

В Киевской коллегии, как нам известно, на первом месте стоял язык латинский, и Святитель Димитрий вынес оттуда лишь самые элементарные познания в греческом языке. Его значение он, конечно, признавал, но нигде об этом открыто не высказывался и мало интересовался

греческими книгами. После пребывания в Москве у Святителя появляется живой интерес к греческому языку, он явно отдает ему предпочтение пред латинским и старается ближе познакомиться с греческими книгами. Открывая в Ростове училище для приготовления пастырей, он называет его «греческим и латинским» и, хотя весь строй школьной жизни копирует с Киевской коллегии, но уроки греческого языка делает обязательными и поручает этот предмет особому учителю (189). В 1705 году Святитель стремится приобрести греческую Библию и в письме к Феологу сообщает, что присланную им Библию он просмотрел, но не купил, так как она не полная, да и запродана другому лицу (190). С интересом следит также Святитель за изданием греко-латино-славянского словаря, составленного Феодором Поликарповым, и просит друзей выслать ему словарь, а потом сердечно благодарит за исполнение просьбы (191). В письме к Новгородскому митрополиту Иову, написанном в 1706 году, Святитель называет греческий язык «началом и источником всему любомудрию» и говорит: «От того бо (греческого языка) вся премудрая учения во вся языки произыдоша» (192). В устах ученика Киевской коллегии такой отзыв оригинален.

Изменилось у Святителя Димитрия под влиянием новых знакомых и отношение к Москве, к ее историческому прошлому и святыням Московского края. Кроме друзей, здесь, можно думать, немалое значение имела и сама Москва с ее великими святынями и историческими преданиями. Как столица великого государства, как сокровищница, в которую русский народ собрал все ценное, чего он достиг в предыдущие периоды своей исторической жизни, Москва должна была произвести сильное впечатление на религиозного и любознательного Святителя Димитрия. Совершая богослужение в московских храмах и участвуя в религиозных торжествах, Святитель узнавал святыни Москвы, знакомился с ее церковной жизнью и понемногу усваивал взгляды, привычки и убеждения московского народа. Новые знакомые, конечно, тоже способствовали такому направлению в духовном развитии Святителя Димитрия. В результате всех этих влияний у последнего и образовался новый взгляд на цель и задачи своего труда.

Живя на юге, Святитель смотрел на составление Четиих-Миней как на «послушание, вверенное ему Малороссийскою Церковью», поэтому в первых книгах старался прежде всего удовлетворить нужды и запросы этой Церкви. Давая православному населению назидательное, чуждое инославных плевел чтение из жизни общехристианских святых, он помещал в Четии-Минеи жития только тех русских святых, которые были хорошо известны на юго-западе. О малоизвестных святых — а к таковым принадлежали почти все подвижники северо-восточного края — он делал лишь краткое упоминание в месяцеслове. Например, в первой книге Четиих-Миней за месяцы сентябрь, октябрь и ноябрь Святитель поместил только восемь житий великороссийских святых (193) и притом в кратких, проложных редакциях. О других воспоминаемых в эти месяцы великороссийских святых (194) мы находим лишь краткое упоминание в месяцеслове. Нельзя думать, чтобы жития всех этих святых были пропущены потому, что Святитель не мог найти материала для них. В Прологе за те же месяцы есть жития Ярославских князей Феодора, Давида и Константина (19 сентября) и преподобного Савватия Соловецкого (27 сентября), есть сказание о Казанской иконе Богоматери (22 октября), и, однако, мы не находим их в Четиих-Минеях. Между тем жития даже таких малоизвестных печерских угодников, как Дамиан Целебник, Матфей и Иеремия прозорливые, здесь помещены. Очевидно, причина невнесения лежала не в отсутствии материала — Святитель мог найти его в Прологе и Макарьевских Великих Четиих-Минеях, — а в том, что общерусского значения своему

труду он еще не придавал и считался с потребностями только местного, юго-западного края. Да, кроме того, в то время он, вероятно, был и мало знаком с великорусской агиографической литературой.

В Москве рано заметили эту особенность труда Святителя Димитрия и, может быть, еще в первый приезд его сюда вели с ним беседы по этому поводу. Между рукописями Святителя имеется житие преподобного Иосифа Волоцкого, на котором рукою Святителя сделана пометка: «прислано с Москвы от отца Кариона в лето 1699 марта 30-го» (195). Значит, московские книжники уже тогда старались ознакомить Святителя Димитрия с житиями великороссийских святых. Теперь, когда Святитель переехал на север, воздействие на него новых знакомых в этом направлении, без сомнения, увеличилось, да он и сам, ближе познакомившись с Москвой, ясно увидел, как далеки его Четии-Минеи от полноты, как много пропущено им житий святых, дорогих и близких сердцу великоросса. Как только этот недостаток был осознан, Святитель начал старательно собирать и списывать жития великороссийских святых, чтобы впоследствии дополнить ими свои Четии-Минеи.

Работа в этом направлении начата была, вероятно, в Москве, но с особенной энергией продолжалась в Ростове. Второй после Москвы по обилию святых город северо-восточного края, Ростов глубоко заинтересовал Святителя своей стариной и своими священноисторическими преданиями. Почивающие в нем святители Леонтий и Исаия, пришельцы с юга, должны были роднить Святителя Димитрия с новым местом его службы и указывать ему, что в древности не было деления России на великую и малую, а была одна русская народность, объединенная племенным сходством и великокняжескою властью. Вследствие этого московские впечатления в Ростове должны были еще более углубиться, и новое направление в работе приобрело бóльшую прочность и сознательность. Из переписки Святителя Димитрия с Феологом и Новгородским митрополитом Иовом видно, как живо интересовался он ростовской стариной и как старательно собирал те памятники письменности, которые могли осветить для него минувшие судьбы северо-восточного края и в особенности труды и подвиги его духовных просветителей и подвижников.

Прося помощи у других, Святитель и сам разыскивал в своей епархии и собирал как жития святых, так и другие памятники древней письменности. В его рукописях есть, например, житие преподобного Аврамия Ростовского, списанное «с тетрадей дьячка Богоявленскаго монастыря» (196); в Угличе он нашел «книжицу» с житием святого царевича Димитрия и, дополнив ее сведениями, взятыми «у некоего хронографа», написал житие царевича для последней части Четиих-Миней (197); в Ярославле, в церкви Николая Надеинского, Святителю удалось найти какой-то сборник житий святых, который в своих черновых тетрадях он называет то «Ярославским Николы Надеина сборником», то «Ярославской Четьей» (198). Эти поиски памятников великороссийской агиографии не прекращались Святителем до самой его кончины. О результатах их мы будем говорить ниже, а теперь перейдем к истории составления четвертой, последней части Четиих-Миней.

Первоначальная работа над нею началась, вероятно, еще в Москве, но здесь сделано было немного. Можно думать, что к составлению житий Святитель здесь и не приступал. В письме к Феологу, которое хранится в ризнице Спасо-Иаковлевского монастыря и написано в ноябре 1702 года, Святитель сообщает о составлении им жития святого царевича Димитрия: «Аз прежде сего собрал с некоего хронографа и с углечской книжици и написал историю о св. царевиче Димитрии». В другой рукописи, находящейся в Московской Типографской библиотеке (199), есть житие святых бессребренников Космы и Дамиана с указанием, что оно составлено 14 сентября 1703 года. Так как житие

святого царевича Димитрия помещено в Четиих-Минеях под 3 июня, а житие святых Космы и Дамиана — под 1 июля, то, следовательно, в конце 1702 года Святитель только еще начинал четвертую книгу и над первым ее месяцем трудился до сентября следующего года. В Москве поэтому, может быть, выработан был только план и собраны необходимые материалы. Вся остальная работа выполнена была в Ростове среди многосложных и разнообразных дел по управлению обширною епархией. Нам нет нужды подробно описывать административную и просветительную деятельность Святителя Димитрия, но упомянуть о ней и об условиях его жизни в Ростове мы должны, чтобы знать, в какой обстановке приходилось Святителю работать над последней частью своего труда.

Святитель Димитрий весьма серьезно смотрел на сан епископа (200) и старался строго исполнять все связанные с ним обязанности. Прежде всего, он позаботился поднять нравственный уровень подведомственного ему духовенства, для чего часто объезжал епархию, посещал храмы, поучал священников и рассылал им особые увещательные грамоты. Сознавая, однако, что всего этого недостаточно, он, вскоре же по приезде в Ростов, открыл училище, для которого уступил часть своих покоев, и, выписав из Киева учителей, все руководство делами училища и всю воспитательную его часть взял в свои руки. Чтобы научить народ, Святитель часто служил и неустанно проповедовал. Дела по управлению епархией, заботы о хозяйстве архиерейского дома и частые сношения с светскими властями, которые отбирали тогда в казну все доходы с монастырских и архиерейских вотчин (201) и вмешивались даже в церковную жизнь и архиерейские распоряжения, также отнимали много времени и причиняли немало тревог и огорчений. Святитель болел душой, видя разорение прежде богатого архиерейского дома, сострадал бедствиям духовенства и народа и, сам терпя крайнюю скудость, должен был ограничивать себя во всем (202). Нельзя без глубокого волнения читать его письма, в которых он просит своих благодетелей прислать ему «чаю невеликое», потому что «в Ростове несть где взять, а надобно временем» (203), когда приглашает их в свою «келию на грибы» (204), когда сообщает: «Чуть не пешком брожу, — ни коня, ни всадника. Оскудеша овцы от пищи и лошадей нет» (205), или, получая от друзей приношения, отвечает: «Не имам, чим воздати, убог сый; молю богатаго в милости Христа Владыку нашего, да Он воздаст преосвященству вашему сторичне, за любовь Вашу отеческую, юже мне недостойному являете» (206). Но если бедность и огорчения угнетали душу, то сырой, нездоровый климат Ростова быстро разрушал тело. От природы некрепкое здоровье Святителя здесь еще более расстроилось: он начал часто прихварывать и в письмах к друзьям жаловался на свое «нездравое здравие» (207). Наконец, немало дорогого времени отнимали и поездки в Москву по вызову, на чреду служения. За семь лет жизни в Ростове Святитель Димитрий был в Москве три раза: в 1705, 1706 и 1707 годах, причем первое пребывание продолжалось более года.

В таких неблагоприятных, тяжелых условиях приходилось Святителю работать над последнею четвертью Четиих-Миней. Надо только удивляться, когда он находил время для этой работы. Но любовь и сознание долга превозмогли всё. Отрываясь от дел по управлению епархией и от приема разных должностных лиц, Святитель отдавал своему заветному труду каждый свободный день, каждый незанятый час. «Днем у тусклаго слюдоваго окна, а ночью при слабом свете сальной свечи» писал он последние месяцы Четиих-Миней, забывая о собственном отдыхе и покое. Что-то как будто побуждало его скорее окончить эту работу. Словно он сознавал, что жить ему осталось уже немного, а дел сделать нужно было еще порядочно. В письмах Святи-

теля, написанных в это время, невольно отражается и чувствуется напряженность и спешность его работы. Спрашивая о чем-либо своих московских друзей, Святитель торопит их с ответом и дружески укоряет, если они медлят отвечать ему. Чаще и чаще встречаются в письмах просьбы о молитве, чтобы Господь дал «поспешество» труду Святителя и он мог поскорее его закончить. А дело, хотя и знакомое, требовало большого внимания и усердия. Нужно было собрать материал и дать достаточные чтения на каждый день месяца. Последнее затруднялось тем, что житий восточных святых за составляемые месяцы было мало и приходилось дополнять эту «скудость» житиями иных святых. Делая с этой целью поиски в различных источниках, Святитель вносил новых святых в Четии-Минеи с большой осторожностью. Прежде чем внести житие нового святого в Четии-Минеи, Святитель советовался с теми, кого считал «благоразумными», умоляя их прислать ему совет «здравый», т. е. основательный и продуманный.

Встречались затруднения и другого характера, происходившие от спутанности и неясности Пролога, этого главного пособия при установлении памяти святых. Но дело было уже близко к окончанию, — и 9 февраля 1705 года Святитель завершил свой бессмертный двадцатилетний труд.

Глубокая духовная радость переполняла сердце Святителя-труженика. Он спешит поделиться ею с любимым другом и вскоре после 9 февраля пишет Феологу: «Срадуйтеся мне духовне, яко споспешеством ваших молитв сподобил мне Господь августу месяцу написати аминь и совершити четвертую житий святых книгу, юже послах в Киев, в печать» (208).

Подвергалась ли эта четвертая книга Четиих-Миней рассмотрению и исправлению, — неизвестно. В ней самой нет об этом никаких сведений, так как, кроме обычного выходного листа, она не имеет ни предисловий, ни предварительных сообщений. Да некому было и просматривать ее в Киеве: Варлаам Ясинский в это время доживал уже последние годы своей жизни и был весьма слаб (209), а новый архимандрит Лавры Иоасаф Краковский едва ли бы согласился принять на одного себя такое ответственное дело. К тому же Святитель Димитрий пользовался тогда уже всеобщею известностью и уважением как «списатель житий святых», и сомневаться в достоинстве его труда не было никакого повода.

Зная, как интересовались выходом книги в Москве, Святитель писал туда об успехах печатания. Так, в письме из Ростова от 22 мая 1705 года он пишет отцу Феологу: «За дружелюбие вестно творю: месяц июнь, июль напечатаны и присланы ко мне с Киева; августа, чаю, ждет тамо Алекса» (210). Если в конце мая печатался уже август, то, следовательно, к июлю книга вышла из печати (211), и Святитель Димитрий получил возможность послать ее своим друзьям.

Но не одни друзья интересовались книгой. Можно сказать, что вся грамотная Россия с нетерпением ждала окончания Четиих-Миней, и Святитель начал получать просьбы о высылке четвертой книги тотчас же после выхода ее из печати. До нас сохранились некоторые из его ответов на эти просьбы. «Благодарю, — пишет он игумену Соловецкого монастыря Фирсу, — за рыбу, прияли от монаха Антония и вкушахом. И вам послахом жития святых четвертую часть года, три месяца» (212). На подобную же просьбу архимандрита Троице-Сергиевой Лавры о присылке Четиих-Миней Святитель отвечает: «Мы, смиренные, писание ваше чрез присланнаго от вас ризничаго, иеромонаха Моисея, прияли и любовно прочитали. А что благоволил преподобие ваше в том писании своем писать, чтобы мы во св. Лавру отпустили Минеи-Четии последних двух выпусков, то мы, смиренные, преподобию вашему с тем же преждеименованным ризничим книг оных последняго

выпуска три месяца — июнь, июль и август — из келлии нашей отпустили, а иных житий святых с марта по июнь у нас, смиренных, при келии нашей излишних не имеется, а есть таковыя книги во святой великой Лавре Киево-Печерской, и сие нам ведомо... Книгу одну безденежно отпустил преподобию твоему в келию; благоволи любовно принять. Благодарствую за хлеб и рыбу, кои из святой обители на благословение прислали. Челом бью» (213). Посылал Святитель Четии-Минеи и Новгородскому митрополиту Иову.

В 1707 году Святитель удостоился и более торжественного чествования за свой труд. В конце этого года в Ростов был послан из Московской академии префект и учитель философии Стефан Прибылович, который от лица Академии 26 декабря в Крестовой палате поднес Святителю «дедикованную конклюзию» и говорил похвальную речь. Эта конклюзия, весьма искусно написанная на куске атла́са, сохранялась в ризнице Спасо-Иаковлевского Ростовского монастыря. Она написана на латинском языке и украшена рисунками и фигурами, изображением Святого Духа в виде голубя, окруженного по сторонам ангелами и ликом святых угодников. Из этих рисунков и надписей видно, что конклюзия была выражением признательности за составление житий святых. Святитель называется здесь отцом, патроном и особенным благодетелем; четыре его книги житий святых уподобляются четырем Евангелиям и называются «святейшим книгостроением»; красноречивые похвалы адресуются Святителю и за то, что он в себе самом предложил ту же святую жизнь, какую изобразил пером на хартии (214). Последнюю мысль Прибылович довольно подробно развил и в своей приветственной речи, сказанной после поднесения конклюзии.

Вообще, в это время Святитель Димитрий, как составитель житий святых, пользовался широкой известностью. К нему очень часто обращались и духовные, и светские лица с просьбами написать акафист, канон или службу тому или другому святому (215). В 1705 году, 12 августа, Святителем Димитрием получен из Иерусалима «мандилион» — род полотенца, вытканного из бумаги, с красными и синими узорами, и И. А. Шляпкин полагает, что его прислал Иерусалимский патриарх как знак особого благоволения за составление житий святых (216). Наконец, о том, что Димитриевы Четии-Минеи пришлись по душе и всему грамотному русскому народу, свидетельствует факт их быстрой распродажи: вскоре после выхода из печати четвертой книги Киево-Печерская Лавра начала хлопоты о втором издании Четиих-Миней, следовательно, первое их издание было уже распродано. Об этом втором издании или, точнее, о степени участия в нем Святителя Димитрия мы и должны теперь говорить. Это участие было последней данью великого Святителя своему любимому труду.

Прежде всего мы должны решить вопрос: когда возникла мысль о втором издании Четиих-Миней? Составители биографии Святителя Димитрия отвечают на это неодинаково. Авторы книжки, вышедшей в 1849 году и редактированной А. В. Горским, говорят, что «еще в то время, когда Святитель занимался последними месяцами, архимандрит Печерский Иоасаф Краковский просил его о принятии на себя нового труда, именно, исправления первой тримесячной книги Четиих-Миней для второго издания» (217). Профессор И. А. Шляпкин в одном месте своего исследования замечает, что «мысль заняться пересмотром первых томов «Четиих-Миней» явилась у Святителя в 1704 году» (218), а в другом говорит, что у Святителя «снова (т. е. как бы в другой раз) является мысль о вторичном издании первых частей Четиих-Миней», и приводит далее просьбу Иоасафа Краковского, относя эти события к весне 1705 года (219). Священник М. С. Попов, по обыкновению, следует и в этом вопросе за профессором И. А. Шляпкиным, не давая

впрочем, никаких точных хронологических сведений, а относя только дело о новом издании Четиих-Миней ко времени после 1705 года. Каждое из этих мнений подтверждается у авторов выдержками из писем Святителя Димитрия.

Из анализа этих писем видно, что они относятся к началу 1706 года. В это же время, следовательно, получена была и просьба Иоасафа Краковского об исправлении Чегиих-Миней.

Святитель Димитрий с готовностью принял предложение Краковского и намерен был исполнить его. «И паки триех великих Миней-Четиих от соборной Московской патриаршей церкви дадут ли?» — спрашивает он в конце письма к Феологу. Удалось ли Святителю получить эти Минеи — мы не знаем. Вероятно, нет, так как в последующих письмах к Феологу Святитель об этом не упоминает, а вместе с тем эти же письма свидетельствуют, что внимание Святителя вскоре заняли другие работы, которым он отдался с обычным для него интересом и прилежанием.

«Возжелах от скуки, аще Господь восхощет, сочинить летописец вкратце за келию» (220), — пишет Святитель Феологу в мае 1707 года. Очевидно, Макарьевские Четии-Минеи получены не были, и, не имея возможности без них пополнить свои книги, Святитель, чтобы не быть без дела, решает сочинить Летописец. В работе тотчас же встретились недоумения, и, желая разрешить их, Святитель собирает нужные для справок книги: пишет Г. Д. Строганову, умоляя его прислать в Ростов «на малое время книгу, глаголемую хронограф, иже и летописец» (221), просит о том же Феолога (222) и выписывает чрез Вандебурга, продавца иностранных книг в Москве, целый ряд латинских пособий по истории и хронологии (223). Новая работа пришлась по душе Святителю, и он ревностно трудится над ней. В ноябре 1707 года, закончив самую трудную главу летописи о хронологии, Святитель посылает написанное в Москву Стефану Яворскому для просмотра. «Преосвященный не охулил, — сообщает Святитель Феологу, — прочим же не понравилось» (224). Отвечая этим прочим на их замечания в письме к Стефану Яворскому от 4 декабря, Святитель тогда же доводит до сведения Яворского, что работа над Летописцем начата: «Возлагаяся на Бога и на святые ваши молитвы уповая, помалу касаюся дела, и уже будто бы есть и начало» (225). 11 декабря это начало посылается в Москву с Рафаилом Казановичем при особом письме. Хотя в этом письме продолжение своего труда Святитель ставит в зависимость от того отзыва, какой дадут о нем Стефан Яворский и «прочии благоразумныи особы» (226), однако работы не бросает. Та же работа над Летописцем занимает Святителя и в следующем, 1708 году. Это видно из писем к Стефану Яворскому от 8 января (227) и от 24 февраля к Феологу. Последнему Святитель писал два раза Великим постом (228) и однажды в сентябре, после возвращения из Москвы. В письмах встречаются жалобы на нездоровье, которое мешает писать.

Несмотря на недомогание, Святитель, насколько позволяли ему силы, продолжал трудиться над Летописцем.

В ноябре 1708 года Святитель Димитрий уехал в Ярославль по делам раскольников-старообрядцев. Во время бесед с ними он вывел заключение, что «словеса из уст болей идут на ветер, нежели в сердце слушающих», и поэтому, вернувшись в Ростов, оставил «предлежащее» ему «дело летописания» и взялся «писать особую книжицу против раскольнических учителей» (229). Этому новому труду Святитель отдался всей душой и работал с необыкновенным рвением. В Москву то и дело отправлял он письма с запросами к друзьям о разных пунктах раскольнических лжеучений, с просьбами — прислать ему ту или другую книгу, сделать справку и т. п. Письма большей частью коротенькие, спешные. «Простите, — пишет в одном из них Святитель Димит-

рий, — недосуг писать. Десница моя тростию пишущей аки копьем и мечем на раскольников вооружися» (230). В марте следующего, 1709 года новое сочинение — «Розыск» — было закончено. Святитель отдал его переписывать своим писцам, а сам помышлял снова вернуться к Летописцу. «Уже бо и докучило писать противу раскольников, — полно уж, будет о том трудиться, пристал... — пишет он Феологу. - Помышляя возвратиться к Летописцу, аще Бог поможет моей немощи, молю, помолитесь о мне грешном» (231). Однако раскол еще некоторое время занимал Святителя, и он не раз посылал в Москву добавления к своей работе, прося друзей «прочитать и рассудить, гораздо ли так?» (232) На эти дополнения и поправки, вероятно, ушли вся весна и лето. А осенью нездоровье снова усилилось и приняло такой характер, что великому труженику было уже не до письма. «Вопрошаеши мя, возлюбленне, — писал в это время Святитель любимому другу, — о моем здравии; поистине возвещаю ти, яко немощствую; прежде бывало мое здравие пополам: полуздрав, полунедужен. А ныне недугование превозмогает и едва третия доля здравия остается, обаче будто мужаюся и держуся о Господе моем, в Его же руку живот мой; дела ныне никакого не делаю: до чего же примусь, все из рук падет; дни мне стали темны, очи мало видят, в нощи свет свечный мало способствует, паче же вредит, егда долго в письмо смотрюся, а недугование заставляет лежать и стонать. В таковом моем нездравом здравии не вем, что чаяти, живот или смерть, — в том воля Господня да будет» (233). Это письмо писано утром 27 октября 1709 года, а на другой день ближние Святителя нашли его в келье уже скончавшимся: он испустил дух во время молитвы, коленопреклоненный. Своей святой кончиной Святитель показал, как духовно близок он был к сонму святых, деяния и подвиги которых почти всю свою жизнь так старательно и любовно описывал.

Этот краткий очерк последних лет жизни Святителя Димитрия показывает, что мысль об исправлении и дополнении Четиих-Миней занимала его только в первое время после получения письма от Иоасафа Краковского. Затем внимание его привлекли другие литературные работы, и вновь вернуться к Четиим-Минеям ему уже не пришлось. Судя по тем письмам к Феологу, которые упомянуты были ранее, у Святителя было намерение довольно широко поставить дело исправления и дополнения своих книг. Он хотел приготовить их «ко вторичному печатанию полнее, неже первее, с приложением житий святых тех, иже преминушася» (234). Главным источником для этого должны были служить Макарьевские Великие Четии-Минеи, справка о которых два раза повторяется в письмах к Феологу. Эти Минеи в то время считались богатейшим собранием памятников русской агиографии. Можно поэтому думать, что Святитель Димитрий предполагал пополнить свои книги для второго издания прежде всего житиями великороссийских святых. К этому должен был побуждать его и тот новый взгляд на задачи и цель своего труда, какой образовался у Святителя в Москве и приобрел особенную прочность в Ростове. Мы уже знаем, что под влиянием его Святитель почти тотчас же после переселения в Ростов начал собирать отовсюду соответствующий материал и не прекращал делать это до самой своей кончины.

Часть собранного использована была для последней, четвертой книги Четиих-Миней. Написанная в Ростове, эта книга носит явные следы новых взглядов Святителя. Среди наполняющего ее агиологического материала мы находим не только значительное количество житий великороссийских святых, но и целый ряд повестей и сказаний, интересных и важных только для Москвы и для жителей северо-восточного края. Между житиями обращает на себя внимание повесть о святом царевиче Димитрии. Ей следовало бы быть в майской книге (память святого царевича 15 мая), но «у составителя, — замечает Святитель Димитрий,

когда он писал месяц май, — истории о убиении св. царевича не прилучися, ныне же та обретеся, убо в нынешний день (3 июня), в празднество перенесения честных мощей его и о убиении его зде история полагается» (235). Нам думается, что немалое значение при этом имели и новые взгляды Святителя. Из интересных и важных для Московского края повествований отметим сказания: об избавлении Москвы от Ордынского царя Ахмата (23 июня), о перенесении ризы Господней из Персиды в Москву (10 июля), о перенесении в Москву Владимирской иконы Божией Матери (26 августа) и описания почитаемых в великой России икон Богоматери: Тихвинской (26 июня), Казанской (8 июля) и Толгской (8 августа).

Этими житиями и сказаниями собранный в Ростове материал, конечно, не исчерпывался. Неиспользованная часть его и всё, что поступило после окончания Четиих-Миней, должны были храниться у Святителя в виде разнообразных рукописей и ждать удобного времени для обработки и помещения в Четии-Минеи. Часть этих рукописей известна и в наше время. Собранные самим Святителем в два сборника, они сохранялись в Московской Патриаршей и Московской Типографской библиотеках. Сборник Патриаршей библиотеки (№ 835-й) — довольно большая, более 200 листов, книга в четвертую долю листа, переплетенная в кожу и имеющая на обороте верхней доски следующую, сделанную самим Святителем Димитрием надпись: «Неисправленныя вещи различныя, собранныя в лето 1704-е в Ростове». В книге 13 написанных различными почерками рукописей, из которых только три не имеют отношения к агиологии. Две рукописи уже использованы: сказание о Толгской иконе Божией Матери (лл. 1—64) и повесть о убиении святого царевича Димитрия (лл. 199—221); остальные или оказались непригодными, или отложены до новых работ над Четиими-Минеями. Святитель сам написал оглавление книги и, очевидно, считал собранный в ней материал достойным сохранения. Кроме уже указанных повестей и сказаний, в сборнике имеются: «Слово о житии и чудесах св. мученика Иоанна Стратилата и воина (л. 64); тропарь, кондак и житие св. Феодосия (л. 88); месяца мая, в 29-й день, житие св. Иоанна Христа ради юродивого, Устюжского чудотворца (л. 92); родословие князей Ростовских и Владимирских (л. 104); описание о соборной церкви Успения Божией Матери во граде Владимире и иже в ней мощей нетленных (л. 108); поставление епископов по градом (л. 111); сказание о убиении князей Ярославских Василия и Константина (л. 112) и их чудеса (л. 119); чудо Пресвятой Богородицы и свв. блаженных и Христа ради юродивых Прокопия и Иоанна Устюжских, о жене бесноватой именем Соломонии (л. 137); месяца июня 25 дня, повесть о житии свв. Петра и Февронии Муромских (л. 169); Иоанн власатый Ростовский, милостивый (л. 185) и память отцу духовному, како управляти ставленника (л. 221)».

Типографский сборник значительно больше синодального; в нем около 600 листов, содержащих до 50 разнообразных рукописей, не переплетенных, а только сброшюрованных в одну толстую, теперь уже порядочно обветшавшую книгу. Некоторые рукописи написаны самим Святителем Димитрием, но большая часть составлена и переписана другими людьми, предоставившими свой труд в его распоряжение. Лица, составлявшие опись оставшегося после Святителя Димитрия имущества, назвали этот сборник в реестре книг «Житиями святых, которыя не положены в Четиих-Минеях», и отметили, что эти жития «в тетрадях набело переписаны с намерением, чтобы в Четьих-Минеях на своих местах положены были и напечатаны» (236). С этим определением нельзя вполне согласиться: во-первых, в сборнике находятся далеко не одни жития святых; во-вторых, между находящимися там житиями есть такие, которые уже использованы и, следовательно, для

пополнения Четиих-Миней предназначаться не могли (237). Из остальных житий также лишь немногие можно считать вполне приготовленными для внесения в Четии-Минеи. Вообще, более близкое знакомство с сборником показывает, что в нем собраны не обработанные жития, а поступившие к Святителю в разное время материалы, которые в конце жизни (238) он соединил в одну книгу, предполагая некоторые из них использовать для дополнения Четиих-Миней при вторичном их издании.

Последнее подтверждается следующим: во-первых, все жития святых расположены в сборнике в порядке месяцеслова и, без сомнения, для того, чтобы удобнее было пользоваться ими при пополнении Четиих-Миней; во-вторых, почти на каждой рукописи имеются или заметки, или исправления, сделанные рукою Святителя, из которых некоторые категорически подтверждают нашу мысль (239). Например, на житии Григория Синаита Святитель написал: «сего святаго в месяцесловах нигде не положено. Положити убо его августа в 8 день, понеже в реестру проложном так положено»; на житии преподобной Фелонии: «выписано з великой Минеи Четье, не обретается же воспоминовение ея в месяцесловах, ни в прологах, токмо в Четии мая 28-го. Да положится убо где-либо». Поставленные на некоторых житиях числа месяцев также, по нашему мнению, указывают на намерение Святителя поместить эти жития в свои книги. Например, на житии святых Гурия и Варсонофия рукою Святителя написано: «Октября в 4 день», на житии святого Дионисия Александрийского — «Октовриа в 5 день», на житии преподобного Аполлона — «марта 31-го». Наконец, те отметки, исправления и замечания, которые сделаны Святителем в рукописях, что иное могут означать, как не его работу по приготовлению их к печати? Правда, довести эту работу до конца Святитель не успел, но что он ее начал, в этом, кажется, не может быть никакого сомнения.

Находящиеся в рукописях заметки интересны и в другом отношении. Благодаря им мы узнаем, когда и от кого поступили к Святителю некоторые из этих рукописей, знакомимся с их источниками и получаем представление о той обработке, какой подвергал Святитель Димитрий поступавший к нему материал прежде помещения его в свои Четии-Минеи. Так как все эти сведения очень важны для истории последних работ Святителя Димитрия над Четиими-Минеями, то мы постараемся разобрать и использовать их с возможной полнотой.

Определенные указания на время поступления имеются только на двух рукописях: на житии преподобного Иосифа Волоцкого, где Святитель внизу первого листа написал: «прислано с Москвы от отца Кариона, в лето 1699, марта 30-го», и на житии святой Марии Магдалины, которое на последней странице имеет пометку: «О ст. Марии Магдалине от преосв. Сиберскаго сентемвриа 28-го, 1706 года». На остальных агиографического содержания рукописях таких определенных указаний нет, но по другим имеющимся там надписям, принимая в соображение уже известную нам историю составления Четиих-Миней, можно вывести заключение, что одни из собранных в книге житий поступили к Святителю еще в то время, когда он работал над Четиими-Минеями, другие присланы ему в Ростов в последние годы жизни. Ко второму отделу мы причисляем все рукописи с житиями великороссийских святых, кроме жития преподобного Иосифа Волоцкого. Мы полагаем, что эти рукописи есть результат тех поисков в области великороссийской агиографии, которые предпринимал Святитель в Ростове. Между ними находится, например, житие преподобного Аврамия Ростовского, списанное «с тетрадей дьячка Богоявленского монастыря»; из двух других житий того же святого одно, по мнению И. А. Шляпкина (240), прислано Святителю митрополитом Новгородским Иовом, другое, вероятно, иеромонахом Феологом (241). От Иова же, можно думать, получено

житие Леонтия, Святителя Ростовского. Что касается остальных житий великороссийских святых (Гурия и Варсонофия Казанских, Григория Переяславского, Макария Белевского и Кассиана Учемского), то и они не могли быть присланы Святителю ранее переселения его на север. О последних трех святых мы не находим упоминания даже в месяцеслове Четиих-Миней, чего Святитель не допустил бы, если бы жития их были у него под руками во время работы над Четиими-Минеями. Святым Гурию и Варсонофию 4 октября, в день их праздника, положено краткое проложное сказание; такие же краткие сказания посвящены преподобному Аврамию (26 октября) и Святителю Леонтию (23 мая); очевидно, других, более полных житий этих святых у Святителя тогда не было. Да едва ли он и интересовался ими. Ведь только после переселения на север у него появился интерес к великорусской агиографии и, как мы видим из писем (242), Святитель стал разыскивать и просить своих друзей прислать ему полные жития этих святых. Труднее определить время поступления к Святителю находящихся в сборнике житий общехристианских святых. Вероятно, большинство из них получены Святителем еще в первый, украинский период его деятельности. Это безусловно справедливо относительно житий уже использованных. Неиспользованных житий сравнительно немного, и, на основании сделанных на них заметок, можно только предполагать, что они получались в то время, когда удобная для помещения их книга Четиих-Миней была уже закончена.

Источники собранных в сборнике житий довольно разнообразны. Некоторые заметки указывают их определенно и прямо. Например, на житии святого князя Вячеслава Чешского написано: «из великой Минеи Чет'е выписано, но неисправно»; на житии святого Мефодия, учителя словенского — «из великой Минеи Чет'е преписано»; на житии святого мученика Артемона — «из Чет'е великой». Ту же надпись читаем на житиях: святого мученика Христофора, святого мученика Еразма, преподобной Филофеи, мученика Феодорита и преподобного Исаакия Далматского. Итак, все эти жития заимствованы из Макарьевских Великих Четиих-Миней. Из тех же, вероятно, Миней взятых жития — святой Фотинии Самаряныни, мучеников Ионы и Варахасия, святого Стефана Римского, мучеников Фоки и Евсигнея, за что говорит буквальное сходство их редакций с житиями Макарьевских Четиих-Миней. То же можно бы сказать и о житиях Андрея, Христа ради юродивого, Кирилла, первоучителя словенского, Иосифа Волоцкого и Леонтия Ростовского, но на житии святого Кирилла указано, что оно «списано з библиотеки Хиляндарской лавры Сербской». Может быть, из других источников заимствованы и остальные жития, тем более что в некоторых местах их текст не вполне совпадает с четии-минейным. Встречаются в сборнике и переводные жития. Например, житие святого Дионисия Александрийского переведено «из Евсевия», житие святых Андрея Хиского и Георгия Трапезунтского — «з Лаврентия Сириа», житие преподобного Аполлона — из Vitae ss. patrum, первый очерк жития Иеронима — из «Маркиана Виктория», о преставлении Богоматери — из Мелита, епископа Сардийского, причем в сборнике находится не только перевод, но и латинский оригинал этого сказания.

Знакомясь с переводными житиями сборника, мы видим, что почти все они написаны не самим Святителем Димитрием. Об этом говорят не только язык и почерк их, но и некоторые заметки. Например, на житии святой мученицы Людмилы Чешской рукой Святителя сверху листа написано: «перевод п. Стефана Любинскаго»; переводчиком жития святого Дионисия Александрийского называется «Иоанн Христофорович»; о книге Мелита сказано, что она «перевод отца Антония Стаховскаго, казнодея Черниговскаго»... Эти заметки ставят перед нами очень важный вопрос - о сотрудниках Святителя Димитрия по

составлению Четиих-Миней. Что такие сотрудники у Святителя Димитрия были, в этом как будто нельзя и сомневаться. Из переписки с Феологом и другими лицами мы видим, что Святитель часто обращался к ним с просьбами найти и списать для него то или иное житие. Эти просьбы не оставались без ответа, и, как мы уже говорили, большая часть находящихся в разбираемых нами сборниках житий может считаться присланной Святителю его друзьями и доброжелателями. Нет сомнения, что и ранее Святитель имел таких сотрудников. В Московской Патриаршей библиотеке, в рукописи под № 146, есть житие Саввы, первого учителя Сербского, на котором положена такая надпись: «списано преп. Доместианом, иеромонахом монастыря Хиландары нарицаемого, а з него писал отец Филофей Лещинский сокращенне и не весьма рассмотрительне» (л. 257). И. А. Шляпкин предполагает (243), что эта надпись сделана не позже 1688 года. Тот же Филофей Лещинский в 1705 году 4 марта прислал Святителю «Лествицу», а в 1706 году — житие равноапостольной Марии Магдалины. В 1699 году, как мы уже не раз говорили, прислано Святителю Карионом Истоминым житие преподобного Иосифа Волоцкого. Вообще, таких друзей — сотрудников, списывавших для Святителя Димитрия с различных славянских источников жития святых, было, вероятно, немало как в ростовский, так и в украинский период его деятельности. Одни из этих сотрудников были простыми переписчиками рукописей, другие при списывании подвергали их некоторой переработке. Так, Филофей Лещинский писал житие Саввы «сокращенне»; в сборнике № 420, нами описанном, житие Андрея, Христа ради юродивого, написано тоже «сокращенне частию от простерших словес»...

Кроме сотрудников-переписчиков, были у Святителя и сотрудники-переводчики. При составлении Четиих-Миней Святитель Димитрий использовал не только славянские, но и многие иностранные источники. Последние надо было переводить; вот в этой-то работе и помогали ему сотрудники-переводчики. Имена трех из них (Стефана Любинского, Иоанна Христофоровича и Антония Стаховского) мы уже знаем. В принадлежавшем Святителю Прологе, во второй его части, где между листами 443 и 444 вклеен листок с житием преподобного Кассиана Римлянина, упомянуто имя еще одного сотрудника-переводчика, на верхней части листка рукой Святителя написано: «се творение небожчика Иосифа Конесскаго, уставщика Печерскаго» (244). В том же Прологе, в июньской его четверти, есть еще подобная вставка с житием святого Лазаря, князя Сербского, но имени переводчика здесь нет. Не встречали мы имен переводчиков и в рукописях, хотя по почерку, языку и разным другим признакам необходимо отнести эти рукописи к присланным сотрудниками Святителя Димитрия. В Типографском сборнике № 420 такими работами мы считаем: страдание святых мучеников Андрея Хиского и Георгия Трапезунтского, житие священномученика Игнатия Гангрского, житие преподобного Исаакия Далматского, житие блаженного Иеронима (черновая редакция), житие святого Григория Синаита и слово епископа Мелита о преставлении Богоматери. Вероятно, пользовался Святитель и другими подобными переводами. Некоторые из них, может быть, сделаны были еще во времена Петра Могилы и Иннокентия Гизеля и переданы Святителю вместе с другими материалами, когда он начал свою работу над Четиими-Минеями.

Отмечая эти факты, мы думаем, что приписывать всем таким сотрудникам какую-либо долю участия в составлении собственно Четиих-Миней едва ли возможно. Их работы были только сырым материалом, который, прежде чем войти в Четии-Минеи, нуждался в тщательном исправлении и переработке. Исполнение этой задачи всецело лежало на Святителе Димитрии, и он решал ее самостоятельно, без всякой посторонней помощи, обращаясь за советом к своим руководи-

телям и друзьям только тогда, когда в чем-либо сомневался и затруднялся. Собранные в Синодальном и Типографском сборниках рукописи доказывают это с полной несомненностью. Мы видим, что материалы первого сборника Святитель сам называет «неисправленными вещами», а во втором — подвергает рукописи строгой проверке и тщательной переработке. Так как характеристика литературной работы Святителя Димитрия над Четиими-Минеями составляет задачу последней главы нашего исследования, то здесь долго останавливаться на ней мы не будем. Скажем только, что все поступавшие к Святителю рукописи с житиями святых он сначала критически изучал, а затем принимался за их стилистическую обработку. Здесь собранные материалы служили уже только канвой, по которой вышивалась совершенно самостоятельная, далеко превосходящая изложение сотрудников работа. Каких трудов она стоила Святителю Димитрию, можно судить по находящимся в Типографском сборнике рукописям с житиями святых Ионы и Варахасия и блаженного Иеронима. Они переполнены исправлениями и переделками, так что когда мы сравним совершенно переработанное и приготовленное к печати житие блаженного Иеронима с тем, которое было прислано Святителю его сотрудником, то должны будем признать, что первое есть самостоятельная, носящая отпечаток авторской личности работа, для которой второе житие дало только факты, только сырой материал. Итак, в творческой работе над Четиими-Минеями сотрудники Святителя, по нашему мнению, никакого участия не принимали, поэтому слава составления Четиих-Миней в той прекрасной литературной форме, какую имеют наполняющие их жития святых, всецело принадлежит одному Святителю Димитрию.

Возвратимся теперь снова ко второму изданию Четиих-Миней. Знакомство с рукописями обоих сборников показывает, что Святитель не успел подвергнуть их полной и тщательной переработке. По-видимому, он ее только начал, поэтому ни одно из находящихся в сборниках житий, кроме использованных ранее, во второе издание Четиих-Миней не вошло. Правда, на выпускном листе первой книги второго издания значится, что в этот раз Четии-Минеи издаются «с поправкой и с придатком житий святых великороссийских отец», но это извещение в последней своей части не соответствует действительности. Ни одного нового жития, посвященного великороссийским святым, во втором издании нет. Здесь прибавлено только несколько житий общехристианских святых, главные же поправки и дополнения внесены в месяцеслов, но и то лишь за первые месяцы года. Так, в сентябре, 9 числа, прибавлено житие Никиты, тайного угодника, его же виде диакон Созонт; 10-го — повесть о трех женах, в горе обретенных; 16-го — сообщены довольно подробные сведения о пустыннике Дорофее. Исправления сделаны: в житии преподобного Симеона Столпника, 1 сентября, добавлено в конце, что частица мощей его была принесена к Даниилу Столпнику, и в сказании об иконе Божией Матери в Миасинской обители, это сказание переработано и дополнено. 20 сентября написано новое начало к житию святого Михаила, князя Черниговского. Кроме этого, несколько незначительных поправок и добавлений сделано в ссылках на источники житий. Например, добавлены новые источники (1 сентября), старые указания изменены (3 и 4 сентября), сделаны ссылки на источники там, где в первом издании их не было (2, 4, 7, 20 сентября; 4 октября) и, наоборот, в иных местах они опущены, хотя в первом издании были (9, 15, 17, 22 сентября, 24, 31 октября, 20 ноября). Опущены также выставленные в первом издании годы жизни некоторых святых (10, 16 сентября и др.). Выпущено во втором издании житие святого мученика Феодота, 13 сентября, на том основании, что «сей Феодот тойжде есть, иже и Феодор, архиепископ Александрийский, декабря в 3-й день поминаемый».

Но наиболее существенные поправки, как мы сказали, сделаны в месяцеслове. Здесь, в сентябре месяце, о всех святых, которые в первом издании только назывались по имени, даны иногда краткие, а иногда и довольно подробные сведения; во многих местах месяцеслов дополнен новыми именами святых, причем в большинстве случаев указаны и основания, по которым сделаны эти дополнения; некоторые памяти совсем опущены; в иных местах сделаны исправления в самих именах святых, а в иных добавлено указание, когда тот или иной святой воспоминается Церковью еще раз. Совсем переработан месяцеслов под 13-м сентября: во втором издании дан иной порядок значившимся там памятям и к некоторым именам добавлены особые замечания. Но о всех этих изменениях в месяцеслове у нас будет речь в следующей главе исследования и поэтому здесь мы не станем указывать их подробно.

Вот и все те более или менее значительные изменения и дополнения, которые Святитель Димитрий внес во второе издание Четиих-Миней.

Как видно из только что сказанного, эти следы переработки наблюдаются, главным образом, в первом месяце Четиих-Миней — сентябре. Следовательно, только над ним Святитель и успел серьезно поработать. Дальнейшие труды прервали сначала другие литературные занятия, а потом смерть, и Четии-Минеи не получили той окончательной, совершенной обработки, какую думал им дать их приснопамятный составитель.

* * *

Второе издание Четиих-Миней печаталось в типографии Киево-Печерской Лавры при архимандрите Афанасии Мирославском (1710—1714). Первая трехмесячная книга вышла в 1711 году, вторая — в 1714-м, третья — в 1716-м. В 1718 году приступлено к печатанию четвертой книги, но она не вышла в свет, потому что сгорела во время пожара, бывшего в этом году в Лавре. После этого прошло более двадцати лет, и нового издания Четиих-Миней за все это время не было. Вопрос об издании их поднят был только в 40-х годах, при архимандрите Лавры Тимофее Щербатском (с 14 апреля 1740 г.). Он обратился в Синод с просьбой разрешить Лавре напечатать Патерик и Жития святых, так как, заявлял он, «многие люди по своей горливости и усердию к Богу и святым угодникам Его для содержания и чтения в пользу душевную своего спасения желают их иметь, а таких книг за давностью времени, как печатались, везде уже сыскать невозможно». Синод на это прошение 10 июля 1741 года определил: «Книги Жития святых отец в Киево-Печерской типографии напечатать, точию оные книги прежде издания в печать архимандриту с другими учеными и в Священном Писании и в церковных историях искусными людьми со всяким опасным смотрением достоверно освидетельствовать и ежели что в них как Свящ. Писанию, Духовному Регламенту и указам 5 октября 1720 года и 6 ноября 1727 года противное сыщется, так и недостоверное, и церковными учителми и историками веры достойными подтвержденное, но весьма сумнительное окажется, то таковую сумнительную и вероятия недостойную историю отметить в конце жития святого, о котором идет история, или, ежели возможно будет, исправить; что же касается до прибавлений и наречия, в том во всем согласить с великороссийскими книгами непременно; также и каталог, или собрание по алфавиту житий святых по именам, и дел их, и прочих вещей, к ведению достойных, сочинить и при конце всякия книги напечатать».

Тимофей Щербатский в своем ответе на этот указ 10 июня 1742 года доносил Синоду, что «при неоднократном прочитывании с соборною братиею и прочею из ученых в книгах житий свв. отец противного

Свящ. Писанию и прочим указам не взыскуется, ибо оные книги с древних книг богодухновенных отец, учителей, списателей, историков и повествователей, числом до 60, при предисловии в книге житий святых декабрьской четверти имянно изображенных, составлены». На основании этого архимандрит просил у Синода разрешения «к безсумнительному оных книг житий святых отец печатанию». Что же касается просодии и наречия, то он обещал, что «в том во всем и в прочем с великороссийскими книгами согласно учинено будет».

Из этого ответа видно, что Тимофей Щербатский уклонялся от той проверки Четиих-Миней, какую предлагал ему сделать Синод в своем указе от 10 июля 1741 года. Он обещал только согласовать их язык и изложение с великороссийскими книгами. Но, очевидно, для членов Синода такое исправление было недостаточно и, получив из Синода указ от 27 сентября 1742 года, разрешающий печатать Четии-Минеи, Тимофей Щербатский не приступил тотчас же к печатанию их, а занялся собиранием нужных для их исправления книг. Это собирание затянулось на несколько лет. 10 марта 1748 года Тимофей был возведен в Киевские митрополиты и только в 1752 году донес Синоду, что им собраны для исправления Четиих-Миней нужные книги и им самим и другими приставленными к этому делу лицами с этими книгами жития святых сносятся и сверяются. Через два года, именно 27 сентября 1754 года, Синод запросил митрополита, кому именно поручено дело проверки Четиих-Миней и далеко ли «оное свидетельствование доведено и найдено ли что примечания достойное». Тимофей Щербатский почему-то на этот запрос сразу не ответил, так что Синод еще два раза — 7 февраля и 24 мая 1755 года — повторил его. Ответ Синоду Щербатский написал только 11 июля 1755 года. В нем он прежде всего говорит о причинах замедления своего ответа, затем указывает, какие еще книги нужны ему для свидетельствования Четиих-Миней, и, наконец, доносит, что дело проверки их поручено им архидиакону Манассии и проповеднику иеромонаху Фоме. Эти лица, сообщает далее Щербатский, просмотрели некоторые находящиеся в Четиих-Минеях жития, сделали отметки в сходствах и несходствах их с древними книгами, «такожде и о некоторых противностях» написали, но только «для единой пробации». Сделать большее указанные лица не могли, так как заняты были и другими делами, а кроме того, один из справщиков (Фома) переведен из Киева в Троице-Сергиеву Лавру. Сказав далее, что иных способных для этого дела людей у него нет, митрополит пишет, что свидетельствование и исправление Четиих-Миней — дело очень трудное, требующее довольного числа ученых людей; кроме того, в Киеве нет и всех нужных для этого книг, а писатель Четиих-Миней Святитель Димитрий при составлении их пользовался не только печатными книгами, но и рукописями, которых «имянно не означил», что, наконец, нет единства и согласия и между теми историками, на которых он ссылается. Приведя в подтверждение своих слов несколько примеров, Тимофей Щербатский просит Синод снять с него, часто недомогающего и занятого делами по управлению епархией, обязанность по исправлению Четиих-Миней и поручить это дело особой комиссии «на коште Лавры». При этом ответе приложены были и те замечания, которые сделали киевские справщики относительно просмотренных ими житий святых.

Эти замечания очень интересны. Они были первой попыткой критически отнестись к работе Святителя Димитрия, проверить и исправить ее, если это окажется необходимым. В основу этой проверки киевские справщики положили указ Синода от 10 июля 1741 года. В нем, как мы говорили, требовалось, с одной стороны, рассмотреть, не найдется ли в Четиих-Минеях чего-либо противного Священному Писанию, Духовному Регламенту и указам Синода от 1720 и 1727 годов, с дру-

гой, — недостоверного, не утвержденного достойными доверия церковными учителями и историками и «сумнительного». В этих требованиях, как видим, нет единства и определенности; киевские справщики, руководствуясь ими, должны были проверять жития с точки зрения их достоверности и искать, нет ли в них чего противного Духовному Регламенту и указам Синода. Задача была довольно сложная и трудная: нужно было все жития прочитать, сравнить с достойными доверия источниками и сделать в них те или другие исправления и выпуски. Исполнить такую работу над всеми житиями в Четиих-Минеях киевские справщики не смогли, и поэтому они разобрали только 12 житий, произвели, как говорит Тимофей Щербатский, лишь пробу подобной критики. Но и эти 12 житий разобраны ими далеко не с исчерпывающей полнотой. В тех случаях, когда у них недоставало нужных книг, они прямо отказывались от разбора. Например, изложив кратко содержание некоторых отделов жития преподобного Макария Египетского (19 января), они пишут, что содержащихся в них «повестей и историй не можно было свидетельствовать затем, что не сыскалось тех книг, с коих наипаче житие преп. Макария списано». А дальше в том же отзыве говорят: «Другие истории с историками Созоменом, Сократом, Феодоритом, Никифором-Каллистом сношены и явились сходны, а вышеписанных историй и повестей в прописанных историках не сыскалось».

Из второй половины приведенной заметки видно, что вместо того, чтобы искать, нет ли чего в житиях святых недостоверного и сомнительного, киевские справщики решили проверить самого их составителя, т. е. выяснить, насколько правильно и верно передал он те источники, которыми пользовался и которые указал в Четиих-Минеях. Действительных источников житий святых они не искали, а просто взяли те указатели учителей, списателей, историков и повествователей, какие помещены при первой и второй книгах Четиих-Миней, и старались собрать те сочинения, какие этими писателями были написаны. Не найдя всех нужных книг в Киеве, они через Тимофея Щербатского спрашивали их у Синода. Но, конечно, и Синод не мог удовлетворить их просьбы, и, думается, вся эта история с требованием книг была только лишним поводом, чтобы отказаться от работы, которая оказалась непосильной.

Заметок, в которых справщики проверяют и оценивают работу Святителя Димитрия, довольно много, и некоторые из них носят неблагоприятный для составителя Четиих-Миней характер. Например, выписав из жития священномученика Вавилы (4 сентября) слова святого, которые говорит он допрашивавшему его царю: «похотением аз телесным до сего времени не искусихся», справщики замечают: «сие писатель перевел и худо, и слову Божию противно» и, сославшись на слово апостола Павла в послании к Римлянам (7 гл., стихи 14—25), доказывают, что от плотских искушений не свободен никто из людей, а, следовательно, и святой Вавила. Обвиняя Святителя в неправильности перевода, киевляне не приводят этого места жития из источника, по которому написано житие, и поэтому обвинение их является голословным. В действительности в подлинном житии, которое Святитель заимствовал из Макарьевских Четиих-Миней, совсем нет этих слов; Святитель вставил их от себя, но, конечно, он не придавал им того значения, какое приписали им киевские справщики.

Разбирая краткое сказание о святом мученике Агапии (19 августа), справщики находят сообщение Святителя о том, что святой был съеден зверями, несогласным с историком Евсевием, который в книге о палестинских мучениках, в главе 6-й пишет, что святой Агапий скончался не от зверей, но был поражен медведицей и, «жив еще сущи», ввержен в темницу, а потом тело его через день выброшено было в море

В Четиих-Минеях о святом мученике Агапии говорится вместе с мучениками Тимофеем и Феклой, и Святитель о всех их сказал, что они «зверем дани в снедь, скончашася». Кроме того, у Евсевия Кесарийского говорится о двух мучениках Агапиях (2 т., с. 9 и 17 по русскому переводу), из которых один был осужден на съедение зверям, а другой брошен в море. Это отмечает и Святитель в своем Прологе. Следовательно, ошибся здесь не он, а справщики, которые не потрудились внимательнее изучить заметку Святителя в Четиих-Минеях.

Такая критика Четиих-Миней, собственно, их составителя, не могла дать значительных результатов. Странно было подозревать в произвольном искажении или в неправильном переводе того, кто девизом своей работы поставил слова «не буди ми еже лгати на святаго», и которого проверяли в Киеве такие знатоки западной агиологической литературы, как Варлаам Ясинский.

Если в Четиих-Минеях и можно было найти подобного рода ошибки, то они происходили не от небрежности составителя, а от несогласия тех источников, которыми он пользовался. Не могли не заметить этого и киевские справщики. В заметке по поводу сказания о перенесении мощей архидиакона Стефана (2 августа) они сами указывают на такое несогласие. Многие замечания киевских справщиков были вызваны желанием угодить Духовному Регламенту, так или иначе приложить его требования к великому творению Святителя Димитрия. Влияние Регламента сказалось, например, в отзыве киевлян о заочном посвящении в епископы Григория чудотворца, требования Духовного Регламента ярко сказываются во многих отзывах киевских ученых, и им они, главным образом, руководствовались при своей работе.

В их замечаниях мы видим, например, несколько попыток найти в житиях противоречия и несогласия со Священным Писанием. Разбирая житие Марии-Голиндухи (12 июля) и приведя из него то место, где говорится, что Мария после крещения не желала иметь общения со своим мужем-язычником, киевские справщики, сославшись на 5-й стих 7-й главы Первого послания к Коринфянам, пишут, что это место, как «Божию противное слову и дабы в пример невеждам не пошло бы и не соблазнило, лучше бы в свет не пущать».

В заметке на житие преподобного Ефрема Сирина (28 января), сказав, как преподобный, когда хотели посвятить его в епископы, убегая этого, «юродство себе притворил», справщики видят в этом поступке преподобного порицание епископства «как худого дела» и, приведя 1-й стих из 3-й главы Первого послания к Тимофею, берут на себя неблагодарную задачу доказать, что святому Ефрему нужно было не убегать, а «смотря нужду и требу церковную», принять епископство. Правда, киевляне стараются приписать это известие Святителю Димитрию, как писателю жития, т. е. что он от себя сочинил это, но справка с историками (Никифором-Каллистом и Созоменом) показала, что то же о святом Ефреме говорят и они, и киевским справщикам приходится докончить свою критику такими словами: «Хочай сие обретается в Никифоре-Каллисте и Созомене, однако лучше бы сего печати не предавать, яко хульное на дело самим Богом учрежденное и многих простаков соблазнить могущее». Как видим, всё свелось к преувеличенной боязни соблазна простаков.

В замечании на житие преподобного Павла Фивейского (15 января), приведя рассказ преподобного Антония Великого о том, как он нашел преподобного Павла умершим в молитвенном положении — «колене преклонша и руце в высоту воздевша, и главу просто имуща» — и понял, что «тело святого Богови, Ему же вся жива суть, и по смерти должное воздает поклонение», киевские критики видят в этой «грубой повести» нечто неприемлемое для мужа премудрого и здравого рассуждения и, сказав, что по христианскому богословию поклонение Богу

происходит от сердца, верного упования, надежды, любви, страха, покаяния, терпения и благодарения душевного, а не от тела бездушна, и сославшись, что ни у Никифора, ни у Созомена «сего не сыскалось», заявляют, что «сие риторике прочитать должно», и в конце заметки опять пишут, что лучше бы «сию повесть оставить, дабы в простом народе не сделалось забобонства».

Тот же характер носят и заметки на житие преподобного Симеона Столпника (1 сентября). Здесь киевляне считают «сумнительными и несходными со Священным Писанием» повести о том, как преподобный Симеон, умыслив искусить себя постом, молил епископа Вассоса заградить камнями его келью на 40 дней и как он не захотел принять своей матери, пришедшей навестить его. В первой повести справщики видят противоречие Священному Писанию (Мф. 6, 16; Ис. 58, 5; Зах. 7, 5 и др.), где говорится, что пост должен быть тайным, нелицемерным, и считают «сумнительным», что Преподобный именно так поступил, как сказано в житии, и упрекают Святителя Димитрия, что он не указал в житии, «откуду такой порок святому приписал, когда другие и меньшей важности действа святого, откуду взял, на брегах из древних писателей отметил». Святитель взял это сообщение у блаженного Феодорита (см. с. 203—208 русского перевода книги Боголюбивых), и справщикам следовало бы сначала справиться с этим источником жития, который указан и Святителем Димитрием, а потом уже и обвинять последнего.

Отказ преподобного Симеона принять мать и недопущение к себе женщин кажутся киевлянам оскорбительными для женского пола и «противными» Священному Писанию, именно 5-й заповеди десятословия. После пространных рассуждений о том, что в христианстве мужеский и женский пол равны, и о том, как должна исполняться 5-я заповедь закона Божия, киевские справщики, сославшись на то, что историк Евагрий о факте неприема преподобным Симеоном матери не упоминает, делают такое заключение: «Сия гистория понеже противна Духовному Регламенту, в прибавлении к косму на л. 28 под № 6 написано: без воли родителей и проч., и потому печататься той гистории не должно».

Вполне удовлетворило киевских справщиков житие Антония Великого (17 января). «Житие сие понеже Афанасием Великим списанное, в тых же днех жившим, и знаемость со святым имевшим, и довольно о житии святого ведавшим, к тому ж Григорию Назианзину, Никифору-Каллисту, Ефрему Сирину и Созомену (хотя некоторые из них нечто и опустили) согласное есть, чтения и всякого приятия достойное, и буде либо всех святых жития так были списаны, мощно бы сверх догматической, моральной и экземплярную иметь христианскую богословию». «Всякого приятия и веры достойным» признают справщики и «житие Илариона Великого (21 октября), святым Иеронимом списанное и с протчими, которые сыскались, церковными писателями сведенное и сходное».

Положительный отзыв об этих житиях, по нашему мнению, объясняется тем, что киевские справщики не нашли в них ничего, к чему бы они могли приложить те требования, которые внушены были им Духовным Регламентом, или, может быть, этому помешал авторитет таких писателей, как Афанасий Великий и блаженный Иероним. В других случаях, как мы видели, они не стеснялись и самоуверенно критиковали и исправляли составленные Святителем жития. В некоторых случаях они были и справедливы. Например, в повести о святых мощах первомученика Стефана, Никодима, Гамалиила и Авива. О беседе Гамалиила с Лукианом они говорят, что это «басня и в ней нет ничего правдоподобного» и что такую историю, как хулу на святых, печатать грешно; в житии первомученицы Феклы история Фалкониллы идоло-

поклонницы «показуется противной слову Божию»; недостойной веры кажется киевлянам и повесть о сатире в житии преподобного Павла Фивейского. С основаниями, которые приводят справщики при разборе этих повестей, можно вполне согласиться, но Святителю Димитрию, взявшему эти повести из тех источников, по которым писал упомянутые жития, можно было поставить в вину разве только то, что он вполне доверял этим источникам и без надлежащей критики принимал сообщаемые ими сведения.

Вообще же проделанную киевскими справщиками критику Четиих-Миней едва ли можно признать удачной. У них не было определенного, строго выработанного для этого метода, и в большинстве случаев их работа свелась к стремлению исправить живые, интересные не только в литературном, но и в историческом отношении рассказы из жизни святых по сухим, часто казуистическим требованиям Духовного Регламента. Недаром Синод не обратил внимания на эти замечания киевских справщиков и поручил дело просмотра Четиих-Миней новым лицам — новгородскому ректору Иоасафу Маткевичу и петербургскому ректору Никодиму, обязав их каждый месяц представлять в Синод свои замечания.

В мае 1756 года эти лица окончили просмотр первых шести месяцев, а к октябрю просмотрели и вторую половину, и в 1757 году Четии-Минеи были изданы сначала в Киеве, а потом, в 1759 году, в Москве.

В этом новом издании никаких существенных изменений в содержании Четиих-Миней не наблюдается. Петербургские справщики исправили только язык Четиих-Миней, заменив в них украинские и устаревшие слова и словосочетания другими, более понятными и современными.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

(1) И. А. Шляпкин. Святитель Димитрий Ростовский и его время (1651—1709). СПб., 1891.

(2) Руинарт. Акты мучеников подлинные и избранные. Изд. 1689 г., с. 68.

(3) Деяния святых (Acta sanctorum), ноябрь, т. 2, с. 32.

(4) Назван так потому, что вторым его издателем был иезуит Егидий Бухерий.

(5) Архиепископ Сергий (Спасский). Полный месяцеслов Востока. Т. I. Изд. 2-е. Владимир, 1903, с. 10.

(6) Там же, с. 40—47.

(7) Там же, с. 75—85.

(8) Там же, с. 57, 58.

(9) Проконсульские акты о святых мучениках собраны бенедиктинцем Руинартом и изданы им в 1689 г. в его книге «Акты мучеников подлинные и избранные». Проконсульских актов в книге Руинарта не более 18, остальное содержание книги составляют послания Церквей, повествования самих мучеников, записки очевидцев и краткие упоминания о мучениках в сочинениях различных древних писателей.

(10) См. предисловие к книге Руинарта.

(11) «Словарь христианской археологии и литургики» Каброля, с. 377. Находя, однако, весьма трудным выразить точно различие между этими двумя формами христианской агиографии, Леклерк предлагает сравнить акты и passio по источникам и приводит отрывки из актов священномученика Киприана, епископа Карфагенского, и его же «Жизнь и страдание», написанные диаконом Понтием. См. Руинарт. Указ. соч., с. 252—264. С фактической стороны рассказ Понтия вполне совпадает с актами, но в передаче, в выражениях большая разница: Понтий не только рассказывает, но и восхваляет священномученика, у него уже видны следы ученой обработки и ораторского стиля.

(12) Примером ἐγκώμιον могут служить похвальные слова святых Василия Великого и Иоанна Златоуста в честь мучеников.

(13) Архиепископ Сергий. Цит. соч., с. 236.

(14) Минея, по-гречески μηναῖον, — прилагательное к существительному βιβλιον и значит «месячная книга». В приложении к житиям святых Минеями называются такие сборники последних, в которых жития собраны по месяцам и расположены по дням месяца. Минеи, содержащие жития святых, называются Четиими, т. е. назначенными для чтения, в отличие от Миней богослужебных (Е. Е. Голубинский. История Русской Церкви, т. I, 1 пол., 2 изд., с. 906).

(15) См., например, кн. 4, гл. 15, или кн. 5, гл. 15.

(16) См. «Историю русской литературы». Изд. Академии наук СССР, 1941, т. I, с. 88.

(17) Таким опытом считается житие преподобного Антония Великого, написанное Святителем Афанасием Великим, архиепископом Александрийским.

(18) Таковы жития, составленные Кириллом Скифопольским (преподобных Евфимия Великого, Иоанна Молчальника, Кирилака Отшельника, Саввы Освященного и др.) и некоторыми другими агиографами.

(19) Это доказывается, например, книгой А. П. Рудакова «Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии». М., 1917.

(20) Вопрос о том, что́ раньше появилось — сборники кратких сказаний о святых или Четии-Минеи, в науке пока не выяснен. В «Полном месяцеслове Востока» архиепископа Сергия приводятся слова из предисловия к мартирологу Адона, где сказано, что составители сборников кратких сказаний о святых «имели целью оказать услугу слабым, не могущим много читать братиям, чтобы они в малой книге имели то, что другие с большим трудом почерпают из многих кодексов» (т. I, с. 68). Из этих слов как будто следует, что сборники полных житий — Четии-Минеи — появились ранее Синаксарей — сборников кратких сказаний о святых. Того же мнения держится, по-видимому, и Е. Е. Голубинский. Объясняя слово «пролог» в смысле «сокращения, сокращенной передачи», он говорит, что «Прологи представляют собою сокращение по отношению к Четиим-Минеям» (История Русской Церкви, т. I, 1 пол., с. 915, прим. 1-е). Вероятно, те и другие повествования о святых собирались постепенно и потом уже соединены были в сборники, обнимающие все дни года. Возможно, что сборник кратких сказаний собран был ранее, чем Четии-Минеи.

(21) Творения преподобного Феодора. Т. 2. Изд. Петербургской духовной академии, 1908, с. 204.

(22) Архиепископ С е р г и й. Цит. соч., с. 238—242.

(23) Там же, с. 253.

(24) Слова грузинского писателя Ефрема Малого из статьи протоиерея К. С. Кекелидзе «Симеон Метафраст по грузинским источникам». ТКДА, 1910, февраль, с. 188.

(25) См. об этом там же, с. 189.

(26) Архиепископ С е р г и й. Цит. соч., с. 34.

(27) О том, сколько и какие именно жития составлены Симеоном Метафрастом, см. в кн. В. В. Латышева «Византийская царская Минея», Пгр., 1915, с. 79—99.

(28) В. В. Л а т ы ш е в. Указ. соч., с. 99.

(29) Список отдельных житий, которые существовали на Руси в домонгольский период, дан Е. Е. Голубинским в его «Истории Русской Церкви» (т. I, 1-я пол., с. 208—210, приложение). Из этого списка мы видим, что Русь имела тогда следующие жития: Антония Великого, Евстафия Плакиды, Евфимия Великого, Илариона Великого, Иоанна Златоуста, мученика Кодрата, преподобного Нифонта Кипрского, священномученика Панкратия, преподобного Романа Сладкопевца, преподобного Саввы Освященного, великомученицы Феклы и преподобного Феодосия Великого. Проф. Голубинский точно указывает, где, в каких рукописях и памятниках письменности каждое из этих житий упоминается.

Составители «Истории русской литературы», изданной Академией наук СССР, указав некоторые из этих же житий, говорят, что в тот же домонгольский период у нас существовали еще жития Андрея Юродивого и Феодора Студита, и затем пишут: «Нет сомнения, что в русской литературе этого времени были и другие жития: Василия Нового, Георгия Победоносца, Феодора Тирона... Алексия, человека Божия» (т. I, с. 90), но не приводят оснований, почему они это предполагают.

(30) Об этом говорят и составители «Истории русской литературы», изданной Академией наук (т. I, с. 100), и ранее их академик А. И. Соболевский в его книге «Жития святых в древнем переводе на церковнославянский язык» (СПб., 1904). К таким житиям относятся жития: Бенедикта Нурсийского, священномученика Вита, Аполлинария Равеннского, мучеников Анастасии и Хрисогона. В книге Соболевского приведены и лингвистические основания, почему он относит эти жития к переведенным с латинского, и приложены славянские тексты житий.

(31) Житие князя Вячеслава послужило образцом для наших княжеских житий. О нем см. в «Истории русской литературы». Изд. Академии наук, 1941, т. I, с. 101.

(32) Почему греческие Синаксари получили у нас название Прологов, см. у Е. Е. Голубинского в его «Истории Русской Церкви», 2 изд., т. I, 1-я пол., с. 914 и 915.

(33) Подробное оглавление Четиих-Миней находится в «Полном месяцеслове Востока» архиепископа Сергия, в 1 томе. Супрасльская рукопись описана Востоковым, а издана сначала Миклошичем в 1851 г., а потом — Северьяновым в 1904 г.

(34) Успенская рукопись описана Поповым в «Чтениях ОИДР» за 1879 г., кн. 1-я; издана только первая половина ее Шахматовым и Орловым (см. те же «Чтения» за 1899 г.). Подробное оглавление — в 1 томе «Полного месяцеслова Востока» архиепископа Сергия.

(35) История Русской Церкви. Изд. 2-е. I т., 1-я пол., с. 906.

(36) И. И. Срезневский утверждает это на основании изучения и сличения языка домонгольских Четиих-Миней с Четиими-Минеями позднейшими. См. его «Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках». Вып. 64, т. 2, с. 390. М. Н. Сперанский — на основании исследования состава древних домакарьевских Че-

тних-Миней. См. статью «Сентябрьская Минея домонгольского состава» в «Известиях Отделения русского языка и словесности» за 1896 г., т. I, кн. 2, с. 235—257.

(37) Житие преподобного Феодосия по списку XII века, изданное Обществом истории и древностей Российских. М., 1913, л. 1 об.

(38) История Русской Церкви. Изд. 2-е. Т. I, 1-я пол., с. 912—914.

(39) История русской литературы. Изд. Академии наук СССР, т. I. М.—Л., 1941, с. 210—212. О беседах папы Григория упоминает и Голубинский, но ранее. См. его «Историю», с. 891—892.

(40) В. С. Иконников в своей книге «Максим Грек и его время» (изд. 2-е, Киев, 1915) приводит следующие творения Симеона Метафраста, переведенные Максимом Греком: Житие Богородицы, Слово о чуде Михаила архангела, Об апостоле Фоме и Житие Дионисия Ареопагита (с. 175 и 176).

А. И. Соболевский в сочинении «Переводная литература Московской Руси XIV—XV вв.» (СПб., 1907), в 3-й главе, кроме указанных у Иконникова, относит к переведенным Максимом Греком еще следующие жития, составленные Симеоном Метафрастом: Мучение Никиты, Песнь на Успение Богоматери, Слово об Иоанне Богослове, Слово Василия Великого о том же апостоле, Слово о житии апостола Матфия, Мучение св. Григория, просветителя Армении, Слово о Варлааме и Иоасафе, Повесть Константина Порфирогенета о Нерукотворенном образе Спасителя (с. 265).

Е. Е. Голубинский в «Истории Русской Церкви» (т. II, 2-я пол., с. 234, 262 и 263, приложение) указывает только три произведения Симеона Метафраста, переведенные Максимом: Житие Богоматери, Чудо архистратига Михаила и Повесть Порфирогенета.

(41) Вот приблизительный список их, составленный на основании каталогов и описаний бывших библиотек: от XV века — месяцы: сентябрь, октябрь, ноябрь и май — в библиотеке Троице-Сергиевой Лавры, №№ 666 и 669; месяц август — в собрании Ундольского, № 232; месяцы: сентябрь, октябрь, ноябрь — в библиотеке Московской духовной академии, №№ 192—194. От XV и XVI веков — месяцы: декабрь, январь, февраль, март и апрель — в той же библиотеке, №№ 195—198. От XVI века — месяцы: май, июль, июль и август — там же, №№ 199—200; месяцы: сентябрь, октябрь, декабрь, январь, февраль, март, апрель, май и июль — в библиотеке Московской духовной академии, по описанию архимандрита Леонида, с. 16 и далее; месяцы: ноябрь и декабрь, март и январь, июль — в библиотеке А. С. Уварова, по описанию архимандрита Леонида, т. 2, №№ 1034—1038; месяцы: сентябрь, ноябрь, июнь и август — в библиотеке Троице-Сергиевой Лавры, №№ 668, 670, 679 и 680; месяцы: декабрь и январь — в библиотеке Ундольского, №№ 230 и 231; месяц январь — в библиотеке ОЛДП — по описанию Хр. Лопарева, № 7, с. 9—58; месяц март — в Московской Патриаршей библиотеке (Новоспасское собрание), по описанию Н. П. Попова, № 12, с. 80—96; Четия-Минея написана в 1553 г. в Москве; месяцы: сентябрь, октябрь, апрель и июнь, по указателю архимандрита Саввы, №№ 169, 170, 91 и 89, с. 209.

(42) М. Н. Сперанский. История русской литературы. М., 1914, с. 510. В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых. М., 1871, с. 221.

(43) См. об этом в «Полном месяцеслове Востока» архиепископа Сергия, т. I, с. 266—270.

(44) Внесенные митрополитом Макарием в его Четии-Минеи жития русских святых по месяцам все перечислены в сочинении архиепископа Филарета «Обзор русской духовной литературы», под № 132, с. 152—153 3-го издания. Здесь же под № 133 (с. 153—195) указаны и имена тех агиографов, которые трудились в то время над составлением житий.

(45) Четии-Минеи митрополита Макария сохранились до нашего времени в трех списках или, лучше сказать, «изводах», так как все три экземпляра в некоторых местах различаются и по составу, и по редакциям. Первым по времени написания был список Софийский, затем Успенский—Синодальный и, наконец, Царский. Софийский список — неполный, часть его — месяцы: сентябрь, октябрь, ноябрь, февраль, май, июнь и июль — находилась ранее в библиотеке Петроградской духовной академии и описана Абрамовичем (Описание, в. 2, № 1317, с. 1—154), а часть — месяц август — в Архиве Министерства иностранных дел, в собрании Оболенского; остальные месяцы утеряны. Софийский список написан еще в то время, когда Макарий был митрополитом Новгородским (1532—1542). Второй список — Успенский. Он полный, написан тогда, когда Макарий переселился в Москву, и вложен им в Московский Успенский собор в 1552 году, как видно из вкладной записи. В 1856 году этот список передан был в Синодальную библиотеку, посему и носит название Успенского—Синодального. Архимандрит Иосиф, составивший подробное описание этого списка, называет его почему-то «царским». «Царским» списком называется третий и в хронологическом порядке самый поздний список, написанный по повелению царя Ивана Васильевича Грозного около 1553 года. Он хранился в той же Синодальной библиотеке (по указателю архимандрита Саввы №№ 174—183, с. 21а) и не имеет двух месяцев — марта и апреля. Есть предположение, что они и совсем не были написаны. Успенский список — не простая копия с Софийского, а другая, более полная и обработанная редакция; в ней иной порядок статей и много новых житий, преимущественно русских святых. Успенский список написан средним полууставом, Софийский — полууставом малым, а Царский написан почерком крупным и более тщательно, чем два первые списка. Местом написания

всех списков были Новгород и Псков, где во дни митрополита Макария была целая корпорация писцов, в Царском списке указаны в разных местах и имена их.

(46) По книге В. О. Ключевского «Древнерусские жития святых», с. 352.

(47) Проф. И. А. Шляпкин. Лекции. Юго-западная Русь XVI и XVII века. СПб., 1911, с. 102.

(48) Проф. А. С. Архангельский. Очерки из истории западнорусской литературы XVI и XVII в. М., 1888, прилож., с. 13.

(49) Там же, с. 42, 37 и 35, примеч. 97, 78 и 72.

(50) И. А. Шляпкин. Лекции..., с. 87.

(51) Рукопись б. Московской Патриаршей библиотеки № 811, л. 6 об.

(52) Из письма В. Ясинского к патриарху Иоакиму. Архив Юго-западной России, т. 5, ч. 1, с. 277 и 278.

(53) См. о них: Проф. С. Т. Голубев. Заметки о старопечатных и славянских книгах. Киев, 1876.

(54) Проф. С. Т. Голубев. Петр Могила, т. I, с. 410. Срав. Каратаев. Описание старопечатных книг, вып. 1, № 321.

(55) Д. И. Абрамович. Исследование о Киево-Печерском Патерике. СПб., 1902, с. 96 и 97.

(56) Редакций Печерского Патерика было несколько, митрополит Макарий насчитывает их до десяти: самой распространенной была 2-я, Касснановская, составленная в 1462 г., «повелением смиренного Касснана, уставника Печерского»; из других редакций известна еще Арсеньевская, сделанная в 1406 г. епископом Тверским Арсением.

(57) Эта служба много раз издавалась и в Москве, например, в 1640, 1641, 1643, 1662 и других годах; в издании 1640 года житие помещено после службы (лл. 1—50).

(58) О Патерике и Тератургиме см. подробные и обстоятельные сведения у С. Т. Голубева. Петр Могила, т. I, гл. III, с. 268—293.

(59) Д. И. Абрамович. Цит. соч., с. 108.

(60) См. Описание книг библиотеки Хлудова, № 241.

(61) Что касается Москвы, то здесь, кроме жития Святителя Николая Чудотворца, в XVII веке были изданы: 1) жития преподобных Сергия и Никона при службах, в 1646 году; 2) житие преподобного Саввы Сторожевского при службе, в 1646 году и 3) «Анфологион» — сборник житий и слов, переведенных с «еллиногреческого языка на словенский Арсением Греком», изданный в 1660 году: здесь находятся: житие святой великомученицы Екатерины, мучение святого великомученика Феодора Стратилата, житие преподобного Алексея, человека Божия, вопросы и ответы Пустина Философа и другие выдержки из творений святых отцов.

(62) Письмо напечатано в «Архиве Юго-западной России», т. 5, ч. 1, с. 277—278.

(63) Проф. И. А. Шляпкин. Лекции по истории юго-западной литературы XVII в., с. 219.

(64) См. Н. И. Петров. Описание рукописей Киева, вып. 3, № 281.

(65) Рукопись б. Московской Типографской библиотеки, № 420.

(66) См. Описание рукописей Виленской библиотеки Ф. Добрянского, №№ 80, 81 и 82.

(67) См. Описание рукописей Киева, вып. 2-й, предисловие и № 370. «Печерскою Четьей» пользовался и Святитель Димитрий.

(68) Например, сборник житий XVII в. на белорусском наречии — в Виленской библиотеке, № 107; сборник житий — там же, № 106, из Заблудова; Патерик скитский и жития, написанные при Зосиме Прокоповиче, епископе Черниговском, — в Киево-Печерской Лавре, № 270; там же сборник патериков из Межигорского монастыря, № 272; сборник житий святых, большею частью кратких, на все месяцы, но не все дни, на белорусском языке XVII в.— в Московской Патриаршей библиотеке, № 752 и др.

(69) Предисловие к читателю благочестивому при первой книге Димитриевых Четих-Миней.

(70) Архив Юго-западной России, т. 5, ч. 1, с. 277—278.

(71) И. А. Шляпкин. Святитель Димитрий и его время, с. 38, прим. 5.

(72) См. его «диарий» при исследовании проф. И. А. Шляпкина «Святитель Димитрий и его время». СПб., 1891, прилож. 1-е, с. 5.

(73) Диарий при сочинениях Святителя, изд. 1824 г., ч. 1, с. 326.

(74) Там же, письмо к Стефану Яворскому.

(75) Там же, под 1685-м годом, с. 321.

(76) Н. И. Петров. История Киевской духовной академии, с. 47.

(77) Образцов. Киевские ученые в Великороссии.

(78) Митрополит Макарий. История Русской Церкви, т. XI, с. 490.

(79) Издана в 1635 г., отрывки из нее у митрополита Макария в «Истории Русской Церкви», т. XI, с. 490—492, и в его же «Истории Академии», с. 76.

(80) Н. И. Петров. Цит. соч., с. 79.

(81) Митрополит Макарий (Булгаков). История Академии, с. 77.

(82) Там же и Н. И. Петров. Цит. соч., с. 79.

(83) С. Т. Голубев. Киевская Академия в конце XVII в., с. 50, примеч. 16.

(84) «Остен», цитата по исследованию И. А. Шляпкина, с. 137.

(85) Митрополит Макарий (Булгаков). История Киевской академии, с. 87 и далее.

(86) Н. Ф. Сумцов. Иоанникий Голятовский. «Киевская старина» за 1884 г., т. I, с. 6 и 7.

(87) И. Я. Порфирьев. История русской словесности. Казань, 1886, т. I, с. 603.

(88) Так думают авторы книги «Святитель Димитрий, митрополит Ростовский» (с. 4), И. А. Шляпкин (цит. соч., с. 6), священник М. С. Попов, считающий причиной прекращения занятий в школе нашествие Выговского (с. 12), и митрополит Макарий (Булгаков) (цит. соч., с. 47).

(89) Эйнгорн. Очерки по истории Малороссии XVII в., с. 325, прим. 315.

(90) Акты Юго-западной России, т. VI, № 37, с. 93.

(91) Проф.-прот. Ф. И. Титов. Святитель Димитрий, митрополит Ростовский. Киев, 1908, с. 5—6.

(92) Рукопись б. Московской Патриаршей библиотеки, № 139, л. 196 и об.

(93) Там же, л. 13.

(94) Пролог — в библиотеке Московской духовной академии, № 8/500.

(95) Житие Святителя Димитрия при его сочинениях, ч. 1, с. 1.

(96) История Академии, с. 31, примеч.

(97) Житие при сочинениях Святителя, ч. 1, с. 2 и 3.

(98) Сочинения Святителя, ч. 1, с. 348.

(99) Письмо к Феологу 15-е. «Ярославские епархиальные ведомости» за 1874 г., с. 269.

(100) См. ранее, с. 89.

(101) Об этом говорит и составитель жития Святителя Димитрия, сообщающий, что он согласился писать Четии-Минеи «по долгом отрицании». См. сочинения Святителя, ч. 1, с. 5.

(102) Там же.

(103) «Диарий» при исследовании И. А. Шляпкина, прилож. 1, с. 8, и рукопись б. Московской Патриаршей библиотеки, № 146, с. 143.

(104) Житие Святителя при его сочинениях, ч. 1, с. 5.

(105) Там же и Диарий при сочинениях, под 1689 г., с. 324.

(106) Приложение 1-е, с. 8.

(107) Часть 1-я, с. 320.

(108) См. письмо Святителя к Феодору Поликарпову при сочинениях Святителя, ч. 1, с. 318.

(109) Диарий при сочинениях Святителя, ч. 1, с. 322, 323 и далее.

(110) Сочинения Святителя, ч. 1, с. 321 и 322.

(111) Письмо патриарха Иоакима к Варлааму Яснинскому. Архив Юго-западной России, т. 5, ч. 1, с. 281.

(112) По исследованию И. А. Шляпкина, с. 46, примеч.

(113) Архив Юго-западной России, т. 5, ч. 1, с. 281.

(114) Письмо 11-е. «Ярославские епархиальные ведомости» за 1874 г., с. 267.

(115) Письмо 18-е. Там же, с. 280.

(116) См. рукопись б. Московской Типографской библиотеки, № 420, лл. 454 и далее. Необходимо добавить, что архимандрит Иосиф, который составил указатель к Макарьевским Четиим-Минеям, сделал в них свои отметки листов — цифрами, которые с Евфимиевым счетом, а, следовательно, и с указаниями Святителя Димитрия, не сходятся.

(117) Например, в июле, в житии св. Аполлинария в Макарьевских Четиих-Минеях читаем: «Руф же патрокл бояся Бога» — Святитель на поле: «кесаря» (л. 385 об. а); в Четиих-Минеях: «четыри дни» — Святитель: «лета» (л. 387 об. а); в житии Евпраксии девы: «сирским мечтом» — Святитель «ми» (т. е. мирским, л. 419 об. б); «горнец с землею» — Святитель: «с зелием» (л. 420 об. б. и 421 а). См. также в июне житие Паисия Великого, в августе — Адриана и Наталии и др.

(118) Исследование, с. 47. Нам думается, что тут простая опечатка, ибо ранее И. А. Шляпкин называет Минеи «Великими» и далее «Макарьевскими».

(119) Святитель Димитрий и его труды, с. 66.

(120) Диарий при сочинениях Святителя, ч. 1, с. 323.

(121) Архив Юго-западной России, т. 5, ч. 1, с. 280.

(122) Там же, с. 279.

(123) Рукопись Киево-Печерской Лавры, № 161.

(124) Письмо Варлаама Яснинского к патриарху Иоакиму. Архив Юго-западной России, т. 5, ч. 1, с. 279—280.

(125) Письмо Святителя Димитрия к патриарху Иоакиму при Диарии. Сочинения, ч. 1, с. 324.

(126) Проф.-прот. Ф. И. Титов. Русская Православная Церковь в польско-литовском государстве, т. II, 1 пол., с. 34 и 35.

(127) Там же, с. 286—289.

(128) И. А. Шляпкин. Святитель Димитрий и его время, с. 136.

(129) Л. Н. Майков. Очерки из истории русской литературы XVII в., с. 54.

(130) См. об этом статью Н. И. Петрова «О влиянии западноевропейской литературы на русскую» в «Трудах КДА» за 1872 г., т. 2, особенно с. 463 и далее, или книгу М. Сменцовского «Братья Лихуды». СПб., 1899, особенно гл. 2.

(131) Синодальная рукопись № 146, л. 191 и 192.

(132) Письмо Варлаама Ясинского к гетману И. Мазепе, писанное рукою Святителя Димитрия. Исследование И. А. Шляпкина, с. 184.
(133) И. А. Шляпкин. Цит. исслед., прилож. 1, с. 8.
(134) Сочинения Святителя, ч. 1, с. 324.
(135) Архив Юго-западной России, т. 5, ч. 1, с. 278—280.
(136) Там же, с. 280.
(137) Евгений, митрополит. Описание Киево-Печерской Лавры, прилож., с. 84: «и тоя разумом или мудрством и книги в типографии да издаются».
(138) Святитель Димитрий и его время, с. 193.
(139) Рукопись Московской Синодальной библиотеки, № 146:
а) выписка из сочинения братьев Лихудов о пресуществлении, л. 191;
б) выписка из «Манны» Сильвестра Медведева, л. 192.
Рукопись № 147:
а) 12 статей, уверяющих сумнящихся ь пресуществлении Св. Таин, л. 268;
б) свидетельства об Иерониме и Августине из Макарьевских Четих-Миней, л. 238;
в) свидетельство святых отец на гл. 88 толкования Божественныя литургия блаженного Симеона, архиепископа Фессалоникийского: «Показание от писаний свв. отец на неправоглаголющих, яко бы в Божественней литургии пресуществлятися хлебу и вину в Тело и Кровь Христову словесы токмо Христовыми: «примите, ядите...» Это — обстоятельнейшее доказательство православного мнения о пресуществлении, лл. 274—284.
(140) Диарий при сочинениях Святителя, ч. 1, с. 327.
(141) Там же, с. 328.
(142) См. грамоту митрополита Гедеона к патриарху Иоакиму от 22 августа. Архив Юго-западной России, т. 5, ч. 1, с. 288—289.
(143) По исследованию И. А. Шляпкина, с. 238.
(144) Диарий при сочинениях Святителя, ч. 1, с. 328.
(145) Там же, с. 331.
(146) Исследование И. А. Шляпкина, с. 278.
(147) Диарий при сочинениях Святителя, ч. 1, с. 328—329.
(148) Архив Юго-западной России, т. 5, ч. 1, с. 416.
(149) Диарий при сочинениях Святителя, ч. 1, с. 330—332.
(150) Там же, с. 333.
(151) Там же.
(152) Там же, с. 334.
(153) И. А. Шляпкин. Цит. исслед., с. 247, и свящ. М. Попов. Цит. соч., с. 102.
(154) Архиепископ Сергий. Полный месяцеслов Востока, т. 1, с. 271.
(155) Жития св. Петра, епископа Севастийского, в наших Четих-Минеях совсем нет, и под 9 января указана только его память.
(156) Диарий при сочинениях Святителя, ч. 1, с. 334.
(157) Архив Юго-западной России, т. 5, ч. 1, с. 415—417.
(158) Там же, с. 420—423.
(159) Диарий при сочинениях Святителя, ч. 1, с. 334.
(160) Диарий при исследовании И. А. Шляпкина, прилож. 1, с. 9.
(161) Рукопись № 146, лл. 292, 304, 311 и 316.
(162) Исследование И. А. Шляпкина, прилож. 1, с. 9.
(163) Письма в Архиве Юго-западной России, т. 5, ч. 1, лл. 415, 417 и 419.
(164) Диарий при сочинениях Святителя, ч. 1, с. 346.
(165) Например, гетман Самойлович в грамоте Голицыну в книге И. А. Шляпкина, с. 47, патриарх Иоаким в грамоте 1684 г. Архив Юго-западной России, т. 5, ч. 1, с. 280.
(166) Письмо патриарха Адриана Святителю Димитрию — в Архиве Юго-западной России, т. 5, ч. 1, с. 434. Вот слова из письма Адриана к самому Ясинскому: «Явленно бо твое преосвященство в сицевых Богу и человеком, яко безсмертныя памяти труды твоя в словоучительстве и прилежнотщании в книгоминиях четиим шестомесяцов — сентемврием начало до мартовы луны смотрительством на кровех проповедаются». Там же, с. 429.
(167) Архив Юго-западной России, т. 5, ч. 1, с. 428, 430 и 431.
(168) Там же, с. 430.
(169) Диарий при сочинениях Святителя, ч. 1, с. 332—336.
(170) И. А. Шляпкин. Цит. исслед., с. 256—264; свящ. М. Попов. Цит. соч., с. 110—115.
(171) И. А. Шляпкин. Цит. исслед., с. 256.
(172) Там же, с. 260.
(173) Там же, с. 260—261.
(174) Летопись Величка, III, 551, в исследовании И. А. Шляпкина, с. 265.
(175) 11-е письмо к Феологу. «Ярославские епархиальные ведомости» за 1874 год, с. 267.
(176) Диарий при сочинениях Святителя, ч. 1, с. 335.
(177) Рукопись Московской Патриаршей библиотеки № 811, л. 6-й, предисловие к Мученикословию.
(178) Это небольшая, в осьмую четверть, книжка на польском языке, называющаяся Martyrologium и находившаяся в б. Московской Типографской библиотеке, № 4161.

(179) Рукопись б. Московской Патриаршей библиотеки, № 811, лл. 2 и 4.

(180) Что представляют из себя помещенные там жития — см. в книге «Святитель Димитрий, митрополит Ростовский», изд. 1849 г., с. 227—228.

(181) Диарий при сочинениях Святителя, ч. 1, с. 336.

(182) Цит. исслед., с. VI.

(183) Житие при сочинениях Святителя, с. 17.

(184) К. В. Харлампович. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914, с. 509.

(185) К. В. Харлампович предполагает, что постановление состоялось ранее. Цит. соч., с. 509.

(186) Статья «Феодор Поликарпович Орлов, директор Московской типографии» в «Журнале Министерства народного просвещения» за 1894 г., №№ 9, 10 и 11, и книга «Один из пестрых» (Карион Истомин), СПб., 1902.

(187) Например, у архиепископа Филарета Черниговского «Обзор русской духовной литературы», СПб., 1884, с. 268.

(188) Святитель называет Кариона Истомина и Феодора Поликарпова в письмах «благоразумными, пречестнейшими» (письмо 4-е в «Ярославских епархиальных ведомостях»), «смиренно бьет им челом» (письмо 9-е), просит Феолога сообщить им об окончании Четих-Миней (письмо 7-е), благодарит «их милость за чтение его сочинений» (письмо 14-е), доверяет им читать и то, что еще не совсем готово к печати (письмо от января 1708 г. к Стефану Яворскому в Диарии), однажды именует Кариона Истомина «возлюбленнейшим другом» (письмо 23-е), а Феодора Поликарпова посвящает в свои литературные планы и намерения (Диарий).

(189) Указ Воейкову о Ростовской школе. И. А. Шляпкин. Цит. исслед., с. 328.

(190) Там же, с. 374.

(191) Письмо 9-е в «Ярославских епархиальных ведомостях» и 16-е в Румянцевском сборнике.

(192) «Ярославские епархиальные ведомости», 1888 г., с. 395.

(193) Именно: Иоанна Новгородского, Сергия Радонежского, Григория Пельшемского, Гурия и Варсонофия Казанских, Аврамия Ростовского, Ионы Новгородского, Варлаама Хутынского и Никона Радонежского.

(194) Например: Иосифа Волоцкого, Сергия и Германа Валаамских, Никандра Псковского, Евфросинии Суздальской, Михаила Тверского, Александра Невского и др.

(195) Рукопись б. Московской Типографской библиотеки № 420, л. 44.

(196) Там же, л. 120.

(197) Письмо в ризнице Спасо-Яковлевского монастыря.

(198) Рукопись б. Московской Типографской библиотеки, № 420, лл. 459 и 462.

(199) № 672, л. 445.

(200) Об этом, кроме известных из биографии фактов, свидетельствуют принадлежащий Святителю Пролог и рукописи. В Прологе рукою Святителя на обороте переплета выписаны все статьи, в которых говорится об архиерейском служении. Здесь, например, есть такие заметки: «Хиротония страшна...», «Черническые вещи — огнь суть...», «За епископство лишен славы большия на оном свете...», «Слово Златоуста о избрании епископов...», «Един епископ связа, другий да не разрешает...», «Епископ неискущийся людьми — что есть?», «Большее дело есть проповедь слова Божьяго, неже мертваго воскресити» и т. п. Пролог, 10 октября, 29 ноября и далее.

(201) См. письмо к Новгородскому митрополиту Иову в «Трудах Киевской духовной академии» за 1860 г., ч. II, с. 282—285.

(202) Письма 12-е и 13-е. «Ярославские епархиальные ведомости» за 1874 г., с. 267 и след.

(203) Письмо 26-е. Там же, с. 276.

(204) Письмо 14-е. Там же, с. 268.

(205) Письмо 13-е. Там же.

(206) Письмо к Иову, митрополиту Новгородскому. «Ярославские епархиальные ведомости» за 1888 г., № 29, с. 450.

(207) Последнее письмо к Феологу — в исследовании И. А. Шляпкина, с. 455.

(208) Письмо 7-е. «Ярославские епархиальные ведомости» за 1874 г., с. 260. Исправления сделаны по Румянцевскому сборнику, письмо 17-е.

(209) Он скончался 22 августа 1707 г. См. Диарий при исследовании И. А. Шляпкина, прилож., с. 11.

(210) Письмо 8-е. «Ярославские епархиальные ведомости» за 1874 г., с. 260.

(211) На последнем листе 4-й книги, в извещении, сообщается, что она вышла 13 июля.

(212) «Душеполезное чтение» за 1864 г., № 2, с. 122.

(213) Диарий при сочинениях Святителя, ч. 1, с. 337.

(214) Конклюзия перепечатана с исследования И. А. Шляпкина, прилож. IV, с. 42 и далее.

(215) См. у И. А. Шляпкина, с. 365 и 435, и в книге «Святитель Димитрий», 1849, с. 55.

(216) Исследование, с. 378, прим. 2.

(217) «Святитель Димитрий, митрополит Ростовский», с. 51.

(218) Исследование, с. 368.

(219) Там же, с. 376. Мысль о пересмотре и пополнении первых томов Четих-Миней, по нашему мнению, возникла у Святителя вскоре после переселения его на север. Она обязана своим возникновением влиянию московских друзей и личным переживаниям Святителя. Об этом мы уже говорили и приводили отрывки из писем, свидетельствующие, что Святитель Димитрий вскоре после переселения начал интересоваться московской агиографией и собирать жития великороссийских святых. Здесь нами решается более частный вопрос: когда получил Святитель из Киева предложение исправить Четии-Минеи для второго издания?

(220) Письмо 12-е от 19 мая 1707 г. «Ярославские епархиальные ведомости», с. 267

(221) Исследование И. А. Шляпкина, с. 415—416.

(222) Письмо 12-е. «Ярославские епархиальные ведомости», с. 267.

(223) Письма в «Епистоляре» (рукопись б. Московской Патриаршей библиотеки № 81), русский перевод в «Душеполезном чтении» за 1864 г., II, 4.

(224) Письмо 13-е. «Ярославские епархиальные ведомости».

(225) Письмо в Диарии при сочинениях Святителя, ч. 1, с. 500; срав. исследование И. А. Шляпкина, с. 415—416.

(226) Тот же Диарий и исследование И. А. Шляпкина, с. 420.

(227) Письмо в Диарии при сочинениях Святителя, ч. 1, с. 504 и 506.

(228) Письмо 14-е. «Ярославские епархиальные ведомости», с. 268. По начальным фразам письма видно, что оно писано в Москве: «Прошу пожалуй: сыщи мне совершенное толкование с греческого Одигитрии и утро рано, аще Господь восхощет, привези сам...» Но разве Великим постом 1706 г. Святитель был в Москве? Нам думается, что в этом письме смешаны два: одно краткое, оно написано было в Москве, другое прислано из Ростова. Второе письмо начинается тотчас же после слов «прошу на св. литургию в церковь и в келию на грибы»: «Пречестному господину Феологу благословение и челом. Здравствуй,.. начен св. четыредесятницу» и т. д. (Текст исправлен по Румянцевскому списку.) Если не разделить текст на два письма, тогда в одном письме будут два обращения к Феологу и придется признать, что Великим постом 1706 г. Святитель был в Москве. Второе письмо — в «Вестнике Европы» за 1826 г., № 8, с. 272.

(229) Письмо 15-е к Феологу. «Ярославские епархиальные ведомости» за 1874 г., с. 269.

(230) Там же.

(231) Письмо 24-е. Там же, л. 275.

(232) Письмо 27-е. Там же. Так как Летописец прерывается на шестом столетии четвертой тысячи, то и над ним Святителю удалось в это время поработать очень немного.

(233) И. А. Шляпкин. Цит. исслед.,, с. 455.

(234) Письмо 10-е. «Ярославские епархиальные ведомости», с. 261.

(235) Четии-Минеи, ч. IV, под 3 июня.

(236) См. опись книг при Летописце о Ростовских архиереях. Изд. ОЛДП. СПб., 1890, с. 43. Срав. И. А. Шляпкин. Цит. соч., с. 58, прилож.

(237) Сюда относятся: житие Андрея, Христа ради юродивого (сборник, л. 29; срав. Четии-Минеи, 2 октября), житие Илария, епископа Гангрского (лл. 145 и 245; Четии-Минеи, 31 марта), житие Кирилла и Мефодия, словенских первоучителей (лл. 195 и 266; Четии-Минеи, 11 мая), страдание мученика Артемона (л. 280; Четии-Минеи, 13 апреля), житие преподобного Исаакия Далматского (л. 263; Четии-Минеи, 30 мая), страдание мученика Феодорита (л. 365 об.; Четии-Минеи, 8 марта) и страдание мученика Евсигния (л. 415; Четии-Минеи, 5 августа).

(238) К этому времени мы относим составление сборника потому, что в нем есть житие, полученное Святителем в 1706 году (см. л. 407 об.).

(239) Вот подробное оглавление сборника с указанием всех более или менее важных заметок. Начинается сборник грамотой патриарха Адриана Варлааму Яшинскому от 25 марта 1695 года; далее идет «календарь еллино-римский»,— это, по-видимому, один из начальных страниц Летописца «с черновыми, сильно исправленными заметками о греко-римском календаре под заглавием «Краткое о календаре и поцах и идах извещение». На лл. 18—24 написан рукою Святителя месяцеслов, о котором подробно будет сказано во второй части сочинения. Затем листы в сборнике перепутаны: сначала идет 29-й лист и дальнейшие, потом 25-й. Мы будем держаться порядка.

Л. 25-й. «М-ца Септеврия в 16 день, житие и страдание св. м. Людмилы, бабы святаго Вячеслава, князя Чешскаго»,— начало: «Блаженная Людмила бяше от земли Сербские, благородных родителей Славивора и Лидославы дщерь...» Вверху рукописи заметка рукою Святителя: «перевод п. Стефана Любинского». В тексте есть исправления.

Л. 29-й. «М-ца Октовриа в 8 день, житие святаго Андрея Христа ради юродиваго, описанное духовным отцем его Никифором, пресвитером великиа Константинопольские церкве святыа Софии». Заметка: «Сокращенно частию от простерших словес. Acta ss. May t. 6 при концу». Начало: «Богоугодное житие и жизнь непорочну мужа добродетельна...» (срав. Великие Четии-Минеи митрополита Макария, 2 окт., л. 40 об.). Там, где в тексте сказано: «Царствующу в грецех Христолюбивому царю Льву Великому»,— на поле рукою Святителя: «in Actis sanctorum Leo Philosophus putatur et confirmatur»; ниже еще заметка: «Сар. 4»; в одном месте, где сказано: «сице весь день моливпуся

Андрею, постиже паки нощь», Святитель прибавил: «и уснувшу ему мало», в другом — к фразе «Кидонпату даде ему», — на поле сделано примечание: «Cydoniati forma veterens — некий плод древеси дивияго» (л. 33-й).

Л. 44-й. «Житие и пребывание вкратце пр. отца нашего игумена Иосифа града Вольска Ламскаго. Септевриа в 9 день». Начало: «Весь бе не от славных...» (срав. Макарьевские Великие Четии-Минеи, 9 сент., л. 215). Внизу первого листа заметка: «Прислано с Москвы от отца Кариона в лето 1699, марта 30-го».

Л. 67-й. «Житие и жизнь иже во святых отец наших Гурия перваго архиепископа новопросвященнаго града Казани и Варсонофиа епископа Тверскаго, Казанских чудотворцев, списано Ермогеном, митрополитом Казанским». Пометка: «Октября в 4 день». Начало: «Повесть полезна нако близ очима зрится...»

Л. 107-й. «О святом Дионесте епископе Александрийском з церковной истории Евсевиа... Иоанна Христофоровича... епископа». Пометка: «Октевриа в 5 день». Начало: «За панованя Филиппа юж рок третий минул...»

Л. 114-й. «М-ца Октиабря в 29 день преставление преподобнаго и богоноснаго отца нашего Аврамия архимандрита Богоявленскаго, Ростовскаго чудотворца». Начало: «Еже удивитися святых трудом». Заметка вверху листа: «Иный образец несогласный первому».

Л. 120-й. «Житие и подвиги и чудотворение и преставление преподобнаго и богоноснаго отца нашего Аврамия, архимандрита Ростовскаго». Начало то же, вверху листа заметка: «Списано с тетрадей дьячка Богоявленскаго монастыря».

Л. 134-й. Снова житие преп. Аврамия, имеющее то же начало; в тексте есть исправления и заметки. Например: «Были ли тогда церкви в Новгороде?» — где сказано, что, придя в Новгород, святый увидел там «украшение церковное». По-видимому, это и есть та первая редакция, с которой сравнивалось житие на л. 114.

Л. 145-й. «М-ца Ноевриа в 14 день житие и мучение стаго священномученика Ипатиа еппа бывшаго во граде Гагре». Начало: «Во оно время царствующу Деклиану (sic!) в Византии».

Л. 157-й. «Страдание св. Андрея Хискаго и Георгия Трапезунскаго в Риме списанный вскоре по совершению вещи з Лаврентиа Суриа». Начало: «Егда уже трилетное от Криту в Царьград соверших плаваше...» В житии отмечены главы подлинника.

Л. 163-й. «Мца Иануариа в 2 день житие и подвизи блаженнаго оца Григориа архимандрита бывша обители прпднаго Даниила Переславскаго». Начало: «Се о нем же нам предложит слово...» В житии есть поправки — вставлены новые слова, фразы и т. п.

Л. 191-й. «Записка преставлению и чюдесам преп. Макариа Белевскаго». Начало: «В лето 7148 града Белева житель именем Феодор...» Излагаются одни только чудеса святого; в тексте некоторые слова подчеркнуты.

Л. 195-й. «Память и житие блаженнаго учителя нашего Константина-Кирилла Философа, перваго наставника роду Российскому и всему языку — словенскому. Списано з библиотеки Хиляндарской лавры Сербской». «Мца февраля в 14 день». Начало: «Бог, милостив и щедр, ожидаяй покаяния человеческаго». (Срав. Макарьевские Великие Четии-Минеи, 14 февраля, л. 455-й об.). Заметки на полях: «Лев драгун воинска чина, в Прологу окт. 14-го — сотник...» «Константин малейший сын» ... «Дитина Кирилл или Константин не ссет цицки чужой кроме матерней». «Сон Кирилла» — и т. п. заметки по тексту жития.

Л. 211-й. «Мца марта в 4 день стреть стыя мученицы и равноаплнна Фотиниа Самаронынн, с нею же беседова Хртос на студенце и иже с нею мучившихся». Начало: «Во дни Нерона, царя Римскаго»... (Срав. Макарьевские Великие Четии-Минеи, 20 марта, л. 550-й).

Л. 217-й. «В той же день житие блженнаго князя Вячеслава Чешскаго». Заметки — вверху: «Септ. 28», сбоку: «из великой Минеи-Чет'е выписано, но неисправно». Начало: «Се ныне сбытса пророческое слово»... (Срав. Макарьевские Великие Четии-Минеи, сентябрь, л. 944-й).

Л. 221-й. «Skarga marti, folio 258, марта 28 (Sic у Пролозе, at у Чет'е 29). Мучение стых Ионы и Варахасна и дружины их в Персиде». Справа заметка: «Acta ss., marti t. 3, f. 776». Начало: «В лето осмоенадесять царя Перскаго Савориа...» (срав. Макарьевские Великие Четии-Минеи, 23 марта, л. 912-й). В средине жития находится черновой набросок того же жития, написанный и во многих местах исправленный рукою Святителя.

Л. 235-й. О черноризце Аполлоне. Начало: «Видехом другого мужа свята именем Аполлона»... Заметка: «марта 31».

Л. 245-й. «Мца марта в 30 день (на л. 244: «марта 31») житие и подвиги и чудес сказание стого священномученика Ипатиа, еппа Гагранскаго». Начало: «Приниде нам днесь иже добрых виновник»...

Л. 256-й. «Марта 31-го. Vita ss. pp. f. 460 et 747. Acta ss. jann. tomo 2, die 25, fol. 623». Начало жития: «Бе некий муж праведен сый и преподобен, именем Аполлоний от града Θевсаиды»...

Л. 264-й. «О лете скончания преп. Марии Египетской рассмотрение».

Л. 266-й. «Мца Апреля в 6 день память и житие блаженнаго оца нашего и оучителя Мефодия Архиепископа Моравска». Начало: «Бог всемогый и благий». Заметки — сверху листа: «Из великой Минеи Чет'е преписано» (Макарьевские Великие Четии-Минеи, апрель, л. 93-й); на поле: «Мая 11-го».

Л. 273-й. «Слово похвальное Кириллу и Мефодию» (Срав. Макарьевские Великие Четии-Минеи, ib., л. 97).

Л. 280-й. «Марта 24-го». «Мца того же в 24. Страсть священномученика Артемона». Начало: «В лето двадесять четвертое царя Диоклитиана мятеж бысть»... Заметка: «Из Чет'е великой» (Срав. Макарьевские Великие Четии-Минеи марта, л. 579-й)... «Апреля 13-го». В тексте есть незначительные исправления.

Л. 284-й. «Служба, житие и чудеса преподобнаго Кассиана Римлянина грека Учемскиа пустыни, Углецкаго новаго чудотворца». Начало жития: «Православнии слушателие, отцы и братия» ... После жития (л. 301 и далее) находится 18 чудес.

Л. 313-й. «Мца мая в 9 день. Мучние свтого мучнка Христофора». Начало: «Лето второенадесят царствующу Декию». Заметки: «В великой Минеи Чет'е л. ХЧ» (По указ арх. Иосифа, май, л. 348).

Л. 313-й. «Мца мая в 10 день. Страдание стаго мученика Еразма». Начало: «В Антиохийском граде бысть смущение христианом». Заметки, справа: «В Прологу и в наших книгах мая 4-го; в Великой Минеи Чет'е лист ѡ мѣ»; «Знову в Чет'е июня 10-го, лист 300-й» (Срав. Макарьевские Великие Четии-Минеи, май, л. 240 — проложное сказание и июнь, л. 158 об.— житие).

Л. 325-й. «Мца Маиа в 23 день, иже в святых отца нашего Леонтия епископа Ростовскаго чудотворца». Начало: «Иже во святых отец наш великий Леонтий рождься в Константине граде» (Срав. Макарьевские Великие Четии-Минеи, 23 мая, л. 626 об.). В тексте жития многие слова подчеркнуты, а в одном месте, где указан год пожара в Ростове, «6668-й», внизу листа заметка: «Сице и в летописцу полудестовом в лето ≠ SXξH пожар бе в Ростове, а в Троицком Сергиевском летопису в лето ≠ ȘXO (6670)». После жития — похвальное слово, поучение и чудеса.

Л. 344-й. «Мца мая в 28 день Житие преподобныя матере нашеа Фелофия». Списано патриархом Терновским Еуфимием». Начало: «Иже к добродетели ведущий путь».. Заметка справа: «NB. Выписано з великой Минеи Чет'е. Не обретается же воспомяновение ея в месяцесловах, ни в прологах, токмо в Чет'е мая 28. Да положится убо где-либо» (Срав. Макарьевские Великие Четии-Минеи, май, л. 766-й).— «Мая 30. NB. Августа 3 зри ponne idem Jgacy. Мца [т. е. марта] в 21 день житие преподобнаго отца нашего Исаакия монастыря Далматскаго. Skarga fol. 225. В Чет'е марта 21, лист 1097». Начало: «По поклонении пртаго и поклоняемаго Крта Гда Бга и Спса нашего Ис Ха кумирослужению уж отвержену бывшю»... (Срав. Макарьевские Великие Четии-Минеи, 21 марта, л. 555-й).

Л. 363-й. «Марта 27. Мая 30. Августа 3. Житие блаженнаго Исаакия пресвитера и архимандрита Далматскаго». Начало: «По царствии Константина великаго царя»... Это иная, нежели ранее, редакция, исправленная Святителем. Так, например, в начале он приписал: «По обретении честнаго креста Господа нашего Иисуса Христа».

Л. 365-й об. «Марта 28. Мучение ст. Феодорита пресвитера в Антиохии при Иулиане царе отступнику». Начало: «Доблю и боголюбному изволению блаженнаго мученика Феодорита не точию есть дивитися»... Заметки: «Той же се, иже и марта 8-го и 3-го, в Чет'е великой, л. 1597-й. (Срав. Макарьевские Великие Четии-Минеи, март, л. 804-й); нет взменки о нем в Прологу, ниже мы в нашем писании его воспомянухом. Да положится убо где-либо». Затем это зачеркнуто и написано другое: «Положи... его марта 8-го але сокращенне».

Лл. 370-й и 389-й. Житие прп. Иеронима, разбитое,— начало на л. 389-м, продолжение на 370-м. Это черновая рукопись, написанная ре Святителем, но им тщательно особенно в начале, исправленная.

Л. 390-й. «Мца Июня в 15 день. Житие прбнаго (отца нашего) Иеронима (учителя церковнаго) от книг его собранное вкратце (Маркианом Викторием) иже поживе лета от Рождества Хва ТПИ. Начало: «Иероним преподобный бе от града Стридона»... Это исправленный и совсем готовый к печати список жития.

Л. 397-й. Рукою Святителя написано: «Camputatio annorum ex sacra scriptura», но никакого расчета лет далее не имеется.

Л. 398-й. «Июля 22. Житие св. равноапостольныя Марии Магдалины, списанное неким Илиею мнихом и пустынножителем ... из разных книг харатейных и достоверных свидетелей собранное».— Начало: «Св. Мария Магдалина родися от родителей честных и благородных, ибо отец Магдалины бе князь в Сирии, яже есть при мори. Сего жена именем Евхария роди три чада: сию св. Марию, Марфу и Лазаря». Рукопись прислана Святителю из Сибири Филофеем Лещинским, что свидетельствуется надписями в конце «Великому господину Митрополиту» — это, вероятно, адрес; ниже — «О ст. Жарии Магдалине от преосщ. Сиберскаго сентемврия 28-го, 1706 г.»,— заметка самого Святителя.

Л. 415-й. «Мца августа в 5 день. Мучение святаго Евсегниа». Начало: «Иулиан царь отвергся Христа»... (Ср. Макарьевские Великие Четии-Минеи, августа 5, л. 81).

Л. 420-й. «Житие и жизнь преподобнаго отца нашего Григория Синаита. Списано

святейшим архиепископом Константина града Кир Каллистом». Заметка: «Августа 8-го. Сего святого в месяцесловах нигде не положено. Положити убо его августа в 8 день, понеже в реестру проложном так положено. Его Творение «Достойно есть», Троице святей поемое на недельной полунощници по троичном каноне. Се не так история, как панегирик, словес преумножение, а самых дел менш и за распространением словес едва уразумети историю». Сделаны отметки и на полях: «Начало ... отечество ... кончины начаток» и т. д., по которым видно, как Святитель из многословного жития (лл. 420—449) выбирал то, что ему было надо.

Л. 450-й. «Святого Мелита епископа Сардийскаго о преставление Приснодевы Марии книга». Заметка: «Перевод отца Антонна Стаховскаго, казнодея Черниговскаго».

Лл. 454—460. Месяцеслов на месяцы — июнь, июль и август, о котором подробно скажем ниже.

Л. 466-й. Имена историков и хронологистов.

Л. 468-й. «Ex sanctorum actis». «Собрание некиих святых древних невоспомяновенных в месяцеслови словенском, ихже житиями возможно будет наполнити дни, оскудении от житий настоящих святых дней (sic!)». Подробно эту рукопись рассмотрим ниже.

Л. 476-й. «Свидетельства, яко святыи в небеси суть»: а) из Октоиха; б) из Триоди постной; в) из Триоды цветной и г) из месячных Миней.

Л. 538-й. «Месяца июлиа в 16 день память святых и Богоносных отец 318, иже в Никеи». Начало: «Св. вселенский первый собор бысть». (Срав. Макарьевские Великие Четии-Минеи, июль 16, л. 193 об.). Заметка: «О соборах вселенских».

Л. 545-й. «Мца июлиа в 22 день — Страдание святаго священномученика Фоки». Начало: «Елма многащи отшествия Спаса н. И. Ха»... (Срав. Макарьевские Великие Четии-Минеи 22 июля, 390 л.).

Л. 546-й. «Кирилла мниха слово на собор святых отец 318, от святых книг сказание о Христе Сыне Божии и похвала отцем св. Никейскаго собора». Начало: «Якоже ритора и ветна»... (Срав. Макарьевские Великие Четии-Минеи, июль 16, 183 л.).

Л. 550-й. «Беседа св. Кирилла архиеп. Александрийского о Пресв. Богородице и о свв. Отцах Ефесскаго собора» (То же в Макарьевских Великих Четиих-Минеях, июль 16, л. 186-й).

Л. 562-й. «Григория священника Кесарии Каппадокийскиа о святых 318 отцах, иже на соборн Никейском». Заметка: «Surius л. 156 и 163». Начало: «Начальником повиноватися увещано апостольскою заповедию».

Л. 577-й. «О св. муч. Иануарии, латинский текст из Суриа, л. 597». В самом конце рукописи латинский текст книги еписк. Мелита (см. ранее, л. 450-й).

(240) И. А. Шляпкин. Цит. исслед., с. 373, примеч. 1-е. Срав. письмо Святителя к митрополиту Иову. Там же, с. 372.

(241) Письмо 10-е. «Ярославские епархиальные ведомости».

(242) См. письма к Феологу и митрополиту Иову в книге И. А. Шляпкина, с. 372.

(243) И. А. Шляпкин. Цит. исслед., с. 283, примеч. 4-е.

(244) Пролог этот находился в библиотеке Московской духовной академии, № 8/300.